

Кажется, будто события "псевдоромана" происходят с разными людьми и в разных местах, но к концу выясняется, что и место одно, и главных персонажей — всего двое: Он и Она. Оба переживают трудности, порой непосильные для людей, меняют имена, обличья, профессии, даже времена, но остаются той же парой: Он и Она. А роман теряет свою приставку "псевдо" и оказывается действительно рыцарским.

Владимир Шкаликов

ГЕНИЙ САМОСУДА

Квазирыцарский псевдороман

- Может ли из большого числа неудач сложиться счастье одного человека?
- Может, пожалуй. Если это касается любви и смерти.
- Одновременно?

Подслушанный диалог

- Больной потел пред смертью?
- Да, доктор.
- Это хорошо.

Анекдот

1. ФОТОКИЛЛЕР

"Письмо из-под колеса. Постараюсь уместить поменьше. Ты говорила: "Кто умнит, тот неинтересен". Кто же интересен? Тот, кто ближе к правде? Значит, циник.

"Война" и "красивый" в латыни обозначаются одинаково - "белл". Разве это не цинично?

Война - ближе к смерти. Красота - ближе к любви. Но ведь назвал кто-то Любовь - битвой... А другой сказал: "Я убил эту рыбу, потому что любил ее"...

Любовь, битва, война, красота - все "белл". Цинично и потому заслуживает доверия... "Пара бэллжум" - "готовься к войне" или "готовься к любви"? И то и другое заслуживает доверия.

А вот слова, которым не верю, хоть и сказаны, будто бы, в момент истины, на похоронах: "Зло пока еще побеждает, но добра - больше, и оно, в конечном итоге..." Если здесь нет лицемерия, значит - это глупость. Ибо бесспорно, что Зло есть всего лишь узконаправленное Добро. Или, как сказал бы по этому поводу Братан: "Войны не будет, но развернется такая борьба за мир, что камня на камне не останется".

Нет в Природе ни Зла, ни Добра. Есть факты. И есть людские толкования фактов, весьма произвольные, потому что эгоистические. "Добро и зло приемли равнодушно" - немного не по классике, зато по существу.

Умню? Можешь дальше не читать. Но знай: пишу для одной Тебя. Никогда ничего никому не писал: ни писем, ни записок. Эта тетрадь - первое и единственное... Чуть не написал - "сочинение". Это не сочинение. Это - эссе в буквальном значении: "опыт". Но даже его нет смысла брать с собой. А Тебя в нем кое-что касается. Только Тебе и вижу пользу в нем - как в новом ракурсе. Вот и прими, если хочешь. А я удаляюсь туда, где все налегке и, кажется, все друг друга любят. Надеюсь: если прочитаешь и встретимся ТАМ, - будет тема для бесед.

Расскажу Тебе то, чего Ты обо мне не знала. Если бы знала, не ушла бы? "Человек интересен, пока в нем есть тайна", - твои прощальные слова. В них есть резон, но, конечно, нет истины. Если прочитаешь это эссе, - убедишься. Мои тайны не только не удержали, они оттолкнули бы Тебя еще в день знакомства.

А теперь мне безразлично ВСЁ. Даже Ты. Я совершил, наконец, свой Поступок и ухожу вполне пустой. Точка после слова "Конец" завершит не только эту тетрадь, но и меня. Это выглядит как жест, но и жест имеет право быть правдивым. Даже обязан.

С чего же начать? Совершенно не важно. По-моему, тайная жизнь знакомого человека притягательна в любом ее месте.

Ты помнишь, может быть, отрывок из фантастического романа, точнее - из рукописи, что я Тебе зачитывал? Там один из героев, бессмертный супернаёмник по прозвищу Бэби Бой, рассуждает о человеческих сортах. Люди первого сорта производят первичные ценности, материальные и духовные. Второй сорт - полезные творцам вспомогатели: всякие торговцы, организаторы производства, официанты и тому подобные. Третий сорт - безвредные паразиты вроде старцев, инвалидов и подобной немочи. А к четвертому сорту честный наемник относил людей преступного мира: собственно воров, полицию, армию, чиновников разных прочих государственных учреждений. Самой вредной подгруппой в четвертом сорте Бэби Бой считал профессиональных политиков. А когда спрашивали, отчего же он сам не покидает ряды вредных паразитов, он важно отвечал, что такая необходимость естественно вытекает из его же классификации. Чтобы четвертый сорт не пил кровь из первого и второго, тем надо выделить кого-то на свою защиту. Но выделяемый сам сразу становится четвертым сортом! Безвыходная ситуация. Вот Бэби и выделил сам себя для отстрела самых вредных людей четвертого сорта. В себе он не сомневался: абсолютно не продажен. Он был умница и гениальный боец. Ты в него не поверила: сказала, что автор - идеалист.

Автором рукописи был мой отец.

Кстати, что важнее: авторство или родительство? И есть ли между ними связь?

Мое рождение - результат романтических отношений между замужней женщиной и женатым мужчиной. Вместе им быть не полагалось, как двум первым пилотам за одним штурвалом. Короткий бурный роман, активное участие общих друзей - в основном разрушительное, потом самолет затянуло в штопор, и все его покинули. Отец остался с семьей, а мама рожала меня уже в одиночестве. И вырастила в одиночку. И о том, кто мой отец, я узнал случайно, неважно как. Был он неплохим журналистом и пытался стать писателем. Для этого ушел в дворники, влачил героически жалкое существование, кое-как воспитывал двоих собственных детей и инфантильную любящую жену. А может, она его пыталась воспитывать - это темно и неинтересно.

От мамы мне достались внешность и темперамент, хорошо Тебе известные, от отца - выносливость и от обоих - ряд способностей. С некоторыми из них знакомы все, кого я фотографировал и с кем служил в газете, а о других Тебе предстоит узнать, если Ты все еще читаешь это эссе.

Ты, конечно, помнишь, как мы встретились?

Бравый фотокорреспондент и веселая студентка. Ты изучала фольклор северных аборигенов, а я делал репортаж о нефтяниках.

Даже если б мы не познакомились, Ты запомнила бы этот день. Ты стояла внизу, в, так сказать, ликующей толпе, а местная элита влезла на самый верх, чтобы эффектно открыть новую мачту нового нефтеградского телецентра. Местные умельцы собрали ее из двух буровых станков, именуемых в народе вышками, а честь открытия предоставили, конечно, генеральному директору. На высоте восьмидесяти метров он перерезал красную ленточку и - свалился к вам, только успели расступиться.

Всех нас, кто был с ним наверху, допросили, конечно. Все показания были одинаковы: спрыгнул сам. К делу приложили мои снимки: вот он режет ленточку и улыбается, вот с улыбкой приветствует зрителей, вот прыгает, как козел, через ограждение, вот лежит в кругу толпы - вид сверху. Дело закрыли как несчастный случай. Одним кровососом стало меньше.

Тогда же я удачно сфотографировал в толпе Тебя и на другой день подошел со снимком: "Можно попросить автограф?" А Ты попросила рассказать об ужасном происшествии. А потом... Если бы я сразу рассказал правду, не было бы никакого "потом". Конечно, сразу Ты бы не поверила, потребовала бы доказательств. Пришлось бы сделать, скажем, так, чтобы Ты меня поцеловала... В общем, тут все понятно. Я рассказывал забавные истории, показывал интересные снимки, щебетал, чирикал, ворковал - и получил свой поцелуй безо всякого принуждения.

Никогда не любил и сейчас не терплю внешних эффектов. Будь тогда у меня другая возможность, не было бы и шикарного генеральского прыжка. Но он постоянно торчал на людях, а дело не терпело отлагательства: очень уж круто он объединился с другим кровососом. Который, впрочем, тоже же прожил недолго...

Ты прочла, в голове Твоей возмущенные мысли: "Загипнотизировал и соблазнил! Убил человека, а меня подобрал для отдохновения, подлец!" Ты не права. За все наши встречи ни разу я не применил к Тебе насилия. А в тот день подобрал Тебя не я, а референт генерала. Я слышал, как за минуту до убийства он докладывал: "Нашел студенточку. Само совершенство. Вон, в белом плащике". С восьмидесяти метров только плащик и разглядишь, но этот поспешил перерезать ленточку, чтобы скорее перевеситься через ограждение и помахать Тебе красным лоскутком. Ты уверена, что отказалась бы от приглашения на банкет? Ты уверена, что устояла бы после дорогого коньяка? Они ведь умеют... Меня бы на банкет, конечно, не позвали.

Я не подбирал Тебя, я высмотрел. И я был честен с Тобой. Во всем, кроме того, о чем молчал. А молчал, потому что Ты не признавала насилия ни в каком виде. Хотя и подвергалась ему постоянно, как любой человек не четвертого сорта. Стоило мне хоть заикнуться о несправедливости и возмездии, как Ты вставала на дыбы: "Всякий труд необходим, лишь бы был честен".

И я подумал: "Что ж, значит, и мой - тоже. И Бог мне судья".

Когда узнавала о каком-нибудь убийстве (бывали среди них и мои). Ты начинала фантазировать о личности убийцы. Это был человек без интеллекта, без нервов, без интересов, без чести, совести, достоинства, ничего не признающий, кроме денег. Я спрашивал: "Для чего же тогда ему деньги?" Ты отвечала ходульно: "На выпивку и разврат". Я возражал: "Но ведь так долго не проживешь". "А они долго и не живут. Их убивают свои же". Эх, все-то Ты о нас знала. Ты говорила: "Это маньяки и садисты. В детстве они мучают кошек и убивают птиц, потом неизбежно попадают в дурную компанию, их там всему учат". Ты читала у Шаламова: "Все уголовники - психопаты". Ты читала в беллетристике и видела в кино, что нормальный человек, случайно или вынужденно убив другого, сразу теряет голову. А если надо спокойно поднять ствол и застрелить негодяя, нормальный ни за что сразу не нажмет - долго произносит обвинения, палец его не слушается. А негодяй терпеливо ждет. Вся эта чепуха позволяла тебе увлекаться мною и вести беседы.

Ты ведь искренне говорила о любви?

Я расскажу тебе о киллере, который не замучил ни одной кошки и в жизни не держал рогатки. Ты узнаешь...

Узнай же, если еще не бросила читать.

Впрочем, пока не начал, хочу опередить Тебя в одном воспоминании. Однажды мы с Тобой смотрели фильм Сиднея Поллака. "Три дня Кондора", помнишь? Там мелькнул киллер-интеллектуал. Очки, манеры - ну профессор. При первой встрече ему не удается застрелить героя, а при второй - он героя спасает и убивает его врага. На удивление героя отвечает так: "Относительно вас у меня не было указаний". И предлагает убивать вместе: "Работа не хуже других". Герой отказывается, и киллер спокойно едет домой, чтобы на досуге предаться любимому занятию - вырезанию крохотных костяных (или деревянных?) фигурок-нэцкэ. Помнишь? Так вот это - не обо мне. Жизнь без страсти есть не более чем существование белкового тела. То есть, это я так понимаю. Да Ты и не полюбила бы меня бесстрастного. Ведь разглядела что-то, правда?

Но в момент убийства - никакой страсти. Я еще в раннем детстве удивлялся, когда в кино герой кричал: "Полу-чай же!" и стрелял из револьвера, будто камни кидал. Так ведь ни за что не попадешь! А враги падали... Очень скоро - в стрелковой секции - мне показали, что надо делать, чтобы не промахиваться. А чуть позже, в секции бокса, я с удивлением обнаружил сходство между точным выстрелом и точным ударом. Все то же - никаких страстей. Спокойствие, отработанность и ничего лишнего в движениях. А еще попозже, в армейском учебном центре, я узнал и всё остальное: всё, что к тому времени было известно о сохранении собственной жизни при насильственном отделении чужой души от тела. Как видишь, не дурная компания, не пьянство и не разврат сделали меня тем, кто я есть. Конечно, к сумме тренировок необходимы и природные данные. Но еще потребен вполне определенный ряд совпадений: удач, случайностей, везений. Без этого **полного** набора не может состояться ни один стоящий профессионал.

Мне повезло многожды. Хотя природа и имеет обычай отдыхать на детях гениев, от моих выше среднего одаренных родителей мне досталось явно лучшее. Кроме уже упомянутых внешности и темперамента, мама располагала аналитическими способностями, которым завидовали мужчины, проницательностью ведьмы, превосходной спортивной подготовкой, легко усваивала языки, профессионально рисовала, мастерски фотографировала и стреляла - далеко не все назвал, универсальная одаренность. Они с отцом познакомились на прыжках в аэроклубе. Он тогда был чемпионом города по боксу, славился как мотогощик, восхищал публику фельетонами в газете. Правда, в парашютизме оба они больших успехов добиться не успели.

Ах, неистребимое и не очень красивое желание каждого выглядеть хорошим! Даже ненавидимый всеми киллер пытается стать чуть менее ненавидимым. Уверен, Ты думала именно так, когда читала о достоинствах моих внебрачных родителей. Ну так ты опять не права. Киллеру не надо выглядеть. Он знает, что черен, как библейская змея аспид, которая прячется в дорожной колее и кусает прохожих за босые пятки. Зачем же аспиду отличаться от колеиной тьмы, которая его укрывает? Но и ему нужно везенье, чтобы стать и оставаться аспидом: ядовитые родители с упругими черными телами должны передать ему прекрасное обоняние, мгновенную реакцию, подходящую дорожную колею на подходящем расстоянии от населенных мест...

Ты читаешь это безобразие и думаешь о душе: мол, не худо было бы родителям аспиды позаботиться и о таком наследстве. Нет-нет, всему свое время. Сначала - о простом: о дарах природы, о наследуемом и тренируемом. О душе - разговор отдельный. Она не наследуется и не тренируется - в прямом смысле слова. Ее пути - неисповедимы. Ее воспитание - полигон парадоксов. Да и само ее существование - по-моему - скорее условность, чем реальность, хотя и неопровержимо. Неопровержимая условность, да?

Что есть фотон: частица или волна? Не ухватишь, не остановишь, а пленку все равно засвечивает. Так и душа, только наоборот: не светит, но греет.

Умню? Не спрашивай о душе - не буду умнить.

Но вот что еще добавлю, прости уж. Между всякими там талантами и душой нет абсолютно никакой связи. Это наблюдение не мое, ему века, но я с ним согласен, вот что важно. И сделал его самостоятельно. И в так называемом научном диспуте о душе и таланте настаивал бы именно на абсолютном отсутствии так называемой корреляции. Талант - котлета, душа - муха, все - отдельно. И никаких исключений. Богу - Богово, мозгу - мозгово.

А все это я к тому, что быть в пирамиде талантов выше своих родителей - это вовсе не достоинство индивида, а простое генетическое совпадение. Черно-белый котенок от сиамской кошки и сибирского полосатого кота. А душа, повторяю, не наследуется. И никакое образование, даже в степени всех талантов, не откроет этого таинства: откуда душа прилетает, почему она вот такая и куда улетает потом.

Уже после Твоего ухода я прочел "Книгу духов" Кардека. Весьма оптимистическое сочинение: душа **необратимо** превращается из зеленой навозной мухи в очаровательную ангельскую бабочку, а сколько телесных жизней для этого ей потребуется, зависит только от старания. Умер негодяй, душа отлетела, похоронившись среди других и - в новое тело, с предначертанной в штрихах судьбой. Прошное забывается, все сначала начинается. Слева дурные духи дают советы, справа - ангел-хранитель, совершенная душа. Знай, слушайся да сам не плошай. Можно за одну жизнь до ангела небесного дорасти, а можно веками оставаться в мухах. И в муках. Но уж если выстрадал совершенство духовное, больше тебе в злодеях не бывать... Красивая сказка. Этакая черно-белая смесь, помесь кришнаитской кошки и христианского кота. Мне она нравится больше, чем ислам, хотя я и мусульманин. В исламе ведь все просто до грубости: убей гяура, умри за веру - и ты в раю, аллах акбар. Что я и сделал.

Кстати, Ты ведь не знала, что я мусульманин. А история занятная. Сейчас расскажу. Долой тайны.

Собственно, это история моей первой смерти. Поэтому не могу утверждать, что получаю от воспоминаний удовольствие. Тем более, что смерть не одна и не моя. Моя - только похоронка.

Теперь-то я понимаю, что уйти в солдаты с последнего курса университета, притом добровольцем, притом на чужую войну, притом на стороне неправых - это идиотизм. А тогда я вполне искренне называл это интернациональным долгом. Но чтобы узнать, что такого долга нет в природе, человеку моего воспитания необходимо погибнуть. И я погиб смертью храбрых, прикрывая отход товарищей. При попытке снять мое тело со скалы погибли еще четверо, вместе с вертолетом. А пока душманы (не читая Кардека, мы именовали их "духами") выхаживали мое тело от ран и обращали в истинную веру, мама получила извещение о моей гибели и умерла. Так быстро истаяла, что из ее зарплаты всего два раза успели вычесть так называемый налог за бездетность.

Ты наверняка не знаешь, что этот налог распространялся не только на холостяков, но и на родителей, чьи дети погибли, - неважно, как и за что.

Папа узнал о моей гибели уже после смерти мамы. С него налог брать не полагалось, потому что ко мне официального отношения не имел, а своих двоих кормил исправно. Но когда умерла мама, он тоже долго не продюжил. Как писал ей когда-то:

"Жив, пока ты хоть где-то есть", так оно и вышло.

А мое вылеченное тело потрудились годик в плену, вступило там в ислам, приобрело таким образом некоторое доверие, организовало вооруженный побег - ну буквально на уровне восстания Спартака - и с большим шумом чуть не погибло снова. Однако Аллах миловал: из всей этой свалки я один вышел невредим. Представь себе, "духам" нельзя было нас упустить, чтоб в мире не начались разговоры об их жестокости к пленным, и они очень старались. Они перебили нас ценой очень больших потерь, потому что парни подобрались один к одному. А уцелел из всех только я. И клянусь, как перед Богом, он же Аллах, Элохим, Иегова, Яхве, что ни в одной из этих святых смертей нет моей вины: мы все одинаково стремились домой, в одну силу работали. Когда рядом погиб последний, в меня вселился какой-то бес - а может быть, все их лихие души вошли в меня на несколько часов - и я прорвался сквозь "духов", как коса сквозь мокрую траву: они полегли, а я пошел своей дорогой.

После этих приключений я не боюсь ни ада христианского, ни ада мусульманского, ни кришнаитской реинкарнации.

Домой вернулся тихонько и не стал устраивать шум на весь мир о зверствах "духов" над нами. Иначе Аллах не простил бы мне молчания о наших зверствах над ними. Просто сейчас я встану, опущу седую голову и помолчу, а потом сяду писать Тебе дальше.

Мир праху убиенных - неважно кем и неважно за что. Сейчас последует истина из той области, где я могу считать себя экспертом:

- Преднамеренное убийство себе подобного —
самое крайнее выражение **человеческой сущности**.

Дальше - какая-то бездна. Впрочем, и это открытие - не мое. Открытия вообще не существуют. Как и истины, кстати. Вот явления - другое дело, их можно просто увидеть. Но что за честь Разуму

- кричать об увиденном, пусть даже раньше всех? Вчера об этом другой кричал, только мы не слышали. И не видели, потому что были в другом месте. А завтра в третьем, десятом, сотом месте еще кто-то вообразит себя гением...

Умню. Это от одиночества. И от безвременных сединок, из-за которых на меня в толпе смотрят с почтением. Бр-р-р.

Впрочем, почему же "бр-р-р"? Всякая седина - след душевного труда, а такой труд - в любой идеологии - особенно почитен.

Например: "Мне нужны парни с крепкими кулаками, а если между делом они стащат часы, то это не беда". Мудрый Шикльгрюбер знал, что через годы, если эти парни уцелеют, им будет стыдно за украденные часы, и они поседуют. И начнут творить добро. И из всех сил начнут воспитывать в детях благородство... Как Ты думаешь, я это всерьез или пошутил?

Вернемся же в тогда, когда я, герой-интернационалист, отдыхаю от ран и битв.

Я хожу на могилку к маме и обещаю ей больше не умирать. Обоим обещаю - ей и папе - их похоронили рядом - вот сила любви. Но не той любви, что между ними, а той, что осталась в одиночестве и все им простила. Я подружился с ней и многое от нее узнал. Тебе я о ней не рассказывал, оцени. Берег ее чувства.

Кстати, ее так и звали - Любовь. Да и поныне зовут, она жива еще. И меня переживет, это уж могу гарантировать. Любовь Михайловна. Отчество - несущественно.

Так вот, значит. Нашли меня сразу, как только отметился в военкомате. В день моей первой пенсии пришел неброский человек, посочувствовал, что пенсия столь мала: государство, дескать, обязано теплее относиться. И положил на стол конверт: "Общественная организация бывших воинов назначает вам пособие". "Единоразовое?" "По обстоятельствам. Вы меня понимаете?" "Ну, на то у меня и высшее образование..." "Отлично! Отдыхайте пока. А мы вам службу подыщем. Что-нибудь связанное с разъездной фотографией, да?" "Идеально". Ни черта больше я и не хотел. Фотография беспристрастна, почти как наука. Хотя, конечно, если рук не мыть, на любых снимках пятна оставишь...

Вижу, Ты морщишься: "Чистоплотный убийца!?" Разгладь свои морщины и ответь: почему барс живет дольше свиньи? Потому что чистоплотен и все время оглядывается. Это однозначно. Помнишь, мы смотрели фильм, где великий Джигарханян сыграл старого киллера? Ты наверняка думаешь сейчас: "Вот именно, даже такого матерого все равно убили. А потом так же убьют тех, кто убил его. И так будет всегда". Ты права, но необходима оговорка: "Горе лишь тем, кто для других выдумывает правила, а для себя - исключения. Назовись свободным художником, уважай чужую свободу, делай свою работу, держи слово - и дело в шляпе. Кто это исполняет, тот долго живет. Конечно, при исполнении еще одной оговорки: "Строгая взаимность - обязательна". К этому сводятся все законы Карнеги, Паркинсона и прочих.

Ну, кажется, выумнил все, на что был способен. Дальше буду просто рассказывать, без философии. Зачем киллеру философия, верно?

Кстати, а в самом деле: зачем киллеру философия?

Да уж, философия - заразительное занятие. Даже для дилетанта, который всего лишь нахватался азов в университете, после чего навек ушел в наемные убийцы. Не хочешь, а все равно - машинально - ищешь во всем это самое подобие разных вещей и разницу подобных. Будто без этого тебе на спусковой крючок не нажать.

О совместимости убийства с образованностью мы уже не говорим, уже сказано: котлеты - отдельно, мухи - отдельно. Чего же я толку воду в ступе? Оттягиваю миг, когда надо будет ставить точку. Так уж не трус ли я?

Вот до чего доводит философия. "Собака имеет глаза и уши, Кай имеет глаза и уши, следовательно, Кай - собака". Всякому человеку присущ страх, следовательно...

Все! Начнем.

Пока отдыхал после плена, я повспоминал фотографию руками: проявляющие составы, съёмка портретная, спортивная, производственная, ритуальная, макроскопическая, выбор точки и ракурса, постановка света... Все это восстановилось легко, а когда разложил перед собой готовые снимки, убедился, что и главного не утратил. Главное - талант, который одинаков и для фотографа, и для киллера: способность вовремя нажать. Не раньше и не позже, а именно в тот единственный момент, который лучше всех оценил великий Гёте: "Мгновенье, ты прекрасно!"

Теперь опустим бытовые подробности и увидим меня через полгода.

Я еду в командировку от областной газеты. Я - нештатный фотокорреспондент: в коллективе состою, но оклада не получаю, только гонорар и командировочные. Это в простоте и называется - "свободный художник". Не обязан готовить чужие материалы, работать с чьими-то письмами, дежурить по номеру, делать обзоры и тому подобное. Сплошные права. Право принять задание или отказаться. Право самому найти темы. Право самому назначить срок сдачи материала. Право поддохнуть с голоду. Последнее, мне, понятно, не грозит: я - пенсионер. Ах, да, есть одна обязанность, чисто этическая: любой материал предлагается прежде всех родной газете. Но такая обязанность и самому приятна.

Я еду в **первую** командировку, хотя по газетным делам изъездил уже всю область. Ответственная организация, которая исправно поддерживает меня пособиями, предложила выполнить первую вокацию. И тоже выдала командировочные.

Почему вокация, а не акция, не операция, не шлепок какой-нибудь? Не спрашивал. Пусть у каждого барона будет своя фантазия. Тут важно другое: я ждал этого предложения, я был к нему готов, я изучил его и принял. Чтобы Тебе понять до конца смысл последних слов, нужен экскурс.

У этой фирмы есть свое, домашнее название, но никто нигде не найдет ни его, ни фирмы, пока она не явится к нему сама. Как она ходит и находит - это дела кухонные. А называется она пусть "Ветеран-Сервис". Просто и непонятно: то ли услуги ветеранов, то ли услуги ветеранам, и что за услуги, и чьи ветераны? Фирма-мираж.

Неброский гость навещал меня неоднократно. Во второй его визит были названы знакомые места, мало кому известные эпизоды и была выпита бутылка водки за упокой душ, чьи имена мы оба свято помнили. И больше мы с ним не пили ничего крепче кофе. Он не для того был закреплён за мной, чтобы пьянствовать. Мы виделись на полигонах, в спортивных залах и плавательных бассейнах. Тренировки носили как бы частный, а встречи - как бы случайный характер. Никого больше из "В-С" я не знал, а с этим человеком мы обращались друг к другу одинаково: "Братан".

Он откровенно блаженствовал в маминой квартире, которую я превратил в мастерскую. От души хвалил мои снимки, развешанные по стенам, и чистосердечно гордился, что среди них красуется шикарное деревянное блюдо, вырезанное им собственноручно. Было в нем то самое высокомерие, которое выделяет людей совершенных среди неразвитой серости.

Не пугайся этих слов. Сейчас Братан прочтет нам короткую лекцию о высокомерии. Вот он сидит передо мной. Между нами табуреточка, а на ней - раскрытые нарды. Братан счастлив, ослаблен, выбрасывает очередной куш из единиц, который сминает ему все победные планы, иронически оценивает ситуацию: "Прушник я!" и продолжает только что начатую речь.

- Вот тебе и пример: не везет мне сейчас в нарды. Мне бы возмутиться, отчаяться, дуть на камни: "Зара, дай!" и тому подобное. А я спокоен, даже счастлив - почему? Потому что следую истине: "Игра - развлечение умного и страсть глупца". При этом нисколько себя не насижую. Мне действительно больше нравится процесс, чем результат, как тому ученому из анекдота.

Он быстренько вставляет в лекцию анекдот о жене ученого, покупающей на ночную рубашку целый отрез батиста. Смеется вместе со мной, удачнее бросает камни и продолжает:

- Ты, братан, первый человек, который с одного раза поверил, что меня не огорчает поражение в игре, даже результат безразличен. Все считают, что представляюсь. И называют - с самого детства! - высокомерным. Правда, не всегда именно этим словом, но в этом смысле: "зазнаёшься", "много о себе понимаешь", "ставишь себя выше других"... Принимаю только "высокомерие". Сейчас докажу, что это ни для кого не обидно, если вдуматься. Ага, вижу, ты уже вдумался. Ну, тогда просто следди, все ли совпадёт. Подходить ко всем и ко всему с **высокой мерой** может каждый, если выполняет несколько условий. Во-первых, чтоб самая высокая мера требовательности - к себе. Во-вторых, восхищение чужими достоинствами. И в-третьих, великодушие к чужим недостаткам. Если делать это тактично, все будет в высшей степени по-человечески. Когда чванливая бездарность пытается поставить себя выше других - это смешно, глупо или страшно - в зависимости от обстоятельств и масштаба. Когда же ты **природой** поставлен высоко, тогда что же тебе - голову в плечи втягивать, на корточках садиться? Ну, и так далее. Совпало? Отлично! И, значит, те, которые называют нормального гения выскочкой, просто ему завидуют. Было, я долго не верил, что зависть существует. Думал: как же береза может завидовать осине, и тому подобное. Ведь зависть хорошо прячут, потому что её стесняются. Её каждый раз вычислять надо! Я был настолько туп, что долго не понимал этого, но дошёл сам, горжусь!

Он так радостно купается в своем высокомерии, считая меня равным, отпуская все тормоза, что я хохочу от удовольствия и - делаю на доске неправильный ход. Он тут же меня ловит, хохочет сам и комментирует:

- Я всегда говорил, что смеющийся человек беззащитен! Я в университете все экзамены так сдавал: рассмешу экзаменатора - и готово!

В таком духе мы обычно и проводили наши встречи. Заметь: ни слова о делах. Так было договорено во время его второго визита. Деловая часть бесед осуществлялась молча. Из рук в руки полу-

чаю Обоснование задачи, тут же внимательно знакомлюсь и, если согласен, киваю. В ответ на кивок получаю второй документ: все необходимые данные на объект вокации. Их - до полного заучивания - оставляю у себя, после чего - сжигаю. Желательный срок исполнения указывается в Обосновании.

До сих пор восхищаюсь мастерством, которого стоила Братану естественность нашей решающей, второй встречи.

Он принес второй конверт, а я выглядел напряженно, настороженно, ждал вербовки с неприязнью, готовый отказаться от "пособия", даже драться... Он это оценил с одного беглого взгляда. Пожимал мне руку, будто хватал быка за рога, и сразу начал на "ты":

- Братан, за фирмой никто не стоит, чистой воды наука. Ниже высшего образования ни у кого нет. Берем только своих...

- А как решили, что я - свой?

- Пошли на кухню, - был ответ. - Расслабимся и скажу

На кухне он молча выставил из сумки бутылку и сам полез в шкаф за стаканами. А между этим делом, скромно так, назвал мне первое имя и эпизод. Такое имя и такой эпизод, что мои руки сами поспешили откупорить бутылку

Мы пили понемногу. Я принес гитару, и мы пели такое, чего не поют ни по радио, ни в концертах. То была фольклорная солдатская самодельщина про Саланг, про "каскад", про Мазари-Шариф, про "двухсотых" и "трехсотых" и, конечно, про "духов". Хоть и без искусства, зато уж со слезой и настоящим, хотя и специфическим, юмором.

Когда бутылка опустела, я выставил вторую, но гость жестом не велел открывать.

- Всё, братан. Эту спрячь до первой вокации. Пойдём, проводи меня. На пленэре и пощечей.

Сказал - и смотрит испытующе. И я понял: если начну настаивать на продолжении, начну демонстрировать волю - он уйдет и не вернется. И на мне кто-то поставит крест. А мне - после имён и эпизодов - уже хотелось быть к ним поближе. К тем, кому я свой.

На улице слегка, помню, моросило, и он извлек из сумки зонтик. Под этим зонтиком (почему-то помню: он темно-сиреневый с мелкими цветочками) я и узнал тайну. Не боюсь Тебе ее доверить, потому что, если проговоришься, даже если - невероятно! - опубликуешь эту тетрадь, никто из так называемых серьезных не поверит, а достойные люди из "В-С" только пожмут в мой адрес плечами: "Сломался. Жаль: чисто работал".

Чистота - залог успеха. Об этом я уже рассуждал.

Держа в левой руке мой локоток, а в правой - свой почти дамский зонтик, Братан вот что рассказал.

Не один я, такой образованный, побывал с оружием в чужих краях и не один я оттуда вернулся жив. Умы стеклись к хорошему компьютеру и мозговому штурмом породили блок идей, направленных на спасение Отечества. Всё, как видишь, банально, как у всех террористов: все норовят Отечество спасти. За основу взяли не национальные и не классовые, а просто житейские интересы того большинства, которое Бэби Бой называл первым и вторым сортом. Определили иерархию ситуаций - от районного и областного до всероссийского масштаба. И целый год изучали приоритеты и связи между ними, попутно составляя программы. К сегодняшнему моменту "Ветеран-Сервис" имеет достаточное для активной работы количество разработок по двум направлениям, именуемым "Вокация-1" и "Вокация-2".

Сложно для понимания? Это с непривычки. На практике всё просто - по крайней мере, для исполнителей вроде меня.

Повспоминай известные крутые ситуации - переворот в Чили или, поближе к нам, разгром несчастной разбойничьей республики Ичкерии. В любом подобном катаклизме на виду находится яркий лидер - какой-нибудь Пиночет или Дудаев. Все эти герои-генералы всегда служат только вывеской ситуации - истина очевидная. Мыслители из "В-С" поставили себе цель: вычислять подлинных организаторов событий и - действовать по двум вокационным вариантам. Если в какой-то местности или отрасли зреет полезное народу начинание, могущее в случае успеха охватить благом всё население, то ключевая фигура такого дела подлежит обеспечению охраной. Это - "Вокация-1", к "Ветеран-Сервису" плотного отношения не имеющая. Там все гласно и конкурс среди исполнителей 10 человек на место. Исключение - когда, из-за особой скромности лидера, его не только не охраняют, но и не замечают. В этих редчайших случаях может присматривать "В-С". Когда же деятельность ключевой фигуры носит грабительски-разрушительный характер, она подлежит ликвидации, и это - "Вокация-2", как раз по нашей части. Ясно, что работа крайне секретная, крайне опасная и часто весьма срочная - если ситуация запущенная. Конечно, не всегда удается ликвидацией кого-то спасти что-то, но - как говаривал наш инструктор по парашютной подготовке, - случаи были. Всё происходило, как при разборке шатра: падал центральный столб - и опасность оседала, гасла - до следующего столба, а то и насовсем. Во всяком случае, у тех, кого следует оберегать, появлялся шанс.

Интересно, что громадная, на всю Россию, организация "Ветеран-Сервис" не только не является хоть чуточку государственной, но даже напротив того - ибо слишком мало в государстве чинов-

ников с чистыми руками да к тому же чересчур непопулярен метод "В-С": эффектен сверх нравственной меры.

Совсем коротко говоря, задача "В-С" по большому счёту всего одна: освобождая народ от гнета воров, помочь ему выбраться из нищеты. Не забудем, что слова "врать" и "воровать" - однокоренные искокон.

Эффектный метод и эффективен в высшей мере, безусловно.

Мне это понравилось, и я согласился.

И вот - первая вокация. Конечно, совмещенная с газетной командировкой. Мне бы волноваться, а я доволен и посмеиваюсь, потому что наконец в настоящей переделке, хоть она и не со мной. Да еще Братан на прощанье рассмешил.

- За крупные, - говорит, - промахи я сажал бы правительство в долговую яму. Пусть сидят, пока народ не исправит их ошибки. Под руководством следующего правительства, которое с опаской поглядывало бы в эту яму. Будь я диктатором, обязательно велел бы приводить правительство к присяге на краю этой ямы. И меня вспоминали бы по очень миленькому фольклору - по поговоркам: "Сыграл в яму", "Яма по нему плачет", "Яма их помирит", "Как из ямы выскочил"... Ну, неужели не бывает нравственных диктаторов? Бывают!

Это смешно потому, что тщедушного и добродушного Братана трудно представить диктатором. Даже нравственным.

Впрочем, кто-то из диктаторов, кажется, как раз таким и выглядел: нравственным, тщедушным и добродушным. Выглядел.

Не боюсь и не волнуюсь, потому что абсолютно готов, а главное - абсолютно прав. Не верю в такого убийцу, которому абсолютно все равно, за что, кроме гонорара, он убивает человека. Для меня это восходит к вопросу о душе. Зло должно быть остановлено силой, ибо на то оно и Зло, чтобы ничего, кроме силы, не признавать. Но мера в применении силы должна быть очень строго соблюдена, чтобы излишней жестокостью не породить новое Зло.

Ты морщишься: несколькими страницами раньше уверял, что Зло не существует и - вот те на. Отнюдь. Я сказал, что Зло - это узконаправленное Добро. Для немногих - за счет остальных. Для алчных - против невинных. Это и есть Сознательное Первичное Зло. Остановить его - необходимо, ибо богоугодно. Однако - не зарываясь: сбил с ног - не топчи.

В Уголовном кодексе - термин: "превышение необходимой самообороны". Ударить, чтобы отнять нож, - можно, а зарезать этим же ножом - превышение.

Но в Кодексе всего не учёшь. Может, он этим ножом только что зарезал того, без кого мне и жить не надо. Да ещё у меня на глазах. Так неужто я не превышу?

Словом, убийство - дело творческое, не для "горилл". Тем не менее, "гориллы" очень даже существуют. А те, кто их нанимает, - заведомые негодяи и подлежат истреблению.

Киллер киллеру рознь. Как малер малеру и шпалер шпалеру.

Едем дальше. Видим мост. Под мостом ворона мокнет. Я схватил её за хвост, посадил её на мост - пусть ворона сохнет. Ты знаешь продолжение этой пошутайки?

Едем дальше, видим мост. На мосту ворона сохнет. Я схватил её за хвост, посадил её под мост - пусть ворона мокнет.

Люблю эту пошутайку с детства. В ней - вся бесплодность каких бы то ни было наших усилий. Но никогда они не кончатся, пока существуем мы, мост, ворона, вода и то, на чём пытаемся ехать дальше.

Может, пешком надо ходить? А вороны пусть сами по себе - сидят, летают?.. Может, и мостов не надо?..

Вокационная командировка. Съездил, схватил за хвост, посадил под мост, попутно привез в редакцию хороший фоторепортаж, о чём заказали, и там же узнал, что где-то рядом с моим репортажем было убийство, то ли самоубийство, то ли несчастный случай - с весьма влиятельным деятелем, и я, будь немного пошутрее, мог бы привезти горяченький материал для скандальной хроники. Что ж, виноват. Наверно, это случилось, когда я уже назад ехал.

Сразу же явился Братан, обмывать первую вокацию. Вручил гонорар. Замечаний не сделал. Зато сделал я сам:

- В редакции пожурили, что не заметил трагической сенсации рядом с репортажем. Хорошо это или плохо?

Братан посмотрел внимательно, подумал и изрек:

- Они правы: репортёру полагается всё замечать и везде успевать. Но быть везучим на такие сенсации - ты прав - конечно, нежелательно.

Сыграли в нарды, я проводил его до остановки.

Вот и весь отчет о первой вокации. Я точно знаю, что Ты ожидала подробностей. Как выслеживал, подкрадался, как словил наедине, прижал к стене, что видел в глазах, как оглашал приговор и какая была реакция, какие меры принимал, чтоб не оставить следов, как всё же билось сердце, не смотря на "интернациональный" опыт... Отнюдь, отнюдь, отнюдь. Не было, не ловил, не прижимал, не произносил - всё отнюдь. Я делал репортаж, а в это время где-то недалеко попала под списание ключевая фигура очень вредной для народа ситуации. Попала вместе с частью своего имущества, но без сопровождающих горилл, в одиночку. Остались сиротами взрослые дети, вполне приличные люди, как ни странно.

Впрочем, ничто на свете не странно. Разве что мы сами... А через год, прямо в пылу очередного рокового совпадения, я увидел с вышки Твой белый плащик.

И была Ты, и была длинная-длинная беседа по всему Нефтеграду, благо он невелик. И была портретная съёмка, и глаза, глаза - они всё говорили мимо слов, и был, наконец, поцелуй, совсем не под гипнозом, и были мы - до самого конца нашей командировки.

А в аэропорту тебя обнял муж - юный, небитый, нестреляный, непуганый студент. Ты представила ему нового знакомого-фотокорреспондента, свободного художника, и попросила меня сделать семейный портрет. Я сделал и принес туда, где вы жили.

Это всё Ты знаешь. Не знаешь только одну деталь: когда фотографировал вас вдвоем, мелькнула мысль: "Вот он, соперник. Можно сейчас и его, как давешнего кровососа - взглядом через объектив. И отпрянет он назад, вот под этот самосвал"... Я мог это сделать, не задев Тебя. Он даже сам толкнул бы Тебя ко мне перед тем...

Но я мысленно сказал Твоему студенту: "Относительно вас у меня нет указаний". И усмехнулся. И увидел, что моя усмешка вызвала тень испуга в Твоих глазах. И нажал на спуск... Если снимок сохранился, взглядишь - Ты увидишь эту тень.

Я всегда нажимал вовремя.

Но скажу больше. Дело тогда было не только в указаниях. Даже вовсе не в них. Твой муж - Твоя собственность, которая Тебе нравится. Я даже сегодня не имею ни малейшей охоты отнимать у Тебя то, что Тебе нравится. Я и себя не отнимал, пока сама не отказалась.

А уж теперь - отнимать, так отнимать.

Кстати, об этом Твоем страхе. Вспомни, был он вызван моей хищной улыбкой или улыбка была все же скрыта за фотоаппаратом, а страх пришёл другим путём?

Бывали моменты, когда мне казалось, что свою гипнотическую силу я контролирую не вполне. Хоть и не всегда приходилось смотреть в глаза убиваемым, но от некоторых исходил страх - почти перед самым началом последней стадии вокации...

Ишь, вока-а-ация... Ну почему не назвать прямо? Ловлю себя на криводушии, над каким изгалялись мы с Тобой, когда вместе слушали радио. Помнишь, оно будит нас в моей квартире и начинает: "В ходе разоружения незаконных бандформирований в Ичкерии федеральные войска вернулись вчера на свои прежние позиции и сдерживают натиск боевиков трёх полевых командиров, пытающихся развить успех в направлении... Боевики потеряли более тридцати человек, потери федеральных войск уточняются". Я расшифровывал: "Опять народ оплачивает счета, по которым одни бандиты должны были другим". Ты смеялась, я тоже пытался, а думал о необстрелянных пацанах, которых совсем ни за что положили ичкерские профессионалы вчера. И положат завтра. И, может быть, уже не в Ичкерии, а в другом месте, которому тоже будет дано камуфляжное название - "горячая точка". Я чуть не кричал, так хотелось добраться до тех паразитов, которые посылают пацанов убивать и умирать. Они - не в погонах. Звук рикошета, горячая боль ранения, холод брони, смертная тоска плена - неведомы им. Они - раковая опухоль народа...

Ишь, разошелся. Такой бы я тебе понравился? А то всё смешил да поддакивал.

Каких мужчин любят женщины? Один из самых идиотских вопросов. Любой ответ верен и неверен одновременно. В какого меня Ты изволила влюбиться? От какого меня ушла? Одного и того же. Что на свете дальше от истины, чем любовь? Разве только смерть, но она, кажется, на другом конце ряда...

Слова слишком многое могут выражать, поэтому доверия к ним у меня нет никакого. И Ты мне не верь. Я лгу.

Перечитал последнюю страницу. Умню, умню, и некому трепача остановить. Эксперт по любви, по войнам, по убийствам, с правом судить и приводить в исполнение. И еще спрашивает:

"Понравился бы я Тебе такой?"

Конечно, да, кокетливый киллер!

В наших постельных и кухонных беседах, бессильная от любви, Ты ослабевшим голосом призывала кары небесные на головы народных мучителей, мечтала о мстителе суровом. Я привычно поддакивал. Я ни за что не решился бы спросить Тебя, кто такие эти Они, кого Ты готова расстреливать собственными руками, почему-то обязательно "из спаренного пулемёта". Ты бы **их** не смогла назвать. Для Тебя они - фатально неуловимы. Ты ругала **их** вообще, как всякий нормальный человек: излить душу ближнему и идти через проходную - скорее, скорее, не опоздать - гнуть на **них** спину. За гроши. Это такое удобное зло - **они**. Хотел бы я посмотреть на вас, нормальных, если бы вам стало некого проклинать. Или - еще хуже - вы узнали бы поимённо, кто такие - они... Но вам такое не грозит. Ваше бессилие - это и броня ваша.

Ха-ха, не то бессилие, которое от любви, конечно.

Бессильные от любви, вы возгораетесь праведным негодованием против тех, кто задаёт и заедает вашу жизнь. Но найти **их**, поквитаться, взять своё - до этого руки ваши никогда не доходят. Непредставимо вам. А самое интересное, что, когда кто-то решается посвятить себя действию, вы пугаетесь его. Ибо не дано...

Нет-нет, я правильно сделал, что не открылся Тебе. Комфортнее было поругивать их и ждать подвигов от меня. Но - только ждать. Большого Тебе не требовалось: представить, что я **смог бы**, и тут же ругнуть: все вы, мужики, выродились. Вот и полный комплекс цивилизованных ощущений.

Я лгу.

И хватит умнить. Я обещал рассказать о себе таком, какого Ты не знала. Едем дальше.

С Братаном складывалось что-то вроде дружбы. Общие воспоминания, общие интересы, общие дела. Но всё же по-настоящему дружбой я бы это не назвал. Ибо дела были общими лишь **до** исполнения и **после**. Исполнял я всегда в одиночку. И даже не знал, исполняет ли убийства сам Братан. А пуще того занозила душу таинственность "Ветеран-Сервиса". Не та, что для всех, а та, что даже для меня. Почему Братан вхож туда, а меня и на порог не зовут?

Разумеется, я отдавал себе отчёт: чем глубже конспирация, тем лучше для всех, в том числе и для меня. Когда работаешь как бы от своего имени, ни о чём другом и голова не болит. "Относительно вас не было указаний". Было бы дело правым - это для души.

Но тем и опасно высшее образование, что учит ставить вопросы и не успокаиваться без ответов.

Однажды я сказал Братану:

- Чисто теоретически, мое положение незавидно. Меня в "В-С" знают досконально и могут сдать властям или даже какому-нибудь заказчику - за что угодно, в любой момент. Это, знаешь ли, нависает...

Он ответил:

- Расскажу тебе анекдот. Из германской жизни. Один тамошний пастор, однофамилец тамошнего шефа тайной полиции, попал в концлагерь, но, разумеется, Божьим промыслом, уцелел. И постиг вот какую мудрость: "Сначала пришли за коммунистами, но я не был коммунистом и промолчал. Потом пришли за евреями, но я не был евреем и промолчал. Потом пришли за членами профсоюзов, но я не состоял в профсоюзе и промолчал. Потом пришли за католиками, но я был протестантом и снова промолчал. А потом пришли за мной, но уже некому было за меня заступиться". Комментарии нужны, Братан? Дело ведь не в фашизме. Дело в человеческом единстве.

Я ему поверил - что еще оставалось? И правильно сделал. Всё же есть на свете организации, в которых предательство немыслимо. Не веришь? Не верь. Но попробуй найти "Ветеран-Сервис" - и убедишься.

На эту тему Братан обязательно вытащил бы какой-нибудь анекдот - о неуловимом Джо или почему у слона красные глаза. Он вообще любил отвечать анекдотами. Говорил, что в них сконцентрирована народная мудрость на все случаи жизни. Квинтэссенция бытия. Он, безусловно, прав.

Например, по моей способности к гипнозу он прошёлся даже лично переделанным анекдотом:

- Помнишь, смотрит он на окно восьмого этажа и внушает хозяину: "Выброси телевизор, выброси телевизор". После долгих усилий цель достигнута - тот распахивает окно и в отчаянии кричит: "Ну нет у меня телевизора!" Это я к тому, чтобы ты не внушал объектам вокации: "Отдай Богу душу". Вотще: у них не бывает души.

Я спросил:

- Не боишься, что под гипнозом выведаю у тебя тайны "В-С"?

Он засмеялся:

- Давай попробуем! Может, тогда и я что-нибудь узнаю!

Такая вот конспирация.

Но сам он каким-то образом узнавал обо мне всё чуть ли не раньше меня самого. Ты бы, например, ужаснулась, если бы услышала, какими словами он меня встретил сразу после знакомства с Тобой.

- Поздравляю. Красавица редкостная. Вопрос - умна ли. Но это уж не наше дело. Это вообще - не для ума. Как говорят в Париже, се ля мур.

И сразу выдал пару анекдотов средней солёности, чтобы осведомлённость фирмы не выглядела слишком уж бесцеремонной. И с ходу перевёл разговор на другую тему. Почему-то запомнилось.

- Тут патриоты серчают, когда кто-нибудь скажет о России - "эта страна". Замечал, да? А я - дык ничаво. "Эта страна" - что такое? Государство, границы, режим - сегодня один, завтра другой. Иное дело, что в "этой стране" живет **мой народ**. Вот что важно. Мой народ! То есть, я сам и те, кого люблю, кто меня любит. Словом, братан, желаю вам счастья в "этой стране".

И убежал.

Был ли он моим другом?

Был ли я счастлив с Тобой?

В этой стране...

Я слышал, все иностранцы боятся России: у нас ведь убивают на каждом углу. А мы не боимся - почему?

Всякий ад страшен только со стороны. А попадешь туда - оказывается, что можно жить...

Суета сует. Интеллигентская рефлексия. Не положено киллеру рефлексировать. Либо будь достаточно прост, чтобы вообще не знать этого понятия, либо - достаточно развит, чтобы абстрагироваться. Братан, по-моему, умел. "Работа не хуже других". Он даже был уверен - лучше многих. Потому что судил по уровню полезности для народа. И при этом не был чужд иронической софистики: "А народ - это я".

Ах, вот почему я опять умню: всё так же страшновато ехать дальше. Там ведь не вороны сохнут на мостах. Там мокрые дела. Банальные, вульгарные, чаще всего кровавые. Пусть он и вор, и мошенник, и кровосос, и хуже, а всё - божья тварь. Не жалко, пока он жив, пока он мерзавец, пока убиваешь его, зная, за что. А потом - чувство необратимости. И знаешь точно, что никогда и ни за что он не стал бы другим, а все же: вдруг-вдруг?..

Итак, показать Тебе в подробностях какую-нибудь свою проделку? Не обязательно кровавую, но непременно - летальную?

Знаешь, не хочется. Братан говорил, что наши вокации - не более чем косметические операции: после них не должно оставаться шрамов. Мы не способны на большее, но и не согласны на меньшее. Пусть колесо катится себе, куда ему положено. Наша задача скромна: пусть под него попадают злодеи. Ради этого мы даже сами согласны - следом за ними. Но - следом, а не раньше.

И вот Братан уже под колесом.

Но нет, не могу и не желаю об этом. Продлю ему жизнь, сколько сумею.

Он любил, например, смотреть, как я печатаю снимки. Об одном таком визите расскажу сейчас.

Когда стал фотокорреспондентом, я мамину комнату превратил в лабораторию. Достаточно принести воды для промывки и опустить черную шторку на окне. Тебе, помню, там нравилось: интим в красном свете, кушеточка удобная. Сколько Твоих портретов я там сделал...

Братан знал, что предпочитаю работать один, поэтому нашел предлог, чтобы напроситься в лабораторию: забрезжила, мол, неясная мысль, и он чувствует, что она оформится, если смотреть, как проявляется изображение на фотобумаге. Я сказал: "Что ж, приходи вечером, попечатаем".

Я как раз вернулся из вокационной командировки, проявлял плёнки. (Я не сдавал их в издательскую лабораторию, потому что считаю негативный процесс слишком для этого ответственным делом да и вообще люблю его: после закрепления, еще не промывая, отматываешь немного плёнки со спирали и - детский восторг: получилось!)

Высохли плёнки, явился Братан, мы затемнили комнату и включили красный свет.

Он только сказал: "Забудь обо мне. Давай оба сосредоточимся". И его как бы не стало, я даже дыхания не слышал.

Но поскольку он все же был рядом, этот вечер мне запомнился. И все мои мысли - тоже, потому что рождены, возможно, его присутствием.

Я думал о сходстве фотографии со стрельбой, но не вообще, а именно по отношению к одному объекту - человеку.

Убийство - отправление во тьму. Фотография - совсем наоборот - извлечение из тьмы: черные кристаллики бромистого серебра складываются в живой взгляд того, кому я же, например, часом позднее вlepил последний удар в переносицу. Сам убил, сам оживляю...

Контраст - основа фотографии. Контраст - психологическое состояние киллера-фотографа.

Моя психика вообще контрастна. Я - существо ночи. Но не в том смысле, в каком людей делят на сов и жаворонков. Я говорю об отношении к темноте. Кто-то сказал, что для глаз нужен свет, а для разума - темнота. А Ты как-то говорила, что, когда гаснет свет, Тебе кажется, будто на Тебя упало черное покрывало, даже слух ненадолго слабеет. Так вот, у меня все наоборот. Ты у двери, одетая почти ни во что, протягиваешь руку к выключателю - и вот сей миг я потеряю Тебя... Но гаснет лампочка, и никакое покрывало на меня не падает. Напротив: тьма срывает с меня какой-то ненужный защитный покров, я обретаю всё - и Тебя в том числе.

Представила?

Но убивать я предпочитал днем - и когда был солдатом, и потом... Ночью просто больше свободы, но разве свобода предназначена для убийства? Убийцу всегда ведёт какая-нибудь нужда: страх, зависимость, отчаяние, месть. А свобода - это прежде всего великодушное желание отдавать, дарить, покровительствовать, делиться, любить! Убийству места нет, когда Свобода...

Вот почему все нормальные люди всегда работают днем, а отдыхают, то есть бывают свободными - ночью. Тут не поспоришь. И я в этом смысле - нормален. Просто мало кто философствует на тему своей любви к темноте. А любят-то её - все.

Было в тот вечер и еще одно размышление, связанное с тьмой. Его точнее назвать переживанием, которое родилось из внезапного детского воспоминания: стою под Луной и разглядываю собственную тень. Она тревожит меня, как и сам лунный свет. Почему? Ведь это свет того же Солнца, но днём тревоги нет... Тогда, в детстве, я додумался вот до чего: не лунный свет нас тревожит, а только тени, им сплетённые. Неуверенные, таинственные, едва ли живые. Какая глупость - "живая" тень! А вот поди ж ты... Теперь, в лаборатории, это воспоминание вызвало острый приступ тоски: не хочу светить отражённым светом! Почему-то эта тоска была связана с Тобой. Могу сконструировать объяснение: Ты - Солнце, я - Луна. Но это не будет окончательным портретом моего чувства. Здесь случай, когда в объяснении явления содержится его погибель.

Разъял гармонию. Получил обломки. Не стоит пытаться.

Но я попытался, пока Братан молчал, аж не дышал.

По нормам текущей морали я - злодей. Ибо - душегуб. Но так ли это по нормам той науки, которая почему-то нигде не запрещена, хотя нет более аморальной науки, чем логика?

Зло-дей. Творящий зло. Стало быть, отодвинем все тома, написанные о Добре и Зле, вернемся к понятию Зла как узконаправленного Добра и примем уточнение. Разделим категорию Зла на две: Зло Первичное, творимое сознательно, и Зло Вторичное, творимое в ответ. И математически, и логически это - силы, направленные встречно друг другу. Значит, их равенство дает ноль?! То есть, остановив злодея встречным злодейством, мы умножим Первичное Зло лишь в одном случае - когда превысим меру сопротивления. Это логично и справедливо. Но не всегда нравственно, и нравственность предпочитает попросту складывать все злодеяния примитивным столбиком.

В этом месте рассуждений я чуть не закричал. Да полно же! Тот, кто решается устраивать свои делишки ценой чужого горя, он от самой Природы таков, что отсутствие сопротивления вызывает в нём только торжество, только ощущение собственной правоты - и никакого раскаяния! И нравственно ли не оказывать сопротивления клопу, комару, мошеннику, вору?

Пойми, убивая их, я **только защищался**. Как Природа назначила человека орудием собственного самопознания и самосовершенствования, так и я, презренный киллер, назначил себя орудием самоочистки Человечества.

Единственное, в чем я нуждался и о чем молился, - это **мера**. Не превысить меру - и я не злодей.

Видишь, какая преступная наука - логика.

Нет, не могу не уметь. Всё время возвращаюсь к одному: как творить Добро, не творя Зла? Как остановить Зло, не умножая его? А оно, неухватимое, наблюдает за мной, своим верным и деятельным слугой, и ухмыляется: "Болтай что угодно, лишь бы дело делал".

Отнюдь. Все эти дела уже сделаны. За исключением пустяка. Его - пустяк - на десерт. А пока - не прерывая позитивного процесса - побеседуем с Братаном.

- Ну, оформилась твоя мысль? Проявилась?

Братан смотрит с улыбкой и отвечает грамотно:

- Закрепляется.

В тот раз он так и не показал мне свою проявленную мысль. Сказал, что нужно еще позакреплять, промыть, просушить и отгланцевать.

На это у него ушёл год. Наш с Тобой год. К моему счастью. Целый год с Тобой.

Но не к счастью Братана. Может быть, позакреплай он подольше, всё повернулось бы иначе. Для нас с ним.

Тебя никакие мои изменения не должны были коснуться, и мне это удалось вполне. Кажется, я об этом не жалею.

Теперь - о выставке, о последней вокации и - конец. Уже скоро. Если до этого места дочитала, дотерпи уж совсем чуть.

В нашем городе это была первая персональная фотовыставка. Знаю нескольких светописцев, которым в лаборанты не гожусь, а вот поди ж ты, удостоился мимо них. И, главное, они это сами восприняли как должное. Каждый посетил именно в день открытия, каждый подошел к автору с поздравлениями, все излучали искренность, и каждый особо выделил не те работы, что понравились другим, то есть каждый мой снимок кому-нибудь из мастеров в душу запал.

Я, понятно, млел от похвал, и был во всех влюблен, и по этой причине весьма надеялся, что моя запыханность будет всем казаться обычной взволнованностью вполне понятного возвышенного порядка.

Впрочем, я понимал, что запыханность сидит достаточно глубоко, чтобы быть заметной только мне самому. Да еще, может быть. Братану, поскольку на этот раз он - впервые - участвовал в моей вокации. Но на открытие выставки он не пришел, так что и замечать мое запыханное состояние было некому.

Это же надо, чтоб вокация прилась именно на такой день! Братан не только видел афиши с моей физиономией и не только заранее меня поздравлял. Очень подозреваю, что это именно он сумел настроить и весь областной комитет культуры, и правление Союза журналистов, и дирекцию Дома ученых, чтобы меня нашли в редакции и торжественно попросили сделать снимки выставочных размеров: "Мы давно любим ваше творчество, пусть вся область увидит концентрированную квинтэссенцию" и тому подобная тарабарщина. А я словил Братанову руку прямо на афише - там под моей фамилией было довольно крупно напечатано: "Ветеран-интернационалист, продолжающий свой путь с фотокамерой в руках". Намёк достаточно прозрачный для тех, кто понимает. Для "В-С", например.

Афиши расклеили за неделю до выставки. Я печатал, клеил и развешивал снимки, обо всем на свете забыв от удовольствия, особо воспарял, когда дважды, как бы ненароком, забежала Ты и делала большие глаза: "О, этого я не замечала!"

А накануне вечером явился озабоченный Братан и спросил:

- Во сколько завтра открываешь выставку?

- В двенадцать. Лучше бы, наверно, в семнадцать.

- Да нет, братан, - сказал он задумчиво, - лучше как раз в двенадцать. Плотнее по времени, крепче алиби.

- Вокация?

- Очень срочная. Знаешь, кто сегодня приехал?

Он назвал имя не очень известного человека. Тот работал в интересном качестве - "помощник депутата" - и под этим видом бесплатно колесил по всей стране. Делал партийные дела на деньги избирателей и попутно устраивал этим избирателям разные трудности, чтоб они не скучали и чтоб им хотелось побастовать или разгромить какую-нибудь контору. Братан по поводу этих делишек выражался ярко: "Политика - это непрерывный спектакль, во время которого обчищают карманы зрителей и убивают статистов". Упомянутый деятель был не статистом, а именно активным закулисным организатором спектакля, поэтому подлежал срочному уничтожению, раз уж сам приехал.

- У нас одно завтрашнее утро, - сказал Братан.

- У нас?

Он кивнул с виноватым видом.

- Один ты не успеешь подготовиться, а я - в схеме - уже всё приготовил... Через пару часов зайди в гостиницу "Сибирь". Буду на втором этаже, в номере 206. Входи без стука и сразу запирайся. Ни с кем по пути не общайся. Вот тебе усы, шляпа и шарф. В них ко мне придешь, в них уйдешь. В общественном туалете напротив гостиницы все оставишь и - скорее в Дом ученых, шесть минут пешком. Детали обговорим в номере.

- Охрана? - спросил я.

- Двое. Уровень - ниже специального.

- Значит, руками?

- Одними руками, - он кивнул. - Утро ведь. Тихо надо. Они в номере 210.

- Всё. Понял.

Он сразу ушел.

А я поставил на магнитофон Высоцкого и начал собираться.

Мы крылья и стрелы попросим у Бога -
Ведь нужен им ангел-ас.
А если у них истребителей много,
Пусть впишут в хранители нас...

Помнишь?

Их восемь, нас двое. Расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть...

Я, кажется, ни разу не поймал Высоцкого на неточности. Даже в будто бы случайных, для ритма, цифрах - подлинная германская арифметика: фашистским истребителям предписывалось вступать в бой с нашими только при четырехкратном перевесе.

Мне предстояло работать одному против троих, причем двое самых опасных в счет не шли - их следовало просто убрать, чтоб не мешали подойти к третьему. Но, кстати, и здесь сохранялась некая цифровая норма: в Отечественную войну и потом наших рукопашников учили драться в одиночку именно против троих, потому что больше трех за раз на одного нападать тесновато. Значит, если можешь справиться с тремя, общее количество противников уже не имеет значения.

Впрочем, это к слову, пока собираюсь. Тебе это едва ли интересно. Но уж опишу эту вокацию более-менее подробно, раз начал.

Мы сидели с Братаном в 206-м номере, пили чай, ели бутерброды с хорошим сыром, и он философствовал.

- Всегда считалось, что на убийство решаются люди слабые, убогие, отверженные. Ради самоутверждения. Или по какой-нибудь еще эгоистической причине... Вот, например, Родя Раскольников. Образцовый гений униженных и оскорбленных. Он, правда, образованный, поэтому рефлексировал. Но корни этой рефлексии он и сам едва ли видит. Был бы богат и благополучен - не возникло бы желание порешить бабу-кровососку. Довольно примитивно. Второй уровень, уровень самого Достоевского, в нем едва проклеивается: убийство как средство социального протеста. И правильно, потому что их общечеловеческая нравственность, их богобоязнь - делают убийство чем-то из ряда вон. Убийство Родю потрясает. Томас Манн о нем писал: "...освобождение от пут старой идеологии" - дословно помню. И вот эти гуманисты освободились от пут. И весь народ освободили. И перекроили его душу под новую идеологию, которая такова, что позволяет убивать людей без всякой рефлексии. Если нам теперь освободиться от ее "пут", - как бы нам обратно в гуманисты не попасть. А, братан?

Я спросил, а к чему это он?

- Завтра об этом. Давай поспим перед работой.

Рано утром я надел легкую чалму и короткий, до колен, афганский халат. Настоящий афганский халат. Мне показалось, что я уже не раз видел этот халат, но вспоминать было некогда - надлежало вжиться в вокацию. Главное, что халат не стеснял движений, чалма спасала от внезапного удара по темени или в висок, а ранты мягких туфель выполнены из титана.

Я покинул 206-й номер, сделал несколько шагов по пустому ковру до 210-го и негромко, длинно постучался.

Охранник открыл без вопросов: был уверен в себе и не боялся. А я только желал заглянуть ему в глаза. Он презрительно посмотрел на старичка-среднеазиата, вслушался в непонятную восточную речь, выловил из нее имя своего шефа, кивнул неуверенно, миг посомневался: не выставить ли раннего гостя, но гипноз уже заработал. Он отступил, я вошел. Он прикрыл дверь, я срубил его и мягко опустил на коврик. В ванной шумела вода: мылся, конечно, шеф. Я прошел в номер, уложил второго охранника, вернулся в прихожую, хорошо запер дверь, завязал пасти обоим гориллам и связал их претуго, но отдельно, чтоб потом как-нибудь распутали друг дружку. Вода к тому времени перестала шуметь, и я вошел к клиенту. Он лежал в ванне. Кротко бормоча по-афгански, я ударил его в темя, утопил, вытер руки и ушел, совершенно не наследив. Ковер в коридоре был все так же пуст, меня опять никто не увидел.

В 206-м номере я отклеил старческие седины, переоделся, налепил усы, в которых пришел в гостиницу, и Братан поднес мне крепкого чаю с лимоном и медом. Чай был достаточно не горяч, чтобы выпить его в один прием и все же получить удовольствие. Сразу вслед за этим мы со всеми посетителями вышли из номера, но не вместе, а по очереди. И спустились по разным лестницам.

На прощанье Братан сунул мне что-то в карман куртки:

- Это подарок. Блокнот и авторучка. Заглядывать нельзя до полуночи. Обещаешь? Ну и отлично. До вечера.

Вот Тебе убийство в подробностях. Разве интересно? Как говорил герой одной пьесы: "Профессионально, не более". И ничего "более" - не разрешается. Себе дороже. Работа как работа. Хорошо, что Ты ничего о ней не знала.

На выставку пришло неожиданно много людей. Хотя, почему "неожиданно"? Суббота - день культурного отдыха. Как говаривал один наш идеолог - "досуг свободного времени".

Ты тоже приходила. С мужем и дочкой. Я снимал вас на фоне ваших же портретов, выставленных на лучшем месте.

К вечеру Ты забежала одна, мы вместе читали первые записи в "книге отзывов". Тебе не понравилось, что первая же запись - о вашем семейном портрете, который я назвал - "Любовь". Напомню: Ты сказала, что пристрастность автора слишком бросается в глаза, и сразу видно, к кому именно пристрастен автор, ибо центр композиции, безусловно - Ты. Я ответил, что зрители видят не пристрастие автора, а красоту модели. А Ты - помнишь, что Ты сказала на это? "Закон компенсации, - сказала Ты. - Бодливой короле Бог рог не дает". Ты уверена, что я понял так, как Ты хотела?

И в тот вечер Ты впервые не назначила время. И не сказала, что позвонишь. И не спросила, когда сделаю сегодняшние снимки. И не стала комментировать ни одной записи в "книге отзывов", даже не дочитала до конца.

Я заметил, до какой записи Ты дочитала. Помню наизусть:

"Снимки такие разные, а ключ ко всем один - снайперская точность. Нажато не раньше и не позже. Будь здоров, Мастер-победитель". И подпись фотохудожника, которому я в лучшем смысле завидовал. В этом месте Ты хмыкнула и отвернулась. Мне почудилась ревность, и я не поверил.

Ревность, зависть, желание подавлять - и это в любви? Не понимаю и не принимаю. Впрочем, это теория. Всё мне явно померещилось. Ведь правда?

Но расстались мы прохладно.

А самое худшее в этот яркий день случилось около полуночи.

Братан принес коньяк, апельсины и шоколад. Конверт с моим гонораром положил на подоконник.

Была в нем грустная торжественность. Её как бы подтверждала непривычная неразговорчивость, даже какая-то замкнутость. Он молча налил в рюмки коньяк, улыбнулся нежно:

- С выставкой тебя, мастер-победитель.

И пил, мелко пригубляя, и поглядывал на меня, будто ждал вопросов.

Мне было что спросить. Я, например, весь день пытался вспомнить, где ещё, кроме Афганистана, мог видеть этот халат, в котором сегодня работал. Да и жидкие старческие седины, как будто, тоже. И я спросил.

- В Афганистане его видел только я, - ответил Братан. - Мне там его подарила одна местная леди. - Он печально покачал головой и медленно договорил: - Но там я его не носил. Только здесь, когда страховал твои вокации. Ты мог замечать его только издали и мельком. Мне удалось ни разу с тобой не столкнуться.

Я сразу вспомнил: так оно и было. Эти вспышки боевого прошлого - далекие и мельком - подбадривали меня каждый раз.

- Обязательно, - согласился Братан. - На это и был расчет.

Я восхитился:

- Ну, ты - психолог!

- Вот именно, - он кивнул. - Высшей квалификации, с красным дипломом. Об этом и хочу с тобой поговорить.

И начал рассказывать.

Он в жизни никого не убил. Даже не ударил. Но знал об этом больше многих, потому что всю жизнь, с детства, изучал убивающих.

Он начал с того, что заглянул в глаза кошке, поймавшей мышь. Её глаза источали ярость. Мягкий и ласковый зверь ненавидел всех, кто приближался к его добыче. А добычу кошка любила. Когда малыш перестал заглядывать ей в глаза и отошел, она выпустила мышку из зубов, дала ей почти убежать, снова поймала, подбросила, поймала мягкими лапами в воздухе - ну, и так далее, пока не замучила. Но - без всякой злобы. Потом равнодушно и деловито съела голову и переднюю часть туловища. То ли сыта была, то ли брезглива.

Потом он видел в окно, как шесть собак загрызли кошку. Окружили на пустом пространстве, бросались, рыча, по очереди, и ярость их была направлена на добычу. Из-за убитой кошки драться не стали. Одна схватила ее поперек туловища и побежала прочь, остальные молча потрусили следом.

Потом он прочел рассказ Шукшина. Там волк бежал за санями, а безоружный человек из сани смотрел ему в глаза. "Взгляд волка был прост и прям, в нем не было ненависти, он просто догонял добычу". И когда стая уже обедает лошадью, а человек, подобрав на дороге топор, намеревается помешать, вожак на миг поворачивает к нему окровавленную морду, и становится ясно, что лучше уйти.

Братан задался странной целью - понять чувства убивающего человека. Но не охотника и не скотобойца, а киллера - того, кто отнимает человеческую жизнь. Кем он бывает, когда убивает: кошкой? собакой? волком?

Однокурсники в университете, а потом коллеги на кафедре психологии изумлялись целеустремленности, с которой он разыскивал убийц - по судам, тюрьмам, лагерям и даже притонам. Его всюду хорошо знали узкие специалисты и легко пускали в камеры смертников, на закрытые суды, даже позволяли внедряться в следственные группы. Он был одним из немногих, кто мог подробно описать, как приводятся в исполнение смертные приговоры в разных учреждениях. Его научные труды носили закрытый, узкоспециальный характер и в популярную литературу не попадали.

Никто не удивился, когда он уехал в 40-ю армию, исполняющую так называемый интернациональный долг. На кафедре к этому отнеслись холодно: изучать убийц - ещё куда ни шло, дело вкуса, но зачем же экспериментировать на себе? Кто-то прямо намекнул, что научную добросовестность совсем не худо совмещать с научной этикой да и вообще с гуманностью. Но Братан в ответ только усмехнулся и улетел в войска.

Никакие сведения о нем в университет не доходили, но на ученом совете кто-то пытался поднять вопрос о его, так сказать, пребывании в рядах. Закончилось ничем: пока нет человека, нет и проблемы. А он однажды незаметно вернулся, восстановился на кафедре в прежней должности и вскоре сделал доклад, на который пытался попасть весь университет. Ожидали, конечно, жареного: ученый проанализирует научным языком свои чувства при убивании людей. А услышали совсем обратное. Братан развернул перед ними анализ психологии убиваемых, притом подтвержденный личным опытом, ибо его и самого там однажды расстреливали. Более того, доклад был сделан на языке изучаемой страны, с синхронным переводом. Переводчица была в национальной одежде и внешность имела персидскую.

- Ты что же, - я спросил, - в самом деле не убил ни одного "духа"?

- Да вот те крест.

И сообщил, что сейчас расскажет главное.

Из Афганистана он вернулся со столь обширными тайными связями, что получил возможность без ошибки находить те самые ключевые фигуры, которые мне потом предлагалось снимать с доски. Все досье, что я читал, были подлинными, и негодяи, мной убиваемые, - самой высокой пробы.

Не умея, да и не желая убивать своими руками - дабы не нарушать чистоту исследований, - он и исполнителя нашел без особого труда - через доброго друга в военкомате.

Все предварительные операции производились настолько находчиво и тщательно, что никто из пособников Братана даже представить не мог, какому делу помогает. Разговоры напрямую велись только со мной. Великий ученый и тут не ошибся: образованный энтузиаст с надломленной душой, владеющий всеми приемами убийства, готов был казнить и казнить, лишь бы облегчить участь своего истязаемого народа. Магия слова "народ" была, конечно, предварительно на мне испытана.

Именно такой тип убийцы стоял у Братана очередным в списке на изучение.

Сегодняшняя вокация была последним этапом: в день своего художественно-творческого триумфа я блестяще произвел действия, абсолютно контрастные фотоискусству. И могу считать себя свободным. Вместе с гонораром и выходным пособием Братан охотно выдал бы мне и диплом Киллера Высшего Типа, но, увы, такой возможности нет. Да и нужды тоже, верно?

- И никакого "Ветеран-Сервиса"? - столь глупый вопрос мог задать только человек, не владеющий собой от потрясения. Братан молча кивнул и разлил остатки коньяка по рюмкам.

- Жа-а-аль, - протянул я, до самых глубин разочарованный. И взял рюмку.

- Мне тоже, - Братан поднял свою. - Выпьем, не чокаясь: помянем несуществующую организацию. Да и простимся.

Закусывать последнюю Братан не стал, а выдохнул и улыбнулся - с удивительной радостью, почти рассмеялся - и сразу заговорил.

- Ты в мой подарок не заглядывал?

- Н-нет, - я только теперь вспомнил о блокнотике, который он сунул утром в мой карман.

- Отлично! Спасибо, братан. Осталось одно уточнение. - Он перестал улыбаться. - Утренняя сегодняшняя вокация - только часть последнего этапа твоей работы в "В-С". Последнее задание получишь сейчас, а когда выполнишь, - можешь обо мне забыть.

Я не ожидал, что смогу удивиться больше, чем уже успел, но это произошло, я даже содрогнулся. Братан заметил мое состояние и заговорил быстрее.

- Задание простое, легкое, приятное и потому бесплатное. Сработай на общественных началах, ладно?

Он замолчал, ожидая ответа. Я не отвечал. Я был как статуя.

- Убрать надо меня, - сказал он наконец. - Оснований достаточно, оба знаем. Время и способ выбери сам. Но тянуть не стоит. Я - опасен. Я - носитель Первичного Зла.

Мы одновременно встали. Он протянул руку, и я ее пожал.

Он сказал:

- Спасибо, братан. Я к тебе привязался. Не поминай лихом. Вот тебе анекдот на дорожку: "А лейтенант-то был не виноват..." Жаль, что это не обо мне... Ну, прощай.

- Прощай.

Он повернулся ко мне спиной и на миг замер. В этот миг я шагнул вперед, ударил и подхватил сразу осевшее тело.

Я уложил его на топчан и посидел рядом.

Не знаю, было ли мне его жалко. Просто не помню. Я думал о другом. Чудо: я вдруг услышал те слова, которые Тебе еще предстояло произнести - о том, что я Тебе уже не интересен. Я потерял Братана и уже знал, что потеряю Тебя. Больше у меня не было никого. И никто не был мне больше нужен. Я жалел, что не убил Твоего мужа. Я жалел, что убил Братана. Но все это были эгоистические чувства, личные потери. Я попал в плен такого одиночества, какого не знал даже в мусульманском плену. Там со мной была далекая Родина, мама, товарищи по беде. Теперь не было ничего на миллиарды световых лет во все стороны.

Я вспомнил вдруг, что Твой муж, студент того же факультета, который окончил Братан, как-то интуитивно вычислил меня. В его ревнивой головёнке время и география моих официальных отлучек наложились на время и географию газетных и прочих сообщений об убийствах. Я при очередной встрече увидел страшок в его глазёнках, а вскоре Ты с хохотом выложила передо мной его опасения: "Смотри-ка, один кролик другого удавом считает!" Я не спорил и тоже посмеялся. И спросил, а стоит ли Тебе менять кролика на кролика. Ты серьезно ответила: "Во-первых, у тебя... лапы крепче, а во-вторых, - разве я говорила, что меняю?"

Даже в тот момент я не испытал к Тебе злости.

И через два дня, когда я нашел Тебя и услышал - наяву - те самые слова, злости не было и в помине. Было только тяжкое подтверждение одиночества. Как добивающий удар.

Будильник звякнул полночь.

Я вспомнил о подаренном блокнотике, достал его и полистал. Золотым пером прилагаемой авторучки там была сделана единственная запись: "Братан, спасибо. Именно такой смерти я и хотел. Жду тебя **там**". Он всё предусмотрел, великий психолог. Даже то, что в потрясении не предложу ему создать "В-С" в натуре.

Я долго смотрел на бездыханного Братана и думал о Тебе и о своей никчемности в этом мире. Другого мира я не представлял, а в этом было уже совсем нечего делать. Я думал о Боге, который поощряет месть и прощает убийства, если они вершатся Его именем и во имя Его. Такие вокации красиво именуются "Божьим попущением". Только отчего-то самоубийство Ему не нравится: как посягательство на Его права. А что же делать, если меня, например, убрать некому? Идти сдаваться властям? Мучительно доказывать собственную виновность, писать бумаги и долго-долго ждать приговора? А **они** возьмут и не казнят, а впают пятнадцать лет... Нет уж, дудки. Авось Боженька поймет такого самоубийцу и простит. Прости и Ты. Я любил Тебя.

Кстати, знаешь ли, что у алжирского бея под самым носом? Маленький шрамик после косметической операции. А народ безмолвствует.

Конец".

Эпилог.

Эту рукопись дал мне почитать мой друг Иван, заведующий отделением в психиатрической больнице: ты, мол, как следователь, можешь помочь мне разобраться с человеком. И вот...

На столе между нами - только что захлопнутая тетрадь и включенный магнитофон. Наша беседа носит служебный характер. Оба мы, так сказать, еще и при исполнении, поэтому магнитофонная запись будет использована мною, чтобы не отрывать Ивана от дел следственными условностями: все-таки он мой друг...

Иван привычно упражняет пальцы, пытаясь сломать кольцо от подшипника, и улыбается в мою хмурую физиономию.

Чтобы тоже занять пальцы, верчу в них авторучку, машинально, обдумывая первый вопрос, пишу на листе бумаги: "Д = Доктор, С = Следователь". Наконец, начинаю.

С. - Ваня, он что же, в самом деле столько наубивал, что свихнулся?

Д. - Не думаю. Впрочем, точнее - не знаю. Его доставили из травмпункта. Спрыгнул с коммунального моста в самом высоком месте. По фарватеру как раз проходил буксир. Он не рассчитал. Видели с поста ГАИ: пока летел эти пятьдесят метров, буксир успел пройти. Он упал в воду, буксир дал задний ход. Вытащили его в бессознательном состоянии и сдали гаишникам, а те вызвали "скорую", а там разобрались и отправили к нам.

С. - Как же они разобрались?

Д. - А он, когда очнулся, сразу разбил стекло и чиркнул себя по шее. Мания самоубийства.

С. - Кто же он?

Д. - Не знаю, Женя. Документов нет. Сам ничего не помнит или симулирует. А заниматься опознанием, сам понимаешь...

С. - Не ваша работа, верно. И в редакции газет не звонили? Хотя бы ради любопытства?

Д. - Звонили. Никто там не пропадал, фотографов таких не знают, персональных фотовыставок в городе нет уже лет двадцать. Да и вообще... Это не первое его сочинение. Ведь он у меня уже

год. Поживет-поживет тихо и - начинает просить бумагу. Не дашь - будет буря, поэтому даю. И начинаю следить, чтобы не прозевать конец трудов. Это самое главное. Никогда ведь не знаешь, пишет он Ей письмо, рассказ, повесть или роман. Пишет неровно: то очень быстро, подряд, а то с перерывами в несколько дней. Он, Женя, был уже на корабле инопланетян, внедрялся в мафию, участвовал в экологической войне, его проигрывали в нарды, брали заложником... Сюжет всегда один: "Ты всего этого не знала, а теперь - прощай". Синдром неразделенной любви.

С. - Кто же Она? Скрывает, конечно?

Д. - Разумеется. Это - святое.

С. - А вообще, когда ты с ним беседуешь, как он держится?

Д. - Тут можно ответить его словами: "Как статуя".

С. - Сам на разговоры не напрашивается?

Д. - Никогда. И соглашается неохотно. И участвует пассивно. Полный аутизм, сосредоточенность, задумчивость, никакой агрессивности. Терпит окружающий мир и самого себя, пока не изольет на бумагу очередную версию своей жизни. Дальше - финишный рывок. На тот свет.

С. - Ваня, попыток посетить его или чего-то подобного - не было? точно?

Д. - Абсолютно.

С. - А с его стороны?

Д. - Тоже. Знаешь, он мне напоминает - прости за цинизм - мыльный пузырь. Дуетса, хочет лопнуть, а мы в надувной трубочке сбоку дырочку проколем и - спасём. Он дырочку замажет - и снова дуетса.

С. - Кто же его надувает?

Д. - Опять прости за цинизм. Любовь... И ведь женщина, как ты сам прочел, не ангел, и оценивает он Её - вот что странно! - вполне трезво! А осилить чувство не может: сам себе в этом признаётся и старается погибнуть.

С. - Как ты оцениваешь его поведение, Ваня?

Д. - А знаешь... Будь моя воля, я б его отпустил. Его поведение - абсолютно нормально. Если бы на нас с тобой обрушилась такая любовь, разве мы вели бы себя иначе?

С. - Я - иначе.

Д. - Ну, вы там все - железные феликсы. А я со стыдом признаюсь в очередном цинизме: я бы поборолся, сколько сил, и - на стол.

С. - На какой стол?

Д. (со смехом) - А-а-а, да... К патологоанатому, конечно, в морг.

С. - А если без дураков - так ли уж это неизлечимо?

Д. (с коротким тихим смехом) - Это - любовь-то? Да ты шутишь... Не-е-ет, Женя, тут без дураков ничего не получается. Тут - только с дураками. Поизучай остальные его тетрадки, если охота.

Через два дня я опять сидел над этим разговором, уже перенесенным на бумагу, и размышлял.

Самоубийца описал отношения романтического и весьма тонко чувствующего мужчины с довольно циничной женщиной. Он - много, очень много страдал, она - кажется, не страдала вовсе и всячески избегала страданий. Чем-то в нем заинтересовалась, "попробовала" и - ушла своей дорогой. Ничего особенного, банальная история.

Но кое-что мешает банальному к ней отношению: непостижимая легкость, с которой этот романтический интеллигент убивает. Все теоретические рассуждения, которыми он окружает свою работу, не объясняют ничего. Меня они только запутали. Кстати, и Ивана - тоже. Не мог он убивать, вот что я ЧУВСТВОВАЛ.

А через неделю, в которой только последняя ночь не была бессонной, я хорошенько выспался и сразу все понял.

Этот человек действительно никого не убивал. В конце своего чрезмерного сна я вдруг увидел то, что лежало на поверхности, на самом виду! Стоило лишь поменять их ролями - даже просто ради шутки! - и всё совершенно серьезно становилось по местам.

Убивала Она!

Это не доказано фактами, но достаточно перечесть его последнюю тетрадь, чтобы убедиться: он обвиняет. Все предыдущие сочинения - небылицы, имеющие целью сравняться с Ней в доблести. В последнем же он решается на прямое присвоение. Он не любовник, он муж этой женщины! Он вычислил любовника и вычислил Братана. Возможно даже, это одно лицо. Сдать Её он не может и не хочет, конечно. Он даже рад бы стать рядом с Ней таким Клайдом или Бондом, да кишка тонка. Интель.

Открытие развеселило меня, но всего на миг. Ибо неизбежно следовал вывод: "Ветеран-Сервис" существует и вполне умело прячет концы. Многие известные мне наглухо нераскрытые убийства укладываются в идеологию "В-С", как патроны в обойму!

По описанным в тетрадках преступлениям вычислить университетский город. Там найти след психолога со столь интересной темой. Дальше - довольно ясно.

Я принялся за проработку остальных сочинений несчастного...

Еще через полгода я позвонил Ивану.

- Ну, Доктор, твой киллер еще что-нибудь сочинил?

- Прости меня за цинизм, - был ответ, - но Бог услышал его молитвы.

- Самоубийство? - быстро спросил я.

- Да нет, просто инфаркт. Правда, можно сказать - с причиной. Хотя и причиной назвать трудно...

- Говори! - заорал я. - Когда? Как?

- Месяц назад. Вполне романтически. Завораживающе красивый женский голос по телефону: "Нельзя ли поговорить с вашим больным, который всё время пытается покончить с собой?" Веришь, Женя, такой голос, что мне, цинику, хотелось вскочить и броситься за ним! Я, конечно, поборолся: "А кто вы ему? Вы лучше бы приехали". "Приеду. Только надо же его подготовить!" И смех! Такой смех, что я закричал: "Сейчас!" и побежал звать. Он безразлично взял трубку: "Я вас слушаю" - охнул и упал. Всё.

- Ваня! Он услышал Её голос?

- Да, конечно. Я тоже слышал, но слов не разобрал.

- А самому тебе дурно не стало?

- А тебе, Женька, - он взорвался, - не стало бы дурно, если бы у тебя на глазах от радости умер человек?!

- Гм... Ты продолжаешь думать...

- Да я уверен!

И мой друг бросил трубку.

Признаться, я не отказался бы повторить Ивану пару своих вопросов - первый и последний. И получить однозначные ответы. Ответ первый, почти наверняка: "Нет, он больше ничего не написал". А ко второму ответу: "Да, мне стало дурно" хотелось бы иметь самоанализ, именуемый у врачей анамнезом, который, по моему очень уверенному подозрению, звучал бы так: "Вполне допускаю, что моя дурнота исходила из телефонной трубки и слегка царапнула по сердечной мышце". Но друг рассердился - что поделаешь.

Полугодовые исследования позволяют надеяться, что у меня безрезультатно есть возможность без всякого телефона услышать этот завораживающий голос и насладиться этим чарующим смехом. Не исключаю и опасения, что в случае ошибки простой дурнотой не отделаюсь. Но долг и любопытство всегда сильнее опасений сыщика, если он настоящий профессионал.

А занятно будет, если результатом следствия и в самом деле окажется всего лишь неизлечимая болезнь - Любовь. Судя по другим тетрадкам бедного самоубийцы, на это похоже.

Его сочинения написаны довольно складно. Готовя их к публикации, я только придумал им заглавия.

2. АВЕЛЬ

Он уже ТАМ, полагаю. Со вчерашнего дня.

Он достал меня, да. Всей своей жизнью против всей НАШЕЙ.

И мне хотелось его убить. Конечно и очень.

Но я его не убивал. Я только...

Нет, ничего с конца не делается. С самого начала надо рассказывать. Иначе поймёте неправильно.

Он бы стал таким в любом случае. Всё шло к тому. Только не быстро. Но эпоха перемен решительно помогла. Это для китайцев «эпоха перемен» - кошмар. А для нас - образ жизни. Так было - по истории - всегда. Не докончив одни перемены, затевали другие. Притом не народ затевал, а его доверенные лица, которых он сам же и вознёс. Да и то не так. Не народ возносит, а посредники, которые потом всегда оказываются в стороне и с барышом.

Вот таким посредником и был наш папаша, Политтехнолог. При коммунистах кормился от их идеологии, при демократах рвал глотку за их идеи - и всегда имел хлебное место у кормушки. Ну и нам тоже отщипывал - маме, мне и брату. Когда же прибил к олигархам, подцепил себе молоденькую и от мамы ушёл. Силы-то при всех властях берёг, вот и уцелело жеребьячество. А мама угасла. Мы уже были большевнички, могли сами зарабатывать, поддерживать её. Но тут ОНО и состоялось: оказался я в кормильцах один.

Гошка был меня моложе на год. Младшего в семье ни в коем случае нельзя баловать, но и мы этой дури не избегли. Во мне особых способностей ни к чему не обнаружили, со мной строжились, а

вот в Гоше открыли к музыке талант. И к живописи. Нет, он не рисовал запоем и не сочинял симфонии с трёх лет. Он музыку и живопись - ЛЮБИЛ. «Наш Скрябин» - во как его называли. Вроде в шутку, а получалось всерьёз. И получилось.

Вундер-потребитель получился.

Это, впрочем, вышло незаметно. В школе-то у каждого есть увлечение. Я ходил в секцию бокса. Дёшево и сердито. Хотелось на велосипед, но дома говорили: «И так тесно. Куда его тут поставим?» Но я-то понимал: не на что купить. Скрябину требовались пластинки, картинки, цветомузыка, метафизика. Он покупал дорогие книги, вырезал из «Огонька» репродукции классических мастеров и клеил для них картонные рамки-паспарту. Устраивал дома тематические выставки типа «Могучая кучка передвижников». Под соответствующую музыку читал друзьям тематические лекции. Наш искусствовед Скрябин. Сначала тренировался на нас и на друзьях, потом делал из всех носильщиков, чтобы охватить своими лекциями школу.

То же самое пошло и в университете. Учился он, конечно, на филфаке. Теперь картины и музыку обязательно дополняли стихи и высокохудожественная проза. Мне отводилась почётная роль первого слушателя-зрителя дома, а на публике - грузчика-носильщика и телохранителя. Обижали часто Гошу, несмотря, что он хороший. Хулиганы с моего же спортфака всяко его задирали и высмеивали, потому что Скрябин вечно порхал в окружении прекрасного пола. Ни одной из красоток ничего от Гоши, кроме эстетики, не отломилось, но они это сносили и продолжили порхать. В отличие от моих коллег, которым хотелось вовсе не классической музыки, а как минимум классической борьбы. Вот и выручало Гошу, что старший брат помаленьку совершенствуется в боксе. Даже когда я отлучался на соревнования, трогали его только словесно. Папенька нас вниманием не баловал. Носил день и ночь портфель. То за секретарём обкома партии, то за депутатом Госдумы (в том же лице) и под конец осел в Москве насовсем. Когда бывал в Томске проездом, нам даже не звонил, государственный прихлебай. Короче, когда мама слегла, пришлось мне бросить спортфак. Но куда податься боксёру в эпоху перемен? Детей тренировать? Благородно, но мало проку для себя: заработок низкий. Да и дети идут нынче в боевые искусства, чтобы стать не защитниками слабых, как учили нас при старом режиме, а вовсе наоборот - рэкетирами, то есть вымогателями. Зачем же их этому учить? Не лучше ли уж самому тогда - в вымогатели? Нет не лучше: душа не принимает. Значит, в милицию устроиться? С незаконченным высшим могут дать и офицерские погоны. Правда, говорят, там тоже полно рэкетиров, но порядочные души всё же водятся, и нужда в них остра... Нет, ребята. Потому и полно вымогателей, что и в милиции платят мало, а у меня больная мама на руках и брат беспутный, на народного просветителя доучивается.

Мир не без друзей, особенно в спорте. Устроили меня в охрану частного банка. Старого, надёжного, ещё с советских времён, от промышленности. Хоть и лежит пока промышленность, но её, чахоточную, лечат банки. А банки надо охранять. И платят как раз столько, чтобы втроем не голодать. Дежурства - сутки через трое. И в эти свободные трое суток я не учился дальше на спортфаке, не слушал стихи и музыку, не любовался репродукциями классиков, а ходил раненько утром к бирже труда и нанимался на погрузочно-разгрузочные работы. Сложилась бригада из бичей и бомжей, меня туда всегда принимали - я против любого из них ворочал вдвое, а получал поровну. Главное было то, что получали сразу после погрузки-разгрузки. Каждый вечер я мог принести маме лекарство и гостинец. И Скрябину отламывалось: то на дефицитную запись, то на книгу о каком-нибудь Дали, а то и просто на новые брюки. Не говоря уж о еде. Много ли может себе позволить студент на стипендию?.. Я несколько раз приглашал его, когда нет занятий, принять участие со мной и с бичами, но каждое приглашение совпадало с работой музыкального кружка в институте, где он бесплатно был первой скрипкой. Увы. Я всё понял и приглашать перестал.

Не скажу, что во всех этих трудах я надрывался. Работа стала для меня привычкой с детства. Я даже чувствовал без неё дискомфорт. Когда братец попросил однажды изготовить ему афишу к музыкально-живописно-литературной лекции, я унёс на дежурство лист ватмана, тушь, гуашь, плакатные перья и прочее такое и весело провёл ночь - всё равно охраннику спать не положено. И картинки наклеил, и виньетки по углам нарисовал - дело нехитрое. Братец после лекции примчался в восторге: афишу очень похвалили, народу набилась полная библиотека. Давай рисуй ещё, всё равно тебе там ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО. Ну, делать нечего, начал делать ему афиши. Даже с сюжетными картинками, сам себе удивляясь: надо же, рисовать умею.

Закончил Гоша университет, оставили его на кафедре ассистентом. Зарплата - чуть больше стипендии. А работать надо ещё больше: у нас ведь диссертация. Я спросил: «Когда станешь кандидатом наук, много будешь получать?» «А теперь, - говорит, - за это не доплачивают». За любовь, короче.

Для диссертации потребовались фотографии всех тех афиш, что я рисовал: послать куда-то по четыре экземпляра и по два приложить к отчёту. Пришлось вспомнить, что я когда-то умел фотографировать. Пришлось сильно потратиться на химикаты и прочее и несколько дней вместо погрузки-разгрузки заниматься пересъёмкой, проявкой, печатью, глянцовкой, и это мне сильно не понравилось, но сама уже мама просила потерпеть: «Гоша делает большое дело». И пришлось даже поработать корреспондентом на Гошиной лекции о Штоколове-Пушкине-Врубеле и дать

фоторепортаж в городскую газету: не мог же Скрябин писать сам о себе, а ДЕЛО требовало репортажа, который приложили к диссертации.

Я не устал от всего этого, но надоело. Мама гасла, несмотря на успехи своего любимца. Я вывел братца на улицу и объяснил, что не имею больше времени на служенье его музам, что я вовсе не трепетная лань, что мне надо тащить телегу, а не выписывать па-де-де с фотоаппаратом перед важным кретином в редакторском кресле. У меня тоже - ДЕЛО.

Гоша растерянно вытаращил глаза, растопырил руки и загудел: «Как же ты можешь бросить начатое? Кто же, кроме тебя? Как хочешь, а надо...» Я ответил в сердцах, что из тех эльфов и фей, которые вокруг него порхают, можно при желании набрать и рисовальщиков, и фотографов, и журналистов. Вон как они стихи читают!.. «То стихи, - заспорил Гоша, - другой душевный настрой». Я высказался насчёт душевного настроения в тех выражениях, которыми мои бичи пользовались при погрузочно-разгрузочных работах, и отправился на службу.

На следующее утро я сразу же, не заходя домой, двинул к своим подзаброшенным бичам, от души повкалывал на разгрузке вагона с краснодарским сахаром и лишь к вечеру явился домой - как всегда, с гостинцами для мамы и с продуктами для всех.

Но мамы уже не было. На сдвинутых столах - кухонном и обеденном - лежало её тело, а над ним, подрагивая крылышками, хлопотали эльфы и феи. Почему-то мне они показались зелёными мясными мухами. Тело моё покрылось «гусиной кожей», а по ней побежали мурашки. Пол под ногами стал каким-то пуховым, как после сильного удара в голову. Проваливаясь в этом пуху, я добрался до комнаты брата, занятого какими-то бумагами, сунул ему все свои деньги и отправился по городу - искать маму.

Я дошёл до библиотеки, где она всю жизнь проработала, дыша вредной пылью и надрывая спину пудами книг. Внутри этого мудро-хранилища мамы не оказалось. «Она давно уволилась». Я пошёл дальше. От меня шарахались люди и машины, меня дважды толкали звенящие трамваи, меня кто-то несколько раз обругал. Я дошёл до стеклянного здания, где занимался политикой папаша. То ли политика занималась им. На здании ещё сохранялся лепной величественный герб Советского Союза, а на шпиле над ним хлопал и трепетал трёхцветный флаг эпохи перемен. Я прошёл стеклянный лабиринт дверей и оказался внутри. Я хотел найти этого политика и сообщить ему, что теперь жизнь его потеряла смысл: нет больше объекта любви, забот, страхов, политических волнений - нет нашей мамы, то есть, нет народа, именем которого он клянётся от имени лидеров, иху мать... Милицейская охрана, одетая в нарядный горный камуфляж, вежливо вывела меня на воздух. Сказали, что такой-то здесь давно не работает, он в Москве.

Я подошёл к реке и долго брёл вдоль реки. Я дошёл до моста и перебрался на другую сторону Томи. Там меня чуть не арестовали на милицейском посту, потому что я чуть не устроил автомобильную катастрофу. К моему счастью, тамошний старший лейтенант оказался моим давнишним противником по рингу. Он затащил меня по крутой лесенке на самый верх, в стеклянную круглую будку, подобную первому боксёрскому рингу времён, наверно, Шекспира или Диккенса. Он усадил меня перед бутылкой водки, только что конфискованной у какого-то водителя, и велел выпить хотя бы половину. Я сказал: «Тогда у тебя будет преимущество по очкам и полное право сдать меня в вытрезвильню». Он ответил: «Домой тебе сейчас не надо, ты явно в гогги. Поспи здесь. Выпей всю бутылку и поспи, я тебя умоляю». Я послушался старого противника из общества «Динамо», выпил всю водку и сделал вид, что сплю на его кожаном топчане, прямо на английском старинном ринге. А когда он ушёл к своим обязанностям, я тихо спустился на землю и сбежал в силосную кукурузу, которой было засеяно всё пространство от поста до самого леса. Потом я брёл лесом, и каждое дерево, каждая тропинка, каждая сыроежка, все запахи и шорохи, все птичьи свисты и комариные писки напоминали мне о детстве, когда мама брала меня с собой за грибами. Одна ходить побаивалась, но очень любила лес. Ей был полезен тамошний озон. А я гордился, что сопровождаю и могу защитить. Из-за этого я и начал фотографировать. Тогда это удовольствие обходилось совсем дёшево. Только мама не любила своих фотопортретов. А мне хотелось, чтобы хоть один снимок ей понравился, и я снимал и снимал. И два снимка из всех она всё же похвалила.

Теперь один из этих двух будет на могиле.

Я бродил по лесу двое суток. Вернулся домой к самым похоронам. Милиция меня обыскалась. Противник из «Динамо» уже был в отчаянии - сам же водкой поил. Он и организовал похороны, почти без всяких денег, на своём авторитете.

После похорон стали мы жить снова втроём. Свято место пусто не бывает. Прибилась к нашему сиротскому быту одна из Гошиных музыкально-живописно-поэтических Фей.

Её имя меня не интересовало, род занятий - тоже. Кажется, студентка. Кажется, Рита. Я по необходимости звал её Феей. Она откликнулась. И ладно.

Ходить с бичами на погрузку-разгрузку я не перестал. Хуже того - пристрастился. Теперь уже брал веса за троих, метал мешки, кантовал ящики, катал бочки, ворочал тюки - без обедов и перекуров. Бичи испугались через две недели, но опоздали: я сорвался с катушек.

Ничего я себе не надорвал. Боксёрское тело похоже на резину, армированную железом, то есть на покрывку от грузовика. Во мне просто завелось нервное истощение. Оно сработало разом,

как разрыв покрышки при перегрузе: я забросил коровью полутушу на штабель и сел рядом. И не поднялся. Бичи закончили перекур, подошли, позвали, потом заглянули мне под веко - и вызвали «скорую».

Никто не знал, что я в больнице. Только бичи на второй день пришли с водкой и доложили, что половину наряда за тот день они оформили на меня одного...

Потом один молодой доктор из общества «Буревестник» заступил на дежурство, узнал меня и нашёл мой адрес. И ещё через день на пару минут заглянул братец. При нём была Фея. Она теперь ему готовила, когда нас с мамой не стало. Сказал мне строго, что нельзя так нагружаться. То есть, сказал, нагружаться даже нужно, только цель следует выбирать более достойную. И ушел. Ему ещё надо было собрать своих небожителей для завтрашней поездки в Москву, на музыкально-живописно-поэтический фестиваль. И повидать там папеньку - на предмет спонсорства. Фея ушла с ним.

Но завтра она явилась.

- Ты что же не уехала? Не взяли? Отменили?

- Я изменила музам, мне жалко вас.

Она говорила мне «вы». Это было забавно. Ну да, она ведь студентка, а я уже давно кончил бы университет, преподавал бы на кафедре. Или тренером.

- Вы ведь мастер спорта по боксу?

- Был. А что?

- Я девчонкой видела вас на ринге. Вы побили здоровенного динамовца. «Победил представитель общества «Буревестник», студент факультета физвоспитания...»

- Было, было. Только былинками поросло. Гвардии охранник банка, заслуженный грузчик биржи труда. Чего пришла-то?

- А вот...

Поставила на тумбочку свою стряпню.

Посидела. Развлекла светской беседой. Учится на моём же спортфаке. Художественная гимнастика. Меня это развеселило:

- Ожившая живопись под классическую музыку, декламация стихов на лету, с лентами, с булавой... Или поёшь?

- И пою. Как Маритана. Видели «Дон Сезара»?

- Не хожу в кино, Я одноклеточный.

Пока эльфы со Скрыбиным порхали по Москве, Фея навещала меня ежедневно. Выхаживала. У неё точно была пятёрка по психологии. Расспрашивала о маме, о папе, о планах. Но ничего не навязывала. Будто безногого вела. И через неделю увела домой.

Мы прошли потихоньку полгорода. Грело солнышко. Небольшие белые облачка паслись вокруг него и не мешали светить.

- Четыре дня назад ливни были, - вспомнил я. - Грибов полно в лесу.

- Откуда вы знаете?

- Я чую по воздуху.

- Вы в них разбираетесь?

- Пойдём в лес, научу.

Мы уехали автобусом в Кисловку и пошли оттуда лесом в Томск. Я показывал Фее наши с мамой места и учил собирать грибы. Очень быстро она научилась их находить, отличать моховик от козляка, рядовку от серушки - это был явный талант. Я показал ей знаменитую Сократову цикуту, она понюхала ядовитый корень и подивилась:

- Ну, вылитая морковка, только белая! Даже запах такой же! А зверобой покажешь?

Так она перешла на «ты».

Мы с трудом нашли зверобой и не стали рвать - его и так мало. Она сказала:

- Я достала сушёные ягоды лимонника. Он быстро тебя восстановит.

У нас был в рюкзаке большой термос, были бутерброды. Мы два раза присаживались на валежину перекусить. Было жарко, и комары в сосняке почти не летали. Это было как с мамой, и я чувствовал, что быстро прихожу в себя.

Мы набрали порядочно разных грибов - и на сушку, и в засол, и на сковороду. Особенно восхитили Фею лисички:

- Такую прелесть даже червяки не трогают! Неужели понимают красоту?

- Наверно, козляки и сыроежки для них просто вкуснее.

Мы притащились домой к вечеру, весьма усталые, но всё же перебрали грибы сразу. Фея мигом усвоила, какие из них - в какую переработку. Грузди и подгруздки мы залили водой на засолку, трубчатые порезали, нанизали на нитки и вывесили на специальные гвоздики за окно, а лисички пожарили в сметане. Восторг был полным.

Ни в лесу, ни дома в этот день ничего между нами не произошло, зря вы ожидали. Спать мы легли в разных комнатах. Фея ночевала на маминой кровати. Так-то.

К обеду следующего дня, когда мы уже выпались и варили белые грибы, прибыл Скрыбин. С собой привёл хромого верзилу с печатью послушания на лице и с забинтованными пальцами на обеих руках.

Фея без стеснения бросилась обнимать сэнсэя. Он одарил её хозяйским поцелуем. Сразу спросил чаю покрепче и внимательно внюхался в грибы. Представил гостя: «Брат Григорий». Я сразу спросил: «Что с руками?» Брату Григорию было лет сорок, заподозрить его в кулачных боях было бы нелепо - в общем, просто так спросил, для поддержания разговора и по боксёрской привычке. Гость совсем заскромничал и опустил глаза, а Гоша, наоборот, оживился: «Это как раз по твоей части. Вот слушай!»

Пока пили чай, Гоша рассказал историю, странную до nepотpeбствa.

Известный томский поэт издал очередную книгу стихов. Там, в разделе «Проказы молодости», поместил своё студенческое стихотворение, которое называлось «Плотник пресвятой». Юноша-поэт рассказывал весьма игриво, как к мужу будущей Богородицы является ангел и на один раз даёт пожилому плотнику мужскую силу, чтобы зачать во грехе будущего Спасителя. Стихотворение кончалось вызывающей фразой: «Вот так всё началось. А дальше - по Луке». Когда Гоша читал нам эти стихи, гость морщился и ёрзал. Фея со вздохом определила: «Социалистический реализм». Я засмеялся: «Апокрифов полно, а Иисусу от этого не холодно и не жарко». И удивился про себя: смеюсь. Впервые за месяц. «А вот ему, - Гоша указал на гостя, - было и холодно, и жарко. Потому что его чувства православного христианина подверглись непоправимому оскорблению». «Ну, - говорю, - ничего непоправимого не бывает. Кроме смерти». Тут Григорий встрепенулся: «Да-да! Я и хотел - поправить». Он выглядел таким робким богатырём, примерно в моём полутяжёлом весе. Я спросил: «Попытка самосожжения, что ли?» Брат Гоша засмеялся: «Э-э, нет! Бери выше! Православие не выродилось, оно воинствует!» И стал рассказывать, как брат Григорий, ведомый божественным попусщением (я вдруг кощунственно услышал - «наущением»), отыскал писательскую организацию, спросил, кто здесь поэт такой-то, автор «Плотника пресвятого», и дальше без разговоров измолотил сидящего за компьютером безбожника, аж поломал все пальцы. Брат мой зло смеялся: «Твердолобы современные поэты!» Я спросил: «А что с поэтом?» Гоша отмахнулся: «Да вроде сотрясение и, кажется, выбил зуба три». Я сказал Григорию: «В вашем возрасте боксировать уже вредно, особенно без перчаток. Надо как-нибудь по-другому. Я видел этого поэта. Он вам по плечо. Небось для меня вы нашли бы другое средство убеждения?» Григорий снова потупился. Может быть, просто спрятал глаза. Зато Гоша вскричал: «Да чем же можно убедить таких твердолобых?! Только пистолетом?!» Я спросил: «А твоя музыка, живопись?». «Да они ж классику не слушают! Даже ты, брат единопутробный, живущий со мною под одной крышей, и то не ходишь на мои лекции!» «Да мне, - говорю, - Боженька хлеба насущного просто так не посылает. Вот и недосуг расти духовно». «А надо находить время, брат! И учёбу ты напрасно забросил! Ну, понимаю, мама была... Но теперь-то я за тебя возьмусь! Правда, Риточка? Мы вернём его в лоно...» Она молчала, забившись в угол дивана. А он вскочил, порывшись в своих картонах, и на свет явилась картина Крамского «Христос в пустыне». Её я хорошо знал, потому что сам вырезал репродукцию из «Огонька», сам вставлял в рамку. Я даже, бывало, после тяжёлой нагрузки или перед очень серьёзным боем, тайком доставал её и вглядывался. Было что-то мне родственное в его усталой позе непобеждённого...

Гоша повесил репродукцию над своей новой аппаратурой, нашёл нужную запись, скомандовал: «Внимание! Все смолкли!» И включил.

Заревели органнне аккорды, замигали цветные лампочки, и высокий голос Риты завёл речитативом:

«Блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся!..»

Я вспомнил первые дни без мамы, и голова моя сразу опустилась. У меня слезы всегда были ближе, чем у тщедушного братца. А живая Рита сидела на диване совсем рядом, и видеть такой срам ей было ни к чему.

«Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю. Блаженны плачущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милосердные, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они названы будут сыновьями Божиими. Блаженны преследуемые за правду, ибо им принадлежит Царство Небесное...»

- Вот! Во-о-от! - Гоша остановил проповедь. - «Блаженны преследуемые за правду!» - Подошёл ко мне, уставился в глаза, сделал пророческое лицо. - Против брата Григория возбудили нечестивцы уголовное дело, но именно ему и таким, как он, принадлежит Царство Небесное!

Было жутковато и непривычно: я давно не бывал на Гошиных лекциях, и такого стиля никогда не видел. Я не знал, как реагировать. Но он сразу оставил меня, вернулся к аппаратуре и снова включил.

«Блаженны будете и вы, когда вас, оклеветанных из-за имени Моего...»

Хорошо пела Фея. Криком кричала во имя Господа, вполне управлялась без всякой рифмы. А я, грешный, не понимал. Не трогало меня.

Я читал когда-то Евангелие. Все четыре читал со вниманием. Многое нашёл справедливым. Но кое-что всерьёз меня озадачило. Ну как это - оставить беспомощных родителей ради спасения собственной души? Зачем мне такая чёрствая душа?.. Как это - не пожелай раба ближнего? Христос, что же, был сторонником рабовладения? Или я настолько одноклеточен, что простых притч не понимаю? Но ведь я чувствовал, что Фея принадлежит Гошке, душой и телом, и я не позволил себе пожелать её. Или, может быть, эту притчу я тоже неправильно понял? Христос прощал блуд. «Кто из вас без греха...» Христос работал в субботу. «Не человек для субботы...» Он переиначивал папашины законы, ибо не человек для них, а они для человека. И я тоже не пойду на поклон к своему папаше, даже если буду подыхать без спонсора... Я запутался в божественных притчах, в родственных и деловых отношениях, ими толкуемых. Тот, кто работал на винограднике всего час, получает столько же, сколько работавший на жаре с самого утра, ибо такова воля работодателя. Я и этой притчи не понял. Наверно, потому что всегда работал с самого утра и не умел приходить к раздаче милостыни... Что ж теперь делать, я таким родился, из той же утробы.

Фея всё пела высоким речитативом, брат Гоша с братом Гришей наслаждались её исполнением на балконе, распахнув настежь двойную дверь - прямо как на свадьбе. А я смотрел на саму Фею, забившуюся в уголок дивана, и жалел её, и ожесточался, ибо не было горя в душе брата моего, не скорбел он по маме, потому что последовал совету непостижимого Спасителя, и оставил мертвым хоронить своих мертвецов. А Фея всегда смотрела на него, как на бога. Но сейчас, мне показалось, что-то надломилось в ней. Может быть, это мой вид её испугал? Она очень пристально теперь смотрела на меня...

Я ушёл от этого пристального взгляда в Гошину комнату. У нас их было три, в старой пятиэтажной «хрущёвке». В большой, проходной, где сейчас шёл концерт, на диване обитал я, а у мамы и брата были свои комнаты. В маминую эту ночь провела Рита, а я, от греха подальше, спал в Гошиной. Туда я удалился и теперь. Там тоже имелось музыкальное оборудование, а все стены, не занятые книгами, были в иконах. Мы с мамой даже и не заметили, как божественная тема обрела для нашего Скрябина ведущую роль в научно-художественных изысканиях.

Среди этих икон я, признаться, спал беспокойно. Неуютно было. Ну, может быть, дело не в них, а в чересчур близком соседстве этой чужой Феи...

Но теперь наедине с ликами я вдруг почувствовал себя в самой подходящей компании. Они все смотрели на грешного маловера с каким-то дружеским снисхождением. Смягчился даже вид сурового косматого Иеговы, с чьим взглядом я даже не решался скрестить свой, хоть и встречал подобные взгляды на ринге. Я только скользнул по нему глазами и обратился к Пресвятой Богородице. Она вовсе не выглядела обиженной на мальчишескую шутку местного поэта. Видно, знавала за две тысячи лет и не такое. И на меня она смотрела с состраданием, будто уже знала и заранее прощала то, о чём буду просить. Да и Младенец на её руках выглядел так, будто ему тоже всё понятно и он не против.

Я никогда ни перед кем не стоял на коленях. Не был приучен в жизни, а в боксе столь сильных ударов не пропускал. И теперь даже перед Богородицей я преклонил всего одно колено, но и самому было ясно, что сделал это от самых глубин души.

- Дева Пресвятая, - прохрипел я, давась слезами, - и Ты, маленький Спаситель! Ну, сделайте что-нибудь!.. Ведь есть же Вы где-то или рядом! Уберите Вы его отсюда, сил моих больше нет...

Вот и всё, что я Им сказал. И, наверно, на минуту-другую оказался в нокауте, потому что все звуки вдруг оставили меня, а мозг окутала полная, глубокая тишина.

Я ещё не поднялся с колена, когда вбежала Фея. Она посмотрела на меня, на Богородицу с Младенцем и без сил, в ошеломлении привалилась к самому большому шкафу с самыми дорогими альбомами.

- Это ты, - сказала она глухо. - Я так и знала... Иди, посмотри.

Взяла за руку и привела на пустой балкон. И встала рядом, не отпуская руки.

Наша квартира - во втором этаже. На асфальте под балконом корчился и не мог подняться брат Григорий. Было похоже, что хромать ему теперь на обе ноги. Поверженный поэтоборец с обидой смотрел вверх, куда-то мимо нас.

- А Гошка где? - спросил я тихо.

- А ты не знаешь? - Рита посмотрела так, будто я её разыгрываю. И подняла глаза к небу.

Там, как и вчера, мирно паслись вокруг солнца пушистые беленькие облачка. А между ними, медленно растворяясь в синеве, воздушным шариком возносился Гошка. Его немзыкальные вопли едва можно было слышать, даже при выключенном речитативе.

3. ГОБЛИНЫ

Пролог

Он стоял одиноко на троллейбусной остановке, подпирая плечом округлость бетонного столба. Ни души на несколько кварталов в обе стороны. Глубоко-глубоко за полночь. Так глубоко, как этого достаточно доброму горожанину, чтобы досмотреть до конца первый сон перед субботой.

Городской транспорт уже давно отдыхал в своих парках, только дежурные автослесаря подтягивали гайки и меняли масло да сонные мойщики поругивали прошедший ненастный день.

Где-то не спали, наверно, ещё ночные таксисты, но мало было шансов увидеть кого-нибудь из них здесь, на краю городской промзоны, где бываетлюдно лишь по утрам и вечерам.

Да не очень походил этот средних лет мужчина на любителя таксомоторных вояжей - ни позой, ни одеждой, ни выражением лица, если б было кому присмотреться.

Тот, чей бессонный досуг в это время позволил бы всмотреться в одинокого человека на самом краю тротуара, очень быстро потерял бы к нему интерес. Диагноз: "Без определённого места жительства" был бы уже готов сорваться, но что-то помешало бы поставить его окончательно, и любопытный, не осилив задачи, отвернулся бы с простой мыслью: "Засиделся в гостях, безлошадный". И осудил бы друзей-хозяев, которые отпустили гостя одного в такое волчье время.

А вот и досужие, которым ничего не стоит остановиться как раз у этого столба и всмотреться в прислонённого к столбу человека. Даже выйти к нему вдвоём и задать некий дежурный вопрос. И выслушать ответ. И позвать в машину. И выслушать отказ:

- Да нет, ребята, спасибо. Я сам.

Двое, однако, были настойчивы.

- Ну-ну, давай поможем.

- Да зачем, не надо, - одинокий вцепился в какую-то железку на столбе. - Не хочу я...

Его молча отдирали от столба, потом ударили под дых, но он не сдавался, и третьего, что сидел за рулём, позвали на помощь. Увидев себя в окружении троих молодцов, бедолага сразу расслабился, охотно шагнул к машине, но перед распахнутой дверью вдруг развернулся, как выпущенный из рук моток струн, и через несколько секунд на ногах остался он один.

Дальнейшие действия злодея были отчётливы и ужасны. Он забрал у лежавших пистолеты и документы, передёрнул один из затворов и хладнокровно, упирая ствол в тело, чтобы приглушить звук, застрелил двоих. Затем вытер оружие расправы платком одного из убитых и бросил пистолет на асфальт. Оставшееся оружие было им присвоено, а уцелевший милиционер - сноровисто связан его же ремнём и с кляпом во рту легко брошен в арестантское отделение машины. Умело заперев дверь за пленным, убийца сел в кабину, и машина умчалась в ту сторону, где кончалась промышленная зона и начиналась дорога в соседнюю область.

Когда пришедшего в сознание стажёра Курыхина выпустили из машины, он увидел вокруг себя лес, подступающий к пологому песчаному берегу реки.

- Тут постой, - велел связанному похититель. Мотор машины тихо работал. Террорист залез в кабину, двигатель взревел, патрульный автомобиль ночной милиции покатился в воду, а вредитель выпрыгнул на ходу и следил за потоплением, пока мотор не заглох.

- Скоро найдут, правда? - сказал он Курыхину вполне дружелюбно. - Ну, идём.

- Вы взяли меня в заложники? - спросил Курыхин.

- Сейчас это модно, - похититель согласился, но тут же качнул головой. - Нет. Просто поговорим вон там, в избушке, и отпущу.

I.

-... он не бил меня, - повторил Курыхин. - Даже без словесных оскорблений... Просто просил передать...

- Именно просил? - уточнил полковник Воронов.

- Так точно, - Курыхин кивнул, вскинул и снова опустил глаза. - Передать дословно: "Все гоблины должны быть строго переучены на уважительное отношение к людям".

- Он объяснил, кто такие гоблины?

- Так точно. Но мы и сами знаем. Пацаны так называют всех патрульных - и на машинах, и пеших.

- Но почему именно так называют?

- Ну-у-у... Уроды подземные, нелюди...

- За грубость?

Стажёр кивнул, не поднимая глаз, и добавил в пол:

- За бесчеловечность.

- Ну, ну, договаривайте! - Воронов с трудом сдерживал гнев. - Подробности!

- Ну, за то что грабят на улицах пацанву... По мелочам... Пиво заставляют покупать, газировку, мороженое... Мелочь отбирают, складники - будто это холодное оружие...

- То есть, короткие складные ножи без фиксатора?

Стажёр кивнул.

- И вы отбирали?

- Я - не-е-ет! - Курыхин быстро поднял глаза и уставился на полковника с удивлением. - Я ведь вообще не патрульный, мы - автоинспекция! - Прозвенела в голосе гордость пополам с обидой. - У нас этим не занимаются!

- А почему оказались в патрульной машине?

- Так - стажировка, от учебного центра... Сказали: надо знать ППС*.

- В каких войсках служили?

- В ВДВ. Механик-водитель БРДМ.

- Что это?

- ВДВ? - Курыхин даже открыл рот.

- Да нет же! - Воронов поморщился. - БРДМ что такое?

- А-а-а... Боевая развед-десантная машина. Колёса вот такие, скорость...

- Ладно, понятно... - Воронов опять поморщился. - Дес-сантник... Как же он тебя?..

- Да я даже не понял, - стажёр снова опустил голову. - Приёмы какие-то...

- Ладно, идите пока.

Парень уже дошёл до двери, но полковник остановил:

- Когда его задержат, опознать сможете?

- Так точно, - быстро ответил стажёр.

***ППС - патрульно-постовая служба.**

2.

Селекторное совещание, именуемое в милиции рапортом, второй день начиналось сообщением дежурного о ночном убийстве двух патрульных.

- Баллистическая экспертиза показала, что оба убийства совершены из пистолета сержанта Курыхина, оставленного на месте преступления.

- Сержант Курыхин не был оставлен на месте преступления, - перебил дежурного начальник областного управления генерал Новиков, большой любитель русской словесности.

- Пистолет был оставлен, товарищ генерал, - покорно уточнил дежурный. - Разрешите продолжать?

- Продолжайте, капитан.

- Два других пистолета обнаружены в затопленном в реке патрульном автомобиле. Обнаружить машину помог сержант Курыхин, но он из-под ареста пока не освобождён...

- Это к делу не относится, - перебил опять генерал. - Какие-нибудь дополнительные ориентировки по этому преступлению не появились?

- Я и говорю, товарищ генерал, раз все три пистолета нашлись, значит, преступник не вооружён...

- Это очевидно, - перебил генерал. - Хотя и маловероятно. Все, надеюсь, оповещены, что он очень хорошо дерётся без оружия. Так что, всех прошу быть крайне бдительными, хватит нам трупов... И освободите этого Курыхина. Подключите к поискам - больше будет пользы... Да, вот ещё: в машине убийца следов не оставил?

- Никак нет, товарищ генерал. Всё профессионально.

- Продолжайте рапорт, - разрешил начальник управления.

3.

Всё было точно так же, как в ночь убийства. В то же самое время, подпирая тот же столб, стоял на остановке мужчина средних лет, весь вид которого являл состояние неприкаянности, даже, пожалуй, бездомности. В лучшем случае - "в гостях засиделся".

На этот раз патрульный автомобиль тоже остановился, но не у бровки, а почти на осевой, и целая команда с автоматами, рассыпавшись веером, быстро окружила объект.

- Руки за голову! - скомандовал командир группы захвата.

- Вы только друг друга не постреляйте, - был ответ. И человек, выполнив приказ, сам двинулся к патрульной машине, приговаривая: - Не пьян, не вооружён, не сопротивляюсь, так за что же? Ваши санкции? - обратился он к командиру группы.

- Щас будут тебе санкции, - ответил тот и уже нацелился прикладом в затылок, но неохотно вспомнил категорический приказ генерала: "При оказании сопротивления - не бить!" и с ещё большей неохотой опустил автомат.

4.

- Ваша фамилия? - был первый вопрос следователя.

- Линч.

- А в паспорте написано - Линевич.

- Я и гврю - Линч. Прзншнье ткое. Зшто рстваль?

В таком духе он и кривлялся первую половину допроса. Ирина Очкова была опытным следователем. Она довольно быстро научилась разбавлять речь Линевица проглоченными им гласными и на вопросы, подобные приведённому, уверенно отвечала:

- Вас арестовали пока ни за что. По подозрению.
- Вчм?
- В убийстве двух наших сотрудников два дня назад.
- Ккх стрднкв?
- Очень молодых сотрудников. Начинающих. Им бы ещё жить да работать, а их - убили.
- Зшто?
- Вот это и нам хотелось бы узнать. Понимаете, Игорь Антонович, по внешним признакам - их убили ни за что. Оружие и документы изъяли, но тут же и подбросили в их угнанный автомобиль. И автомобиль не использовали, просто утопили в реке. И свидетеля оставили, который видел убийцу в лицо... Да-да, один был, а справился с тремя... Вот проведём сейчас опознание. Если свидетель вас не узнает, отпустим.
- А кто свдтль?
- Один молодой человек.
- Ваш стрднк?
- Да, наш сотрудник. А что вам не нравится?
- Пдставк.
- Не верите... Да не будет подставки, не бойтесь.
- А я боюсь. И не верю.
- О, у вас наладилось произношение?!
- Значит, волнуясь.
- А вы не волнуйтесь. Какие у вас основания нам не доверять? Вас обманывали в милиции?
- Да.
- Можете рассказать?
- Могу, но не хочу. К вашему делу едва ли относится.
- Ах, Игорь Антонович, если бы я сама знала, что к делу, а что не к делу. Может, как раз ЭТО - и относится... Ага, вот и наш стажёр... Садитесь, Володя... Игорь Антонович, вы знаете, наверно, что опознание проводится по определённой схеме: сидят в рядок несколько человек и так далее. Но у нас ситуация сугубо неофициальная. От вашего появления здесь вообще создаётся сложное впечатление - вроде явки с повинной, поэтому решено отойти от канонов...
- Тем более, что опознавать будет ваш человек, - быстро добавил задержанный.
- Он в данном случае - просто человек, - не согласилась Очкова. - Честность - это ведь не должностная черта, а человеческая, правда? Мы поверили ему, что это не он убил своих товарищей, не он утопил машину...
- И он охотно под это дело сдаст вам меня или кого угодно другого, - задержанный говорил и в упор смотрел на сержанта Курыхина, который тоже не отрывал от него глаз. - Ведь так, молодой человек?
Курыхин не отвечал. Он смотрел на говорящего странным жадным взглядом, в котором было больше удивления, чем страха, и больше смятения, чем надежды на благополучный исход.
- И это тем более так, - продолжал подозреваемый, - что находимся мы не в обычном следственном кабинете, а вот в этом пытошном каземате, и я не просто в наручниках, а прикован к стене, как буйный. И тем ещё более, что своему-то человечку меня можно было заранее показать через вон тот глазок, и он опознал бы меня в любой толпе, даже одинаково одетых.
Он говорил, а следователь и стажёр молча слушали. Разница была в том, что Курыхин, казалось, ловил и впитывал каждое слово, а Очкова, выбрав удобную позицию, наблюдала за обоими с ненавязчивым любопытством.
Линевич внезапно перестал говорить и, склонив голову набок, хитро всмотрелся в следователя. После короткой паузы задал вопрос:
- И что же, Ирина Ильинична, годится этот паренёк мне в сообщники? Или он таки сам убил? И я могу быть свободен?
- Вы проникательны и логичны, Игорь Антонович, - оценила следователь.
- Вот так, юноша, - Линевич повернулся к стажёру. - Думали, что меня опознаёте, а оказалось - вас проверяют. Ведь, наверно, орудие убийства - ваш пистолет? Вот сейчас справедливость и восторжествует! Я - просто случайный человек с улицы. Могли кого угодно притащить - чтобы проверить вас. А проверяют вас - на человеческую честность и профессиональную пригодность: можете ли вы быть убийцей, способны ли уничтожить первого встречного? Сдайте меня сейчас - и карьера вам обеспечена. Ага?
Повисла протяжная пауза, усиленная готовностью глухих гладких стен ответить эхом на малейший, ничтожнейший звук. Звякнула цепь о кольцо в стене - звяк отразился от остальных стен и вернулся с потолка ушестерённым. Скрипнула скамья под Володей Курыхиным - и целый струнный квартет отозвался со всех сторон. Молчать ЗДЕСЬ - это была пытка.
- Ну что же, - Очкова с облегчением нарушила взведённую тишину, - приступим к опознанию.
- Уж точнее - к обвинению, - отозвался человек в цепях, глотая гласные.
Следователь пропустила замечание мимо ушей.

- Владимир Степанович, - обратилась она официальным тоном к Курыхину, - вы когда-либо до настоящего момента видели сидящего перед вами человека?

- Висящего на цепях, - уточнил подозреваемый. И заботливо спросил следователя: - Ирина Ильинична, а цепи не мешают опознанию?

- Кстати, сержант, - добавила следователь, - обратите внимание на голос и манеру говорить. Ведь дело, как вы утверждаете, было ночью?

- Да, ночью, - Курыхин не без труда перевёл взгляд с закованного на спрашивающую. - Всё было ночью. Я терял сознание...

- Может, луна была? - подсказал опознаваемый.

- Не помню. Фонари горели.

- Но лицо-то было хорошо видно? - Линеви́ч не отступал.

- Игорь Антонович, - вмешалась Очкова мягко, - опознание провожу я. Не мешайте, прошу вас.

- Я не мешаю, Ирина Ильинична! Я голос подаю, для облегчения задачи...

Следователь усмехнулась и покачала головой.

- Слушаю вас, - сказала она стажёру. - Можете утверждать с уверенностью, что двое суток назад... Что видели и слышали этого человека?

- Посмотреть бы, как он дерётся, - сказал Курыхин с сомнением.

- Вот тут пусто, - возразил Линеви́ч, безмятежно улыбаясь. - Тут мне показать нечего.

- Итак, окончательно, - подытожила Очкова: - Вы встречали этого человека?

Сержант встал, сказал: "Нет, - и добавил: - Разрешите идти..."

- С меня тоже хватит, - Линеви́ч улёгся лицом к стене. - Разрешите и мне...

5.

На следующий день, в той же "пытошной", как он её назвал, и в том же цепном положении, узник, уже не глотая гласные, вовсе не казался взволнованным. Следователь сразу обратила на это внимание.

- Игорь Антонович, вы с утра нервничаете?... Из-за чего, позвольте узнать?

- Вот из-за этого, допустим, - Линеви́ч равнодушно подёргал свои цепи. - Из-за незаконности моего ареста. Из-за неправомерности содержания под стражей при полном отсутствии улик. Из-за отсутствия прокурора, которого я пригласил сразу же по аресте. Из-за отсутствия адвоката. Пахнет расправой над невинным человеком, Ирина Ильинична... Но насчёт волнения - это вчера было. А сегодня - наоборот. Если разволнуюсь, я сегодня за-а-а-аикаться начну. У меня такая странная психика.

Очкова понимающе покивала.

- Хотите, Игорь Антонович, настаивать на психиатрической экспертизе...

- Отнюдь, - Линеви́ч по-вчерашнему безмятежно улыбнулся. - Настаивать на этом будете вы, Ирина Ильинична. Ведь рано или поздно, а до суда дело дойдёт, правда? И вас спросят: "Преступника, который СЕГОДНЯ не преодолел тягу к посещению места преступления, вы почему не сочли нужным освидетельствовать у психиатра?" Вам скажут...

- Я всё понимаю, - мягко перебила следователь. - Но ни экспертиза, ни адвокат, ни прокурор вам, Игорь Антонович, не понадобятся. Я пришла, чтобы вернуть вам свободу.

С этими словами она извлекла из кармана ключик и шагнула к топчану, на котором сидел Линеви́ч. Однако тот быстро встал и, насколько позволила цепь, вытянул руку ладонью вперёд.

- Нет-нет, Ирина Ильинична! Этого мало...

Следователь опустилась на лавку с видом несколько озадаченным.

- Что же я могу ещё для вас сделать, Игорь Антонович?

- Составить беседу, Ирина Ильинична. Только и всего. Ваше рабочее время, я понимаю, расписано. Однако теперь-то я могу на него рассчитывать. Случай таки не рядовой.

- Да что ж в нём такого нерядового? Арест по подозрению. Освобождение за недостаточностью улик. Процессуальные сроки соблюдены. Извинения вам я хотела принести после снятия оков, пожать руку, если позволите... Я ведь в изрядном смысле - человек подневольный.

- Да уж, Ирина Ильинична. Все мы не свободны. Однако мне от вас нужны не извинения. Мне нужна, повторяю, беседа.

- Что ж, извольте. Я готова.

- Только одно условие, Ирина Ильинична. Я и вчера опасался микрофонов, и сегодня опасаясь. Нельзя ли нам - где-нибудь вне контроля, по-настоящему наедине? Я думал об этом сегодня ночью, даже представлял специальный лимузин - двухместный, оборудованный цепями - для перевозки и вывозки вот таких, особо опасных.

- Нет у нас таких.

- Особо опасных? - Линеви́ч засмеялся собственному остроумию. - Зря, значит, надеялся. Ну, ладно. Раз уж вы пришли дать мне волю, можно обойтись обычной скамейкой где-нибудь в сквере. Только не здесь, не напротив вашего заведения. Вы меня понимаете?

- В чём же дело? Конечно! Отойдём квартал-другой. Можно вообще прогуляться до Лагерного сада...

- Лагерный сад? - Линеви́ч заметно оживился. - А давайте в Лагерный сад! Вы не шутите? В самом деле?

Он протянул поднявшейся Очковой свои запястья. Оковы упали на топчан. Совершилось, наконец, рукопожатие.

- Что же с нашим Володей? - озаботился бывший арестант. - Неужели признался, что убил? Или его признали?

- Ни то, ни другое, - Очкова распахнула дверь камеры и пропустила ГОСТЯ наружу. - Будет вестись работа по этому делу, за Курыхиным понаблюдают. Ну, это уже технология, вам неинтересно. Вы, кстати, кто по профессии?

- Э-э-э, не знаю даже, как сказать, чтоб поопределённое. Точнее всего, пожалуй, социолог. В самом буквальном смысле - изучатель общества.

- Тем и на хлеб зарабатываете?

- Да.

Казалось, Линеви́ч был готов даже пуститься в объяснения - естественная словоохотливость освобождённого с освободителем. Но тут как раз их отвлекли формальности освобождения - сверка возвращаемых вещей, пересчитывание денег - и беседа возобновилась на улице, а тема сама собой нашлась другая. Вчерашняя.

На высоком крыльце учреждения обоим пришлось посторониться: два милиционера, заломив руки под самый затылок, тащили по ступеням парня в разодранной кожаной куртке и с перекошенным лицом. Парень упирался ногами во всё, что подворачивалось, его били под колени, а он сквозь зубы рычал только одно слово: "Фашисты, фашисты..."

Молча сошли с крыльца, протиснулись между милицейскими машинами отошли на квартал, и Линеви́ч заговорил первым.

- Вы спрашивали, Ирина Ильинична, обижала ли меня милиция.

- Я спрашивала, обманывала ли...

- Помню, помню. Обман - частный случай обиды. Обманутые ожидания - частная форма обмана. Неисполнение обязанностей, долга - частный случай обманутых ожиданий.

- Вы, Игорь Антонович, софист высокой квалификации. Помните анекдот: "Гражданочка, не кричите так, пожалуйста". "Я кричу, значит, я ору, значит, я лаю, значит, я собака, значит, я сука. Гражданин, он меня блядью назвал!"

- О, Ирина Ильинична, вы ещё более опытный софист!

- И оба мы - профессионалы.

Оба профессионала улыбнулись, и Очкова спросила:

- Можно считать, что необходимая вам беседа начата?

- Прелюдия, - уточнил Линеви́ч.

- А можно в промежутке вопрос невпа́д?

- Не сомневаюсь, что именно невпа́д. Пожалуйста.

- Я насчёт вашей давешней оговорки. Очень интересная была оговорка. Когда ещё мы были наедине. Я спросила вашу фамилию, а вы ответили - Линч. Случайно?

- Браво, Ирина Ильинична. К этому имени можно многое пристегнуть... Ну что же, давайте погуляем - Лагерный сад уже недалеко - да и попробуем связать, что с чем получится.

Очкова молча кивнула и стала ждать продолжения. Опыт подсказывал, что её собственные речи только нарушат картину, которая в голове этого человека давно сложилась и явиться слушателю может только в таком, заранее составленном, виде. Её же, Очковой, задача, если понадобится - выстроить по ходу разговора свою систему вопросов и возражений, в зависимости от того, что за монолог придётся слушать. В её обширной практике подобных - ненаправляемых - бесед давно не бывало. Но на то она и практика, чтобы не иметь границ, рамок, пределов, заборов и тупиков.

Однако собеседник, только что такой словоохотливый, вдруг замкнулся и до самого Лагерного сада загадочно молчал да улыбался Очковой, когда встречались глазами, будто хотел вопроса или какой-то неведомой побуждающей фразы.

Очкова решила домолчать до какого угодно результата, хоть до отмены разговора. Попутно она постаралась проследить за блуждающим по улице взглядом своего спутника и угадать, не ищет ли он слежки. Сделала вывод, что, пожалуй, нет: внимание Линеви́ча переключалось с быстрых облаков на случайных прохожих, на крыши зданий, на последние астры сентябрьских газонов, на автомобили, на верхушки деревьев - совершенно случайно, бессистемно, как у всякого узника, только что благополучно покинувшего темницу.

Наконец вошли под первые кроны Лагерного сада. Линеви́ч жестом вождя предложил направление и сразу же заговорил.

- А интересно, осталось ли у вас ощущение, что меня выпустили зря?

- Знаете, осталось, - Очкова не медлила с ответом. - И ощущение явки с повинной осталось. И ваше желание побеседовать связываю с этим.

- Я в вас не ошибся, - заявил строго Линеви́ч. Он вообще вдруг подобрался, подтянулся, стал таким профессором на кафедре. - Вы, Ирина Ильинична - честный человек. И вам, наверно, нелегко совмещать порядочность с работой в ПОДАВЛЯЮЩЕЙ системе - оно ведь разрушительно для души.

- ОНО! - Очкова не перенесла торжественности тона и засмеялась. - Оно разрушительно везде и всегда, в любой системе. Но не для души, а для тела. Для миокарда, если быть точной. Разве в вашей социологии - иначе? Предполагая, конечно, что мы оба - не халтурщики.

- О-о-о, Ирина Ильинична, в самую точку! - Линеви́ч тоже позволил себе коротко улыбнуться. - Я очень даже не халтурщик и имею на этом изрядные потери. Не приспособлен народ наш... Но будем щадить ваше рабочее время. Ждут "темняки", "висяки", а я - со своими проблемами... Впрочем, я всё же интересен вам - как подозреваемый.

- Нет-нет, - запротестовала Очкова, - давайте не пользоваться юридической терминологией. Пусть будет просто беседа. Скажем, социолога со следователем. Ко взаимной пользе. Меня, кстати, ни разу в жизни не опрашивали и не допрашивали. Пробел, не находите?

- Нахожу, - Линеви́ч ещё раз улыбнулся, но совсем мельком. - Ладно, если хотите, давайте попробуем начать с опроса... Например, как вы себе представляете идеального милиционера? В широком смысле, конечно.

- Очень лёгкий вопрос, Игорь Антонович. Отвечу ассоциативно. Вы ведь отдавали в перепечатку какие-нибудь научные труды, так что знаете, какая машинистка считается идеальной: та, которая перепечатывает всё с абсолютной точностью. Даже если в рукописи какая-нибудь "сорока" написана через "а", она так и должна стучать - "сарока". Вот нечто подобное я и применила бы к идеальному милиционеру: абсолютное знание законов и абсолютное следование законам.

Усмехаясь ещё в начале ответа, Линеви́ч некоторое время шёл молча и с сомнением покачивал головой. Потом спросил:

- Вы видели французский фильм "Профессионал" с Бельмондо?

- О да, там ещё такая чудная музыка...

- А помните, - Линеви́ч показал тоном нетерпение, - там есть персонаж с неприятной фамилией Фарш?

- Напомните. Давно видела.

- Этот Фарш работает в полиции... исполнителем. Знаете?

- В нашем НКВД так называли палачей, - жёстко уточнила Очкова. - Я вспомнила. Этот Фарш постоянно держит кого-нибудь на мушке, стреляет только по команде и всегда с большой радостью кричит: "Попал!"

- Вот-вот. По-вашему, это и есть идеальный полицейский?

- А знаете, в определённом смысле - да, безусловно. Без таких, как он, полиция потеряла бы своё важное достоинство - неотвратимость. Фарш - тоже профессионал, но он - простейшая функциональная единица. У него нет ни права, ни нужды решать что-либо самому. За эту простоту его и не убивает умный главный герой.

- Ну а главный герой? - Линеви́ч стал ещё более нетерпелив. - Он ведь симпатичнее авторам. Да и нам. Но он - не идеален...

- Да нет, - не согласилась Очкова. - Главный герой тоже идеален. Не идеальны те, кто его послал на преступное дело, а потом сознательно предал.

- Стало быть, - Линеви́ч даже приостановился, - идеальность профессионала определяется для вас его служебной добросовестностью? И только?

- Выходит, что так, - признала следователь.

- А как же со справедливостью?

- Её определяет закон. Что поделаешь, ничего лучшего человечество не сумело придумать. Сколько людей, столько и справедливостей, поэтому и закон - ради хоть какого-то равенства. Согласитесь, Игорь Антонович, это ведь всего лишь общественное равенство, да и то ограниченное. Это терпимо, верно? Полная справедливость недостижима ни в чём, но ведь и без рамок нельзя...

- Значит, по-вашему, одной добросовестности достаточно, - Линеви́ч подвёл итог. - Если все будут добросовестны, то и Фаршу станет не в кого стрелять...

- Вот именно! Только и всего!

- И, стало быть, если кто-то один возьмётся самостоятельно решать проблемы общественной справедливости, он, по-вашему, обязательно наломает дров?

- Притом в самом дурном смысле, Игорь Антонович. Вы же помните, в том фильме Фарш попал-таки в главного героя.

- Главный герой сам того хотел.

Теперь остановилась Очкова и, глядя в глаза собеседнику, тихо произнесла:

- Вот мы и подошли к теме нашей беседы. Угадала?

Линеви́ч не отвёл взгляда, и с полминуты они простояли так на пустой дорожке, улыбаясь друг другу, вглядываясь друг в друга и не произнося ни слова. Наконец Линеви́ч сделал приглашающий жест:

- Пойдёмте дальше.

Прогулка продолжалась. Мужчина надолго замолчал опять, и снова женщина не сделала попытки прервать молчание. Впрочем, это не составляло ей особого труда: Лагерный сад так устроен, что располагает к размышлениям наедине - в присутствии какого угодно количества людей.

- Ирина Ильинична, - начал наконец Линевиц, - я задал вам, как договорились, социологические вопросы, и ваш портрет готов.

- Ну и как он вам?

- Божнички дома нет, но над рабочим столом я бы его повесил. Знаете, чтобы вечерами, с устатку, беседовать по душам. Вы, ей-Богу, хороший собеседник. Очень важное в этом деле достоинство - терпимость. Умеете слушать, не навязываете свою позицию, не произносите сорных слов. Даже лишних не произносите. Изрядная редкость. Особенно среди дам. Я, в самом деле, искренне рад знакомству. Чем бы оно ни кончилось...

- А почему оно должно кончиться?

- Потому что знакомство наше с самого начала экзотично. И продолжение ему может быть двоякого рода. Либо подружиться, так сказать, домами, что практически невероятно, либо вы сейчас, скажем, поправите причёску, выскочат из-за деревьев автоматчики, и вы убедитесь, что я действительно не умею драться. Но разве это можно назвать продолжением знакомства?

- То есть, наше дальнейшее знакомство принципиально невозможно?

Вместо прямого ответа Линевиц усмехнулся и процитировал:

- "Я не против полиции. Я просто её боюсь". Альфред Хичкок.

Очкова усмехнулась в ответ.

- Не очень похоже, чтоб вы под этим подписались... Ну да ладно. Пусть будет, как будет. Смотрите для начала.

Она остановилась и подчёркнутыми движениями, поворачиваясь при этом в разные стороны, стала поправлять причёску. Никто, разумеется, из-за деревьев не появился, а Линевица разобрал смех.

- Ну, спасибо, гражданка начальница! К вашему чудному портрету над моим рабочим столом добавилось чувство юмора.

- Вроде рамочки, да? Не забудьте, чтоб причёска была эта же.

Отсмеявшись, Линевиц показал, что приступает к делу.

- Ирина Ильинична, беседа в форме моего монолога, при всех ваших достоинствах, едва ли не будет для вас утомительной. Поэтому прошу: перебивайте, задавайте вопросы в любом месте моих излияний - это будет только на пользу, не сомневайтесь: я с мысли не сойду... А будет вот что. Хочу предложить вам некий цикл эпизодов, в которых я буду только рассказчиком. То есть, не как действующее лицо, не как свидетель, а как просто рассказчик. Говоря социологическим языком, пусть информация будет достоверной, но анонимной. Принимается?

- Да-да, конечно. Вы будете рассказывать, а я - слушать, делать выводы и обобщать. Ничего не забыла?

- И ещё задавать вопросы. А то, чего я хочу от нашей беседы, прояснится по ходу наших с вами выводов и обобщений. Согласны, значит?

- Вполне согласна, если не будете глотать гласные.

- Да, кстати, вот ещё что, - он пропустил шутку мимо ушей. - Поскольку для вас эта беседа носит, по-моему, неожиданный характер, я не предполагаю, что вы оснащены каким-нибудь записывающим или транслирующим устройством. Я записи не опасаюсь - сам ведь всё затеял, - но и не хотелось бы. Причина скорее забавна, чем серьёзна: микрофоны всю жизнь лишают меня красноречия. Если знаю, что говорю на запись, тогда лучше по бумажке. Вы уж, пожалуйста, скажите мне, что микрофона нет, а я, если беседа понравится, представлю вам её в письменном виде.

- Игорь Антонович, - Очкова развела руки, - смешно и банально предлагать вам меня обыскивать, но можете, если охота - из-за деревьев никто не выскочит. А если достаточно слова, то вот вам моё честное слово: никто, кроме меня, вас не услышит. И меня, кроме вас, надеюсь, не услышит никто. Но и предложение ваше насчёт "письменного вида" - давайте держать в уме. Оно для меня - что-то вроде гарантии на продолжение знакомства... Итак, я готова слушать.

- Сразу оговорюсь, - начал рассказчик, - что приведу эпизоды, не обязательно имеющие отношение к Томску, но известные мне с исчерпывающей достоверностью. И уж раз такое дело, то для удобства повествования рассказывать буду от первого лица, будто бы всё происходило со мной. Но прошу не забывать - это всего лишь "будто бы", в интересах задачи.

Итак, начну с того, что напомним вам некое литературное произведение. Может быть, вам удастся вспомнить его автора или название - я не помню. Суть там такая, что человек вдруг намагничивается, и к нему начинают прилипать сковородки, утюги, ножи, булавки... Ничего приятного, да? "Гигантская флюктуация". Вот по этому же принципу, только не в фантастике, а в жизни - со мной. Одна разница: прилипают не железки, а разные несчастья с милицией. Представьте, какая досада: не от бандитов человек терпит, не от мошенников, не от женщин, не от сослуживцев, а именно от тех, кого он, социологически выражаясь, нанял и содержит - кормит, одевает, вооружает, - чтобы они его охраняли от бандитов, мошенников и тому подобных. Ну всех они охраняют, а его, бедолагу - только обижают.

Вот простейшая история, из первых. Мне пятнадцать лет, еду на велосипеде с первого в жизни свидания. Полночь. На улице - ни души, потому что лето, в городке пусто. Но на моей улице булыжная мостовая, вот я и еду по тротуару - всё равно уже никто не ходит. Так нет же, ходит. Именно милиционер. Именно мне навстречу. Руки крестом, пряжки-пуговицы блестят - не ошибёшься. А у меня - слева деревья, справа забор. Что сделали бы на его месте вы, Ирина Ильинична? Вы ведь не идеальный полицейский Фарш, вы - мыслящий милиционер. Не отвечайте, я знаю. Вы бы велели счастливому пацану ехать поосторожнее и отпустили. Вы даже не велели бы ему съехать на мостовую, потому что пожалели бы его велосипед и его шею. А этот - выкрутил ниппеля из колёс и забросил в темноту через забор. И пошутил: "Запомни огород - там зимой вырастет дерево с ниппелями".

Но я потом женился именно на той девчонке, от которой ехал. И мы с ней родили дочку и сына.

Первым пострадал сын. Тоже поздно шёл домой и тоже со свидания. Шёл, заметьте, и никого не трогал, ничего не нарушал. Семнадцать было ему. Остановили трое, в форме и с палками.

- Откуда идёшь?

- Моё дело.

- Что в карманах?

- Не имеете права.

Где-нибудь рядом в это время кого-нибудь грабили или насиловали, а эти трое... гоблины... заломили беззащитному руки, привели в участок и начали пытать. Гасили о его запястья сигареты. Били в кровь на цинковом столе и заставляли этот стол мыть. И не без смысла это делали, а хотели, чтобы он признался, будто сегодня в составе группы негодяев ограбил и избил кого-то у вокзала, будто он пырнул кого-то ножом, будто он ограбил киоск на той неделе... И надо было не только признаться, но и подтвердить, что сообщниками были такие-то и такие-то.

Парень был крепок духом, ничего на себя не взял. И ему отбили внутренности. И той же ночью бросили где-то в сквере.

Очнувшись, он побрёл домой. Один по тёмной улице. Теперь его можно было принять за пьяного. И приняли. Ребята из вытрезвителя без лишних разговоров забросили его в свою будку, доставили в своё медицинское учреждение, раздели, окатили холодной водой, составили протокол (уж не знаю, был ли там врач, а если да, то был ли он разбужен) и бросили спать на цинковый жёлоб, как в морге, даже хуже, потому что покойник всё же внушает некоторый страх то ли уважение...

Утром я получил изрядный счёт за медицинские услуги.

Ничего никому доказать не удалось: прокуратура поручила проверку жалобы тем же учреждением, где истязали моего сына.

Сейчас он не считается инвалидом, даже отслужил в армии и даже повезло ему там - попал в хорошие войска, где не обижали, неплохо кормили и вернули нам живого и с гражданской специальностью. Но надрыв остался. И болезненность есть. И худой всегда. И работать в милицию не пошёл, хотя в военкомате после армии предлагали.

А у меня с тех пор пошаливает сердце.

Дочь моя - она постарше сына - после школы получила неходовую специальность. То есть, она может быть доходной, если инженер-геофизик нашёл работу в хорошей северной экспедиции, где платят. И дочь моя вначале нашла такую и целый год получала то, что платили. Даже вышла там замуж по любви. Но тут как раз томскую нефтеразведку свернули до размеров кокона, за ней - и нефтедобычу, и дочь с мужем попали под сокращение. Милиция, например, не знает, что такое сокращение. Я думаю, в милиции на сообщение о начале сокращений многие спросят: "С головы или с ног?" Потому что милиция, насколько знаю, всегда требует и всегда получает одно - увеличение штатов и повышение зарплаты. И это правильно: чтобы лучше берегли наш покой и нашу безопасность. Слышал я, были времена, когда и в милиции стрелялись с мотивом: "Нечем кормить семью". Но всё же признайте: у вас всегда есть во что одеться и из чего застрелиться. У моей дочери и её мужа возможности оказались скромнее. Полгода продержались на пособии по безработице, но и дальше народное хозяйство в геофизиках не нуждалось. Так говорили им на бирже труда. И предлагали сезонные работы на овощном рынке - перебирать помидоры из солнечного Узбекистана. Или торговать в киоске - голландским печеньем, германским пивом и американской жвачкой, сохраняющей зубной блеск. Дочь выбрала второе, муж - первое. А когда оба оказывались свободны, то продавали на углу у дома овощи или фрукты, которыми с мужем рассчитывались за труд на оптовом рынке.

Сам я - инженер-строитель. Подрабатывал на заказах у так называемых "новых русских", которые неведомыми путями сумели в этом бедламе разбогатеть и теперь торопились вложить неустойчивые рубли в частную недвижимость. Я строил им коттеджи в два и даже четыре этажа, по индивидуальному проекту, все из розового кирпича. Сам бывал и прорабом, и каменщиком, и плотником, и отделочником - благо когда-то, в Советском ещё Союзе, успел всему научиться в незабвенных ССО. Нынешняя молодёжь не слыхала этой аббревиатуры, а мы-то ею жили от каникул до каникул. Помните? Студенческие строительные отряды строили коммунизм! Жаль, не успели достроить.

Ну так вот, рядом с богатенькими нуворишами и нам, бывшим строителям коммунизма, кое-что перепало. Жена моя, та самая, с первого свидания, стала видной в городе журналисткой и тоже на

хлеб с маслом зарабатывала. Журналисты ведь никогда, ни при каком режиме в проигрыше не бывают: им любая информация - в масть.

Но о жене чуть позже.

Я вспомнил себя и её лишь в том пока смысле, что мы имели с ней некоторую возможность помогать детям материально. И сами они старались, как везло.

Дочь с мужем продали трёхкомнатную квартиру, купили на часть вырученной суммы жильё поскромнее, в старом доме, в непрестижном районе, а остаток решили вложить в собственное дело. Выкупили у хозяина ларёк, в котором она работала, подновили ассортимент, и первые два месяца что-то даже обнадёживало. Муж вертелся, добывал товар, она сидела в ларьке.

Но вот однажды, без свидетелей, подошёл молодой человек в милицмейской фуражке. Под кожаной курткой не было видно погон, только форма проглядывала.

- Девушка, угостите пивом.

Она назвала цену.

- Да сам вижу, вот она. Я угостить прошу.

- Это за что же?

- Ну, скажем, за хорошее отношение.

- А за хорошее отношение мы вас налогами содержим. Если вы действительно из милиции.

В общем, повела себя неуважительно. Он мельком и издали показал ей удостоверение, похожее на милицмейское, потребовал, чтобы впустила в ларёк и предъявила все торговые документы. Она ответила, что знает, у кого есть право её проверять, и пусть он убирается. Он выразил сомнение насчёт хороших отношений и удалился.

Вечером она заперла киоск и ушла спать. А ночью киоск сожгли.

По их жалобе из милиции явился тот же самый вымогатель и сказал, что надо уметь обращаться с огнём, что у плохих хозяев всегда что-нибудь горит. Муж набил ему морду и получил два года за злостное хулиганство.

Дочка нанялась в другой ларёк. Работают круглосуточно, вооружены газовыми баллончиками, откупаются и от рэкетиоров, и от антирэкетиоров, и от милиции, и от налоговой инспекции, и от санитарной комиссии, и от торгового надзора. И поджечь их труднее - всегда в киоске кто-нибудь есть.

Живёт моя погорелица с двухлетним сынишкой, ждут папу из тюрьмы, носят ему передачи раз в месяц. Папа ведёт себя хорошо, исправляется, выйдет раньше срока.

Теперь очередь моей жены.

Я уже говорил, что журналист - самая беспрюигрышная профессия. Особенно если ты не продаёшься - тебе каждое лыко в строку. Что бы ни случилось, куда бы ни повернули события, кто бы что ни сказал - твоему читателю всё интересно. Главное - иметь представление и уметь комментировать. И чем скандальнее, тем интереснее, тем легче тебя запоминают. Даже если тебе ничего не захотели рассказывать и показывать, из этого тоже можно сделать интереснейшую картину - из версий, например: хоть одна, да в цель.

Настя моя - пусть её так зовут - вела в газете "Хронику эпохи". Не больше, не меньше. Эпохальный взгляд на городские события. На том и погорела. Слишком объективная была.

Смешное выражение - "слишком объективная", правда? Как "слишком здоровая".

Что такое эпоха в событиях провинции? Согласитесь, очень непросто разглядеть. Вот вам первый пример.

В новом высотном микрорайоне сынок одной влиятельной дамы очень любил гонять ночами на мотоцикле. Мама воспитала его без посторонней, как говорится, помощи - среди административных дам это не редкость. Ну и баловала, благо имела возможности. Мотоциклет купила мощный, японский, милиция догнать не могла. Да и вообще, вы ведь наверняка знаете: мотоциклиста без коляски в знакомом ему городе поймать невозможно, даже если он не на "хонде", а на обычном "ковровце": дворы, калитки, лестницы, дыры в заборах, доски через рвы... Короче говоря, однажды парня догнали пистолетной пулей, завалили наповал. В газете немедленно появилось фото: венки на месте убийства. И статья моей Насти - "Закон не писан". Там не просто размышлялось о беспорядке рядового гражданина - пусть даже и лихача! - перед блюстителями порядка. Настя постаралась донести до системы взаимоотношений между милицией и другими подразделениями власти. И выудила историю, где оказалась замешанной мама убитого. Мама была влиятельной в сфере привилегий, на которые безуспешно претендовали некоторые высокие милицмейские чины. Сводилось там, как обычно, к простому: жильё в престижном доме, дача в престижном районе, престижное транспортное средство в личном пользовании. Так что, её хулиганский сынишка (кстати, студент-отличник) мог оказаться жертвой не случайной... По статье было разбирательство, в газете были "выступления по следам выстулений". Газета, разумеется, подняла свою популярность и увеличила тираж, а пострадать - по "закону компенсации" - полагалось автору шумихи, моей жене. Но, конечно, не сразу. Если бы на время замолчала, оно бы, может, улеглось, выпало бы, так сказать, в горький осадок. Но - издержка многих общественных профессий: политик, артист, спортсмен, журналист, однажды всех удивив, как бы теряет после этого право прыгать впольсилы - пока не свалится замертво. Почтеннейшая публика любит рекорды. А Настю к тому же угораздило вспомнить и собственные обиды, которые милиция

нанесла нам самим. Представила, что так же мог погибнуть и наш сын, а то и дочь. Женская фантазия, вы её поймёте. В общем, пошла вразнос моя жена. Под рубрикой "Продолжаем тему" появилась статья "Моя милиция меня..?" То была другая, совсем уже душераздирающая история из двух частей и с эпилогом, содержащим выводы и предложения. Ради чистоты жанра был и маленький пролог в виде исторического экскурса. Всё это я вынужден коротко пересказать.

В прологе сразу же давался перевод с русского на русский старинного слова "опричь". И получалось, что на современном русском языке "опричник" означает - "особист". То есть с первых же фраз читатель в милицейской форме получал заряд ненависти к автору статьи, поскольку в глазах оберегаемого и обожаемого народа он выглядел дважды заранее провинившимся - сначала при Иване Грозном, потом при Сталине. Порядочный милиционер считал себя вправе ожидать оправдания - если не к середине, то хотя бы к концу статьи. Но пощады ему не было: каждая единица системы в ответе за всю систему.

В первой части своего обвинительного трактата Настя показала трагедию пенсионера, который в молодости был очень заметным спортсменом, потом известным тренером. Человек этот оказался ночью один на троллейбусной остановке и был приглашён патрулём в машину. Он отказался, его скрутили, увезли в участок, били ногами. Били, так сказать, за дело: бывший знаменитый лыжник сопротивлялся и грубил насчёт личной неприкосновенности любого гражданина. Отбили ему внутренности, к утру начался перитонит. Он к тому времени уже не грубил, а просил "скорую помощь". Его, однако, продержали весь день и вечером, в бессознательном состоянии, отвезли в травматологию. В сдаточном акте написали, что нашли его под утро там-то и там-то, спящего на капоте чужого "мерседеса", дали в участке выспаться, да вот он что-то вдруг расхворался. Может, просто не хочет платить за вытрезвление?.. Так бедный мастер спорта и помер на операционном столе - слишком многое ему отбили. Виновных найти не удалось, потому что проверку семейной жалобы прокуратура поручила тем же людям, на которых жаловались родственники убитого.

Надеюсь, я достаточно краток, чтобы вам не наскучить? Ну, тогда продолжим.

История вторая коротка и связана с первой.

Жена погибшего, дама тихая и деликатная, была на много лет его моложе и далеко не спортсменка. (Настя, на свою беду, хорошо знала обоих). Через месяц к ней в контору (она работала в некой фирме бухгалтером) явились трое в камуфляже, представились вневедомственной охраной и потребовали предъявить лицензию. Бумага была им предъявлена и в процессе ознакомления ими порвана. Можно понять, что дама, которую за один месяц дважды обидели, выразила своё возмущение. И сказала что-то такое, что трое молодцов тут же надели на неё наручники и увезли в милицию. Продержали там двое суток. Вернувшись домой, она слегла и в две недели угасла.

Эпилог к этой незамысловатой истории был сделан моей женой на самом эпохальном уровне. Было сказано и о попрании общечеловеческих прав, и о пренебрежении Конституцией, и о необходимости жаловаться в Совет Европы...

Я, правда, позволил себе съязвить: "Живём в большой Азии, а жаловаться побежим в маленькую Европу". Но очень скоро стало не до смеха.

Поскольку обе истории имели летальный исход, пострадавших как бы и не осталось: взрослые дети погибших жили от них отдельно и, памятуя неудачу с расследованием гибели отца, вторую смерть криминалом объявлять не стали. Тем более, что свидетелей для обвинения не было. В результате моя журналистка оказалась крайней: её обвинили в предвзятом отношении к милиции. Из газеты надо было увольняться, пока не выгнали - намёки на это ей уже делали. Весы качались между самолюбием и самоспасением, и тут очень ко времени пришёлся телефонный звонок. Внушающий доверие женский голос предлагал встретиться: "Есть по милицеекому делу неопровержимые медицинские документы в вашу пользу. Мы в травмпункте просто не имеем времени возбуждать эти дела, потому что слишком много ВОТ ТАКИХ искалеченных - успеть бы их самих вытащить с того света". И жена потеряла бдительность. До этого медики отказывались с ней сотрудничать, не скрывая, что - из чувства самосохранения. А тут нашёлся герой (героиня!) да ещё по собственной инициативе. Помчалась на встречу без сопровождения, мне оставила только записку.

И больше я её не видел.

Объявляли по всем каналам телевидения, писали в газетах, высказывали предположения о "присках криминальных структур"... Канула моя Настя. И я понимал всё, но доказать ничего не мог.

Линевич замолчал и жестом предложил свернуть с аллеи, по которой они прогуливались, на поперечную дорожку, ведущую к обрыву над Томью.

Когда молча прошли половину пути, следователь нарушила молчание.

- Я так понимаю, Игорь Антонович, теперь ваша очередь?

Линевич рассеянно улыбнулся в ответ.

- А можно, - продолжала Очкова, - я попробую досказать за вас? Интересно, смогу ли угадать...

Всё так же молча Линевич посмотрел ей в глаза и без улыбки согласно склонил голову.

- Все эти истории мне известны, - начала Очкова, - притом в разных вариантах, такая уж служба. И родства между героями нет, вы правы. И конструкция получилась настолько очевидная, что никакого другого продолжения логика мне не подсказывает. Когда герой понял, что поиски жены безнадежны

ны, он вспомнил своё лихое военное прошлое, отправился ночью на троллейбусную остановку и встал у того же столба, от которого увезли на тот свет его друга, мастера по лыжам. Подъехала патрульная машина, и он осуществил свою месть системе, имея в виду, что нет никакой разницы между "гоблинами"... Угадала?

Они уже стояли на высоком берегу Томи, и простор, им открывшийся, больше всего располагал к птичьему полёту, а не к беседе о мести.

- Увы, Ирина Ильинична, - Линеви́ч мрачно покачал головой. - Схема ваша слишком очевидна, чтобы быть правильной. Слишком горячая. Слишком мальчишеская. А ведь у нашего героя, не забываете, уже взрослые дети.

- Я только рада, что ошиблась, - Очкова говорила с полной искренностью. - Но ведь знаете же вы правду, если решились рассказывать от первого лица?! Только почему вам жалко с ней расстаться - вот чего не понимаю.

- А мне не жалко, - был ответ. - И скоро вы, надеюсь, поймёте вполне, почему рассказываю от первого лица... Вы правы, пришла очередь рассказывать обо мне. То есть, конечно, о том человеке, которого мы пытаемся прояснить... гм... от первого лица.

Если бы вы, Ирина Ильинична, были мужчиной, мне было бы проще начать. Я сказал бы: "Потеря любимой женщины" - и этих трёх слов было бы достаточно. А вот как ВАМ объяснить моё тогдашнее состояние, знаете ли, трудно себе представляю. Давайте присядем вот здесь на мою куртку, подышим тихим воздухом, посмотрим на речку, на мост... Знаете, вот здесь был когда-то забор. Он загораживал всю красоту. Ну, не всю, но изрядную часть, особенно вечером, когда закат. Зато вон там обрыв нависал почти над самой водой, а на краю его была беседка, любоваться можно было оттуда, хоть и страшновато. Она потом обрушилась... Я жил тут рядом, занимался спортом, бегал по дорожкам, учился метать нож в этот забор. Нож был тяжёлый, одну доску я буквально превратил в щепки. Наверно, из-за этого забор потом убрали вовсе. И тогда мы с моей будущей женой приходили вот на это самое место, сидели на этой самой кочке. Мост тогда ещё был понтонный, его на зиму разбирали, а в апреле, после ледохода, опять наводили... Вот по этой конструкции я прыгал, как обезьяна, чтобы удал Насте показать. Это триангуляционный знак, ему стоять вечно. Правда, тогда он был деревянный, но абсолютно на этом же месте.

Мы любили гулять по городу вдвоём. Делали открытия в родном городе, это крайне интересно. Идём, идём - вдруг неожиданный мостик через Ушайку. Узенький, пешеходный, и прямо на нас мчит пацан на мотоцикле. И никто в них тогда не стрелял... Или овраг за клиникой Сибирцева, а в нём - заправленная кровать... Или фонтан в Михайловской роще, с толстеньким кедром посередине... Каждое такое неожиданное место становилось НАШИМ. Для каждого нашего места было своё время года... У вас ведь тоже есть такие места, я уверен. По-моему, без таких мест даже зверь в лесу не может существовать. И в большинстве своём эти места - парные. То есть - на двоих. Как тот вокзал в кино, где Людмила Гурченко. А когда такое место остаётся одному, начинается невыносимость. И люди, люди, люди... Они мешают, они не те... В общем, потеря есть потеря. Не знаю, удалось ли объяснить моё тогдашнее состояние, но слова на это кончились. Перехожу к делу.

Умирать ещё не хотелось, а жить в тесноте НАШИХ мест я не мог. Надо было как следует выпасть из социума. Понимаете меня? Уехать туда, где нет людей и МЕСТ. Я знал одно такое убежище. Некая партия в лесу, на севере области. Добираться туда надо было 600 километров самолётом, потом сто километров вертолётom, а потом ещё пять - на вездеходе. И служить в вагончике, при боевом карабине, целый месяц. Вахтовый метод, слышали? Ну вот... С вахты домой можно было не возвращаться. Месяц отдыха я проводил там же, в вахтовом посёлке. Даже не в самом посёлке, а в лесу между посёлком и моим объектом, в балке. Знаете, как выглядит балок? Грубо говоря - избушка на саях. Жилище первопроходцев и бедолаг. Прибывает с трактором в дикое место, даёт начало цивилизации, кочует дальше, потом застревает где-нибудь на глухой окраине или в лесу и переходит от хозяина к хозяину, пока не сожгут по случайности... Всё это - в грубом приближении. Подробности там интересные и многочисленные: совы, зверьё, грибы, морозы, летающие кровососущие, утонувшие в болоте вездеходы, лесные пожары, полное отсутствие воровства и милиции... Ну, что ещё, для антуража? Если там идёшь по дороге, а тебя обгоняет машина, шофёр сам остановится и распахнёт дверцу: залезай. Да что машины - меня однажды вечером на болоте вертолётчики подобрали. Просто летели в ту же сторону...

Так я прожил почти три года. Совсем оттаял душой, забыл, как выглядит человек в форме, потому что телевизора там не было, только радио. Домой не заглядывал и не собирался, благо в квартире воровать, кроме книг, нечего. Но хорошее кончается всегда быстрее плохого. Завершилась работа нашей партии, а другого дела нам не нашлось. Расформировали. Ребята оставили технику, приборы да и улетели домой, а мне пришлось ехать в тамошний вахтовый городок - сдавать карабин и патроны. К тому времени там построили дорогу, только вот ездить стало почти некому.

Бетонная трасса, двести километров последнего уединения, я сам за рулём. Заряженный карабин - в специальном гнезде, в зажимах: машина с армейским прошлым. Сотня патронов - мешочек в "бардачке". Всё по-домашнему, как было в партии. Бетон в три плиты среди жёлтых берёз, тетёры перелетают дорогу, рябчики, зайца кто-то ночью задавил, косяк гусей навстречу торопится, а за гуся-

ми, над лесом - встаёт снеговая желтая туча. Осень жизни, как сказал поэт. Еду и думаю: "В детстве дни так долго тянулись, а вот осенью они такие короткие..."

Хорошо помню, я проехал ровно сто километров. Ровно половину пути. Ещё, помню, подумал: "Ровно через столько же сдам машину, сдам оружие, запишусь на завтрашний самолёт, перекантуюсь последнюю ночь в общежитии - и домой, в постылую цивилизацию". Планов никаких, одна досада. Бесшабашная такая злость человека, выброшенного на ходу из поезда в мелкую воду. Ещё не стар, но уже и не молод - не то искать работу по прежней специальности, не то пытаться получить новую, но какую? Да и зачем? Словом, этакая опасная бесшабашность, веселье полностью ограбленного: плакать нечем, один смех. В таком состоянии легко попасть в любую неприятность - от дорожно-транспортного происшествия до неспровоцированного убийства...

Белая "Волга" впереди, две фигуры в одинаковой одежде, милицейским жезлом маячат, чтобы остановился.

Вылез, предъявил им документы. Я ещё перед отъездом знал об этой белой "Волге": дескать, ездят по всем нашим дорогам, ловят браконьеров. Я не опасался этой проверки: номер карабина вписан в моё удостоверение, цель поездки отражена в путевом листе, есть даже предписание на сдачу оружия...

- Что везёте?
- Только карабин и патроны.
- Разрешите посмотреть.

Вытряхиваю из магазина патроны, кладу затвор в карман, подаю рыжему карабин. Чернявый протягивает руку:

- Разрешите затвор.
- Извиняюсь, не положено.
- Да ничего, покажите. Сверим номер.

Я уже начал их понимать и пожалел, что отказался от сопровождающего - не захотел отвлекать от работы. А теперь - один, а эти оба с автоматами. Я повторил:

- Не положено, ребята. - И попробовал весёлую ноту: - Если вы мне не доверяете, тогда и я - вам. Давайте так: у вас карабин, у меня - затвор, а потом наоборот...
- Короче, мужик, - рыжий перебил, - сколько у тебя патронов?
- Сто четыре, все записаны.
- Лишние есть?
- Нет.
- А если найдём?

Знакомые слова! Мне было, кажется, лет двадцать, я был уже неплохим боксёром и не боялся ходить поздно. Однажды трое встречных спросили закурить, я на ходу буркнул: "Не курю" и услышал в спину: "А если найду?" Резко повернулся, охватила вот такая же бесшабашная весёлость: "Ну, иди, поищи!" Я стоял под фонарём, они вгляделись в мою рукопашную улыбку, в характерную боксёрскую постановку ног и - пошли своей дорогой.

Этим двоим я ничего демонстрировать не собирался. Что можно продемонстрировать молодцам в официальной форме и с автоматами? Я сказал равнодушно, даже приветливо:

- Ищите, только сначала и вы должны предъявить документы.
- Много чести, - сказал чернявый.
- Хватит номера нашей машины, - сказал рыжий. И чернявому: - Патронов, конечно, не найдём. Он не охотник. - И снова мне: - Слушай, мужик, патроны у нас есть. Нужен карабин. До вечера.

И стал объяснять, что вон в той стороне у них "привязан лось", осталось только выстрелить. Я спросил: "А из автомата?" Чернявый ответил: "Да ты что?"

С каждым словом мне становилось всё тошнее. Меня снова, как однажды в детстве, называли дураком.

Было мне, кажется, двенадцать. Мы жили тогда у небольшой запруженной речки. Я стоял на берегу запруды и смотрел на другую сторону - там чего-то ждал взрослый парень. Около меня появился мальчишка моего роста, и парень ему крикнул: "Бери лодку, плыви сюда!" Тот спросил: "А кто же лодку вернёт назад?" И в ответ с того берега раздалось: "А ты возьми с собой вон того дурака!" Мальчишка пригласил меня в лодку. Это, конечно, было бы очень недурным приключением - самому на вёслах. Но я отказался и ушёл.

Тут было не уйти.

Кстати, Ирина Ильинична, вы не замечали: обиды определённого характера - назовём их незаслуженными - обладают некой канцерогенностью? Они незабываемо накапливаются в душе и потихоньку превращаются в болезненную язву, а то и в детонатор - в зависимости от темперамента обижаемого.

О себе я всегда думал, что я абсолютно лишён агрессивности, и связывал это - может быть, вы удивитесь - с умением хорошо драться. Я служил в горячее время, в горячих войсках, домой вернулся не только боксёром. Но кто горячее трогал, тот ожогов не любит... К тому же ещё в школе я увлёкся стихами Маяковского и на всю жизнь - тоже можете улыбнуться - взял за правило его высказывание,

которое на сегодняшний день, скорее всего, никто, кроме меня, не помнит: "Знай и французский, и английский бокс, но не для того, чтобы скакуны сворачивать вбок, а чтобы, не боясь ни штыков, ни пуль, одному обезоружить целый патруль."

Ну, в общем, по вашим глазам вижу, что вы готовы повторить свою догадку: "Герой вспомнил лихое военное прошлое..." И вот теперь вы угадали. Только с маленькой всё же поправкой: вынудили вспомнить. У героя попытались силой изъять карабин, а уже начинался снег с дождём, который принесли с собой гуси, и усиливался ветер, и погоде было совершенно безразлично, чьи следы смывать и чьи тела замечать. Не я бы их, так они бы меня - всё было видно по интонациям их речи, по их глазам, и всё решали секунды - четыре или пять. И решили в мою пользу. Никто пострелять не успел. Дорога была всё такая же пустая, я без помех загрузил тела в белую "Волгу" и увёз по той дороге, куда они собирались за лесом. Не очень далеко от перекрёстка загнал "Волгу" в лес, вернулся к своему грузовику и поехал дальше. Улететь удалось в тот же день, вечерним попутным грузовиком АН-26. Вы у него внутри не бывали? Лавки по бортам, вход с хвоста, транспортёрная лента вместо пола, тельфер под потолком и всего по четыре окошка с каждой стороны. Сидишь в нём, согнувшись по форме фюзеляжа, целых два часа. Зато ноги можно вытянуть и положить на собственный рюкзак - всё же элемент комфорта. Но это уже не к делу.

Линевич замолчал, и Очкова почувствовала, что теперь говорить надо ей. Отмолчав полновесную, просторную паузу, она повернулась к Линевичу. Тот безучастно развлекался: набрав горсть совсем мелких голышей, отбросил один метра на три и остальными довольно метко в него попадал.

- Стало быть, - начала Очкова, - я только что получила от вас либо психологический анализ поведения убийцы, за которого мы вас так поспешно приняли, либо уж, простите, устное заявление о явке с повинной.

Линевич молчал, щёлкали голышики.

- Что, я опять не угадала, Игорь Антонович? Дано третье?

- Увы, Ирина Ильинична, - Линевич метко метнул последний камушек, жестом чистоплотного кота отряхнул руки от невидимой пыли и повернулся к ней. - Тут дано и третье, и четвертое... Ну-ка, догадайтесь.

Очкова смотрела ему в глаза с крайней любознательностью, даже с пристрастием.

- Вот как, даже четвертое?! Ого-го-о-о... Сразу так не скажешь... Знаете, Игорь Антонович, раз уж мы тратим время, - оглянувшись на обступившие площадку деревья и кусты, - и раз уж нам тут никто не мешает, давайте я сразу сдаваться не буду, подумаю как следует. А пока буду угадывать, попробую ответить на ваши другие вопросы. Вы их прямо не задавали, но они возникли сами, по ходу вашего рассказа. Ответить считаю своим профессиональным долгом, потому что... Они ведь касаются всех нас, кто в милиции.

- Об одном говорить, о другом думать? - Линевич покачал головой. - Ничего себе собеседничку мне выдали! Ну ладно. И в самом деле, моя очередь слушать. Только, если сумеете, не говорите прописей: "если кто-то кое-где у нас порой", о самопожертвовании, о беззаветности, о спасённых душах и телах - я это знаю, видел, даже, было время, и участвовал. Есть в милиции люди с большой буквы, как везде, верю, что вы - из них, но мы-то говорим о гоблинах...

- Кстати, о понятиях, - подхватила Очкова. - Давайте уж наконец определимся, кого называть гоблинами.

- В милиции или вообще?

- Предлагайте, - Очкова вдруг улыбнулась мягко, женственно и, как ему померещилось, даже жалостливо. - Как скажете, так пусть и будет. Вы - психолог, вам и понятия в руки.

- Хорошо, - Линевич опустил глаза, чтобы сосредоточиться. - Что такое гoblin-милиционер, мы оба, наверно, представляем одинаково. Это, скажем, такой грубый, ленивый, непорядочный и необразованный человек, склонный к правонарушениям, но достаточно в прошлом везучий и осторожный - не попадался. Он, по необразованности своей, никогда не сталкивался с мудрым индийским изречением: "Нет темнее места, чем под фонарём". Да ему и не надо - у него такая мудрость в крови. Он носом чует, что при его склонностях, плюс везение, плюс осторожность - работа в милиции гарантирует практически полную безнаказанность. В учебном центре, который сейчас по-американски именуют "полицейской акаМЕДией", он усваивает юридический минимум и, защищённый форменной одеждой, выходит на тропу мелкого разбоя. Дальше - как в природе - естественный отбор. Кто из гоблинов удачливее и ловчее, тот меняет шкуру рядового на кожу офицера, толстеет понемногу, и продолжки его становятся всё тяжелее... Но вот я, кажется, и до обобщения дошёл.

- Goblin в широком смысле слова? - в голосе Очковой появилась грусть.

- Ну да, - Линевич не заметил ни жалости, ни грусти или не обратил на них внимания, он говорил всё более жизнерадостно, будто ступил на порог открытия. - Может быть, мы присутствуем при очередной перелицовке очередного слова. Рождается термин. Слово меняет шкуру на кожу... Или наоборот? Да какая нам разница? Живой язык - живой народ. Вот что главное. Мы с вами - живые. Мы - идём и ищем.

- Что же мы ищем? - В голосе и облике Очковой радости не прибавилось.

- Да разве это важно? Кто ищет, тот идёт. А кто движется, тот жив. Вот я о чём. Гоблины - переходящие. И обратно под землю уходящие. Их то больше, то меньше. Но это имеет значение, пока жив народ...

- Простите, а как это народ мог бы существовать, не будучи жив? Как-то слишком уж научно...

- Конечно! Обязательно научно! Как же без науки?! И "слишком научно" быть не может. Заумно - да... Но ведь всё можно довести до ума... Ну, давайте о народе. Народ жив, пока у всех одна культура, которая совершенствуется. Деграция культуры - это деграция народа. Мужчина и женщина только тогда семья, когда что-то у них общее. Да и не что-то, а можно вполне определённо перечислить. Общее жилище, множество общих дел, общих интересов, общие дети, один язык - общий в широком смысле - вы понимаете? Это не слишком научно? А порознь - просто особи. Скопление людей... Рост числа гоблинов - признак деграции народа. Неужели это слишком научно? "Существовать" и "жить" - разве не разные слова? И смысл у них разный... Жизнь как способ существования белковых - это всего лишь биология. Но мы-то с вами - социологи! Жизнь растительная, жизнь животная, жизнь человеческая, общество, социум - да боже мой!..

- Хорошо, - прервала Очкова, - я понимаю. Я продолжу. Законы общества не могут быть похожи на природные. Отъём от индивида его биологической, животной жизни карается обществом, даже если указанный индивид был совершенная скотина. Общество не хочет дегрировать и поэтому не позволяет никому нарушать свои законы. Я не слишком научно выражаюсь?

Жалости и грусти в её голосе как не бывало. Что-то оставалось только в глазах.

- Достаточно! - Линевиц тоже заговорил жёстко. - Насчёт народа договорились. Теперь насчёт общества... О законах... Не народ их создаёт. Даже не общество.

- Народ и общество - не одно и то же?

- Разные слова - разные и понятия. Под обществом я буду понимать режим, власть. С народом это не всегда одно и то же, правда? Но и власть - это некоторое единство некоторых людей, из которых некоторые - пишут законы. Так, как они это разумеют. Они все умные, конечно, но и глупость, говорят, это тоже разновидность ума. И нет, как известно, такого закона, который удовлетворял бы всех.

- Проповедуете беззаконие?

- Исповедую, Ирина Ильинична, исповедую, а не проповедую. И не беззаконие, а... Впрочем, вас не зову. Просто делюсь в ходе беседы. Вам по чину положено служить законам, а нам, грешным - искать и предлагать пути к их совершенствованию.

- И самый совершенный, по-вашему, свод законов - полное их отсутствие?

- Их гибкость.

- "Закон - что дышло..."?

- Ах, да нет же! После вашей речи о пользе законов я уже не сомневаюсь, что вы давно меня понимаете. Только принять не можете. Ну, ладно, зайдём с другой стороны. Вам не кажется, Ирина Ильинична, что есть какая-то связь между движениями в обществе и природой?

- Вроде вспышек на Солнце?

- Вроде. Я где-то вычитал, что на Земле существуют примерно 35-летние циклы климатических колебаний. Они легко различимы по суровости зим. В середине шестидесятых годов январские морозы стоят за сорок и подолгу. В конце семидесятых на Новый год по всей Сибири - дожди с грозами. К концу девяностых опять начинают поджимать холода... И в какой-то подобной цикличности, как волна океанская, поднимается и опускается преступность. И в передаче отдельных черт характера между родственниками тоже есть некая цикличность: дети нравом часто удаются не в родителей, а в дедушек и бабушек. О всяких таких связях между природными и общественными законами есть даже исследования, но - спорные.

- А к чему вы это, Игорь Антонович?

- Как к чему? К вопросу о гибкости законов. Почему они в природе - гибкие, нет там ничего абсолютного, а люди всё к абсолюту стремятся? Откуда берутся эти странные, но неискоренимые "рамки дозволенного"? Эти нормы жилплощади! Эти прожиточные минимумы и партийные максимумы! А особенно - сроки наказания (или исправления?!) преступников?! От двух до пяти. От пяти до восьми. Пятнадцать. Двадцать пять. С конфискацией. Без конфискации. С амнистией. С помилованием. С поражением в правах. Звяк - и ты никто. А после второго звяка - ты опять всё... Вы готовы перебить: "Ах, Линевиц! Головы крепче твоей ломались на этом". Да, да, и да. Но не может человек без разговора. Ему необходим собеседник - оппонент или соумышленник. Вдруг истина возьмёт да и приоткроется... Простите мне, Ирина Ильинична, эту выходку. Не следовало отрывать вас от работы. Но мне почему-то показалось там, в пышной, что если я не предложу вам беседу, вы сами предложите. Ошибаюсь?

Он смотрел в упор, и она не отвела взгляда.

- Нет, Игорь Антонович, не ошибаетесь. Целью нашей встречи - с обеих сторон - был именно этот разговор. Только задача - у каждого своя. У вас - необходимость высказаться, отразиться в понимающем собеседнике. Я правильно говорю?

- Правильно. А у вас?

- У меня... - Очкова помолчала и вдруг сменила тему. - Вы помните, Игорь Антонович, такое выражение - "эра милосердия"?

- Конечно. Знаменитое выражение. Эта эра грядёт и всё такое...

- Вот именно, грядёт. Жаль только, что путь туда лежит через эпоху самого необузданного террора. Не находите?

- Нахожу. И что же?

- Да вот хотела бы я как-то связать это с вашими природными циклами. Чтобы понять, каковы должны быть правильные усилия, чтобы эпоха террора гасла поскорее. Ведь пассивно ждать - это, наверно, долгойкой, а жить-то нам - только сейчас... Не теоретизировать о циклах, а жить, Игорь Антонович! Ведь обидно, что живут сегодня не простые трудяги, не кормильцы... Пройдите по улицам любого города: окна почти всех квартир - в решётках. Это преступники поменялись местами с законодателями. Каким должен быть наш ответ? Встречный террор? И это - только на уровне обыденном: так незащищенный человек погружается в океан в клетке от акул. Но давайте порассуждаем эпохально, как пропавшая жена вашего героя. Во всём мире - эпоха террора! Кино - особенно у благополучных американцев - сплошной террор. В рекламе преобладает агрессивный стиль. Даже литература - это жуть какая-то. Но в жизни - ещё страшнее. Кажется, нет такой страны, где не торговали бы заложниками. Контрабандная торговля оружием - вне закона, как торговля наркотиками, зато государственный экспорт оружия возведён в ранг национального престижа. Разве это не безумие? И вот - всему вершина - государственный терроризм. Зоны чьих-то жизненных интересов на другом берегу океана, на другой стороне планеты обслуживаются войсками быстрого реагирования, космической разведкой, дипломатией - и всё в конечном виде - на уровне вульгарного убивания невинных трудяг: не осколками, не отравками, так голодом... В какой цикл ЭТО укладывается, Игорь Антонович? В тысячелетние юги из этого новомодного учения, как его...

- Теософия, что ли? - подсказал Линеви́ч.

- Да! Да! Умирает четвёртая раса в самоубийственных конвульсиях, как та мифическая змея, что пожирает сама себя...

- У-у-у, Ирина Ильинична... Ничего себе... Так простые менты не разговаривают. - Линеви́ч улыбнулся строго, почти сухо. - Придётся мне повторить вопрос. Какова для вас цель нашей беседы?

Она быстро вскинула и сразу опустила глаза.

- А вы ещё не догадались?

- Хотел бы услышать от вас.

- Цель...

Очкова с этим словом сделала движение, чтобы подняться, Линеви́ч протянул руку, пытаясь помешать, но она успела убрать плечо и всё-таки оказалась на ногах, лицом к нему, правая рука оттопыривает карман куртки чем-то твёрдым.

- Сидите, Игорь Антонович! Я не буду стрелять, если не будете делать резких движений. Поверьте, мой уровень подготовки близок вашему, я успеваю...

- Вижу, Ирина Ильинична, - Линеви́ч сложил руки на коленях и расслабился. - Сажу. Слушаю вас очень внимательно. Будете высказываться или у вас ещё есть вопросы?

- Пока не решила, Игорь Антонович, - Очкова сделала для страховки шаг назад, но расслабляться себе не позволила. - Была задача как следует разобраться в этой новой философии - мы называем вас "народными мстителями".

- Да кого ж тут изучать? - Линеви́ч засмеялся. - Читайте о Робине Гуде, о нашем Дубровском... Вы из Москвы, что ли?

- Обижаете, Игорь Антонович. В Томске свой научный потенциал - мирового уровня, ей-богу. Особенно медицина...

- Так вы... Меня, что же, в психи записали? Сейчас, - он заглядывался, - волшебники в белых халатах?..

- Нет-нет, коллега, - она произнесла последнее слово с ударением, - никакой психушки. Речь идёт о социальном явлении. Откуда вы берётесь - вот главное. Что вами движет - это второе. Организованность ваша - это третье. Цели ваши - это четвёртое.

- И что же вы имеете, коллега? - Линеви́ч тоже, но иронически, выделил последнее слово.

- Увы, Игорь Антонович, - Очкова не улыбнулась и не изменила нейтрального тона, - обязана молчать. Служебная и даже государственная тайна. Я и так с вами разболталась - впервые встретила социолога в такой роли... Впрочем, нет, другие тоже были социологи, только стихийные. Философия-то у вас одна.

- Какая? То есть, я имею в виду - как вы её называете? Небось, какая-нибудь "антигоблинская"?

- С вами легко. Угадали.

- Значит, пора делать выводы, - Линеви́ч сел поудобнее, склонил голову набок. - Я не один, это первое. Мои товарищи по несчастью доставляют режиму уже столько хлопот, что создана специальная служба для изучения явления. Это второе. Вы при оружии, и из этого естественно вытекает третье: производится отстрел. Это занятно, это так по-русски: обаятельная и образованная дама в роли однофункционального палача Фарша. И знаете, я готов. Признаю, что всякое антисоциальное явление

ние надлежит истреблять. И приветствую. И не оправдываюсь. И благодарен, что не перебиваете, даёте последнее слово. Потому что цель у нас с вами одна - стабильное общество. Жаль, методы наши антистабильны. Это от нетерпеливости. Отсюда четвёртый вывод: вам меня убивать нельзя!

Он качнулся вправо, она выдернула из кармана руку с небольшим пистолетом. Он метнулся влево, сделал странный, невозможный кувырок навстречу смерти и ещё через секунду держал пистолет в руке, а женщину - в объятиях. Их губы почти соприкасались.

- Попробуете вырваться?

Она мотнула головой.

Он мельком взглянул на пистолет.

- О, "Коровин"! Редкая вещица.

- Только для дам-с, - голос дамы стал сиплым.

Он легонько поцеловал шипящие губы.

- Признайтесь, было жалковато меня убивать?

- Пустите, - Очкова, улыбаясь, трепыхнулась. - Давайте сядем.

- Стоило вставать... Ну, давайте, только вот так.

Он перехватил пистолет в правую руку, приподнял женщину, шагнул к своей расстеленной куртке и сел, не разжимая объятий, так, чтобы прикрыться ею от кустов и деревьев.

- Там никого нет, - сказала Очкова. - Мне доверяют.

- А-а, не первый раз? Гарантия качества? А как отчитываетесь? Ушами? Носами? Или чем другим?

- За вас я надеюсь другим отчитаться, - она всё так же улыбалась, но прижатых к телу рук больше не вырывала.

- Ну, всё же вы себя немного переоценили. - Он снова поцеловал, теперь возле уха, и она не сопротивлялась, потому что едва находила силы дышать в железном захвате.

- Я вас недооценила, - пролепетала она.

- И это есть, - согласился он. - И когда отпущу, ничего не пытайтесь, потому что у нас шутки похуже чертячих.

- Я верю, Игорь Антонович... Ох, ослабьте же немного... Спасибо... Я знаю. Я изучала ваше досье. Это дьявольщина какая-то.

- И это было. Все "горячие точки" и - ни царапины. Рекорд Гиннеса. Подайте потом заявку. По-смертно.

- Хорошо.

- Итак, вопросы у следствия возникли?

Она мотнула головой. Но тут же встрепенулась.

- Есть один вопрос. Почему вы меня целуете?

- В старину у некоторых палачей был обычай - целовать в уста только что отрубленную голову. Может быть, для облегчения посмертной муки... А у нас наоборот, сама голова, да?.. Ну если без шуток, то вы мне нравитесь, только и всего. Ещё в пыточной хотелось, да цепи мешали. Я для этого вас сюда и заманил. Ведь и я вам нравлюсь?

- Как может не нравиться такой супермен... Ну что же, мы так и будем сидеть?

- Увы, Ирина Ильинична, голубчик. До темноты. - Линевиц подождал нового вопроса, не дождался, но прочёл его в улыбающихся скошенных глазах и объяснил: - Вы сами себя выдали. Вы сказали о моём досье. Значит, и взяли меня с большого ожидания, и обложены мы с вами сейчас с трёх сторон, и следят за нами в трубочку не одним глазом. Боюсь, сейчас и за реку мчится машина. Из драгуновской винтовки с того берега меня вполне можно уложить. В общем, до вечера не досидим, конечно. Но поцеловать перед расстрелом красивую женщину - подарок не рядовой, признайте... О, вам меня жалко! Спасибо... У вас вообще очень выразительные глаза... В вашей работе это иногда может мешать. Мне даже как-то не верится, что вы кого-то там ещё уже убивали из вот этого пистолетика. Я, например, читал все ваши мысли по глазам с самого начала, со вчерашнего дня.

Они сидели на вытоптанной траве, на самом краю крутого склона, почти обрыва. С реки начал усиливаться ветер, и с ближайших берёз полетели жёлтые листья. Сорока молча сделала над ними круг, но удивления не выразила - на этой площадке такие объятия редкостью не были, а пистолетов она, по молодости, ещё не видывала. Для самих же обнимающихся не было в эти минуты никого более близкого во всём сошедшем с ума человечестве.

- Почему вы пришли на остановку? - спросила женщина.

- Ради этой вот минуты. Остановись, мгновенье...

- А серьёзно?

- Продолжаете работать... Тут молиться впору... Ну, ладно. Который раз имеете в виду?

- Второй, конечно. Это же равносильно самоубийству.

- А кто докажет, что это был второй раз? Сержант Курыхин не стал ведь меня узнавать.

- Кстати, как думаете, почему?

- Не думаю, а знаю совершенно точно. Он бывший десантник и порядочный человек. По первой причине - уважение, по второй - понимание. Вам стоит его побережь. Но и следить за ним надо, чтобы моим путём не пошёл.

- И вы ведь прекрасно понимаете, что ваш путь - пагубный. Гибельный.

- Смотря для кого.

- Ну, тогда объясните.

- Ладно. Если успею. Вот слушайте. Вся история, которую я вам сегодня тут рассказывал - это моя собственная жизнь. Хотя ни один из эпизодов ко мне отношения не имеет.

- Как же это понять?

- А как хотите, так и понимайте. Вы моё досье, говорите, читали? Так и оно - не моё. Но есть в этой путанице истина, от которой никому, даже, милая, вам меня не избавить, а мне самому, в одиночку, не избавиться тем более. Я действительно потерял всех, кто был мне дорог, ради кого стоило жить. И именно вот таким несправедливым путём. Так что нет меня давно среди живых. Я иду спиной вперёд. И ждёт меня пропасть покрупнее вот этого обрыва. И без дна. Нет у меня больше ни пространства, ни времени. Растворился. А этот хвостик моей жизни, которым вас всех задело, как ни отворачивайтесь, будет вам уроком. Каждая-любая жизнь - это урок остальным: как надо, как не надо. Моя - в особенности. Кого-то с собой возьму, кто-то задумается, сменит походку... Вот посмотрите на эту сороку. Она летает тут случайно? Для нас - да. Для неё - по делам. А для вечности и бесконечности именно этот её полёт - строго обязателен. Хотя, если бы сейчас рванул шквал, снесло бы её за реку - и тот полёт был бы не менее обязателен, чем этот. Понятно, да? И то, что я вас сейчас целую, обязательно отразится на судьбах мира. Не верите?

- Фаталист, - Очкова закрыла глаза. - Скоро нас пробьют одной пулей из-за реки. Вот в это можно поверить.

- Бойтесь? - Линеви́ч округлил глаза.

- Уже нет, - она не отвела взгляда и больше не напрягала губ. - Но пожить ещё хочется.

- Ну и зачем?

- Чтобы увидеть окна - все без решёток.

- Ух ты-ы-ы...

Он разжал объятия, встал с пистолетом в правой руке и подал женщине левую.

- Или, может быть, останетесь на травке? Пока будет стрельба...

Она взяла его руку и легко поднялась.

- Нет уж, Игорь Антонович. Я тут с вами целуюсь, а как под пули, так, значит, врозь?

- Мужество женщины, - Линеви́ч усмехнулся.

- Так называется рассказ Джека Лондона, благодарю вас. Только зря вы плохо думаете о моих коллегах.

- Напротив, хорошо думаю. На их месте я бы с вас глаз не спускал. Ишь, с мишенью целоваться!..

- Я-то думала, вы воскликнете: "Вот они, русские женщины!" - Очкова, вставая, нарочно оказалась между Линеви́чем и опасными кустами.

- Всё вижу и ценю, - сказал он тихо. - Но это восклицание уже отдано другой даме. Вы её, может быть, знали. Мне как-то рассказывали, что есть такая в одной сибирской тюрьме - приводит в исполнение смертные приговоры... Нет нигде ничего нового, Ирина Ильинична. Можно вопрос?

Очкова кивнула.

- Зачем ЭТО вам? В личном смысле. Мужененависть? Или такое уж горячее человеколюбие? Или заурядный садизм? Только честно. Приговорённому можно сказать. Ведь замечено: стоит раз ударить - потом ещё хочется. А есть врождённое. Так у вас - как?

В его голосе не было ни укора, ни издёвки - одно любопытство. Она ответила так же ровно, будто на семинаре:

- Чисто научный интерес, Игорь Антонович. Я ведь уже говорила. При постороннем исполнителе истина не вскрыется - проверено и доказано. Только с глазу на глаз.

- То есть, выстрел - просто элемент процесса познания?

- Вижу, вижу, вы и не понимаете, и не принимаете. Попробуйте всё же хотя бы понять до конца. Чтобы разобраться в явлении, подобном вашему, в явлении крайности, когда интеллигент берётся за оружие, и не в запале берётся, а с полным осознанием, нужна работа глубокая, доскональная, кропотливая, профессионально поставленная.

- Задать пару тривиальных вопросов, убедиться в очевидном и всадить в человека пулю - это, по-вашему, высокая наука?

- Я не сказала, что высокая. И не считаю её высокой. Только прикладной. Но - необходимой. Явление освоено, описывается в специальной литературе и будет служить пособием всем последующим поколениям - и социологам, и следователям, и политикам...

- Обслуживаете режим, короче...

- Ах, Игорь Антонович, не обманывайте себя: все мы обслуживаем режим. Я - этот, вы - другой, которого ещё нет, но который вам желателен. И без нашей работы не свергаются и не укрепляются режимы, как без любой другой, в зависимости от нюансов... Да что я вас убеждаю! Про сороку-то сей-

час не я, а вы говорили. А чем мы отличаемся от этой сороки, в масштабе космическом? Да только размерами. Глобальная работа одна - что у нас, что у неё. Мы все обслуживаем вечность и бесконечность. И что бы мы ни сделали - на ЭТОМ фоне, в ЭТОМ вселенском процессе - всё укладывается в глобальную программу.

- Одна неувязка, - Линеви́ч усмехнулся, - субъективная. Кто-то досрочно умирает насильственной смертью, а кто-то за его счёт живёт дольше.

- Да никто не умирает, Игорь Антонович, вам ли не знать! Закон сохранения массы, энергии, жизни!.. Живое умирает, разлагается, остывает - энтропия, утрата. Но тут же, рядом - мёртвое насыщается энергией живого и само оживает. Вечность и бесконечность - это не вокруг нас, не снаружи, это - мы сами, вечные и бесконечные. Не верю, что вы - вы, учёный! - этого не знали. Напоминаю, а самой неудобно, ей-богу.

- Ну, тогда, - Линеви́ч поднял ствол, - вам не страшно будет...

- Конечно, нет! Только не взведено же... Взведите.

Он взглянул на спокойно управляющую расстрелом жертву с лёгким уважительным удивлением и, оттягивая затвор, выставил вперёд руку с пистолетом.

Очкова тут же ударила ногой.

Он ожидал удара и успел убрать оружие. Но и она была готова к промаху и, бросившись по инерции вперёд, попыталась достать пистолет руками.

- Вот мы и снова обнимаемся, - Линеви́ч поцеловал незащищённые губы. - Может быть, сейчас вы помешали кому-то выстрелить в меня. Впрочем, вы не об этом думали. И не о том, чтобы выжить. Вам целоваться нравится.

И поцеловал всерьёз, долго и сильно.

Она в его захвате сделалась совсем маленькой и мягкой, задышала часто.

- Вот это подарок перед смертью, - Линеви́ч, не ослабляя объятий, вглядывался в близкие глаза женщины. - Жаль, не совсем та обстановка. А может, и к лучшему. Всё равно - уже не жалко умирать. Не каждому так везёт.

- Всё же хочется жить? - спросила она шёпотом.

- А как вы думаете? И мне, и вам... Даже любой самоубийца хочет жить. Безусловный рефлекс.

- Отпустите, - Очкова напряглась.

- Хотите доказать, что вам жизнь не нужна?

- Как раз наоборот. Вы меня почти задушили.

- Извольте, - он со смехом разжал руки. Она шагнула назад и села на его расстеленную куртку. Линеви́ч продолжал стоять.

- Ну же, огонь! - скомандовал, раскинув руки и озираясь. Но никто в него не стрелял - ни из курств, ни из-за реки. - Ирина Ильинична, не поправить ли вам ещё разок причёску?

- Давно пора, - она извлекла из кармана расчёску и стала прихорашиваться. - Ладно, что ниоткуда не видно: вы меня всю растрепали.

- По вашей же вине, - Линеви́ч сунул пистолет за пояс и уселся рядом. - Не надо было так резко двигаться.

Наступило долгое молчание.

Как по заказу, никто не забредал в этот угол Лагерного сада, а если и добредал, то, может быть, не решался беспокоить сидящую на краю обрыва парочку. Давно замечено: есть в простой планировке Лагерного сада какое-то неудобство для тех, кто именуется шпаной. Только человек воспитанный и, стало быть, деликатный чувствует себя там комфортно. Да ещё очень маленькие дети и всякая мелкая живность. Одно слово - Природа.

Первым заговорил Линеви́ч.

- Ирина Ильинична, всё же недоотвеченным остался мой вопрос. Уже не о результатах вашего исследования: я признан частью явления - и на том спасибо. Но не до конца ясна цель исследования. Как-то обидно умирать в роли той лягушки, которую в школах когда-то разрезали, чтобы несведущим детям показать безусловный рефлекс. Не верю, что нынешняя социология начинает вносить человеческое достоинство в разряд безусловных рефлексов. Оно и неплохо, но отстреливать-то зачем? Золотой же фонд! Чем мы вам не угодили? Выходит, квакать можно, а скакать - ни-ни?

- Дорого ваши скачки обходятся, - был ответ.

- Ну-у? Разве? За скачок - пятачок...

- Если свою жизнь ни во что не ставить, то за чужую и пятачок - много, вы правы, Игорь Антонович. Но у Бога расценки другие... Очень хотите узнать, зачем я с вами связалась? Чувствуете, что неспроста?.. Ладно, слушайте. И давайте сюда пистолет. Вы же видели, что он не заряжен.

Линеви́ч откинулся назад, она выдернула оружие у него из-за пояса и не глядя сунула во внутренний карман куртки.

- Ладно, Игорь Антонович, ладно. Конец недомолвкам, ужимкам и прыжкам. Вы, наверно, недурной любовник, хорошо целуете, но меня вы интересовали в совсем ином аспекте.

- Интересовал? Значит, теперь не интересую ни в каком?

- Не бойтесь, стрельбы из кустов не будет, - она говорила будто бы и тем же тоном, но с некими интонациями глубокой, выстраданной власти, которой безразлично, признают её или отрицают - она существует как природное явление, и никому её не избежать. - Из всех, с кем до сих пор имела дело, вы - самый подготовленный. Я попробую поговорить с вами... Тут всё зависит от умения видеть... Вот рассуждали о гоблинах - в широком смысле. Рассуждали о подопытных лягушках - прыгать или квакать. А теперь порассуждаем о человеческом достоинстве, созрело. Не на уровне рефлексов, когда тебя обижают, а тебе обидно. Давайте порассуждаем о встречных действиях. И не на уровне бытовом - зуб за зуб, а поглубже, на причинно-следственном. Живёт некий гражданин Линч, накапливает разные обиды от милиции и наконец начинает ей мстить. Такова ваша схема. Одинаково гражданин Линч мог бы объявить войну трамвайным кондукторам, водителям такси, работникам телефонной станции, соседям, пьяницам, продавцам на рынке... Кому угодно, при малейших признаках системы. И ещё называть себя при этом социологом. Вы, коллега, не социолог. У вас другая специальность, мы знаем. Может быть, потому и действия ваши - не социологичны. Да и просто нелогичны. Вы мелко пашете, Игорь Антонович. Ничего не вырастет. Хоть и семена у вас приличные: порядочность, обязательность и тому подобные овощи.

- И что же я, по-вашему, должен "суметь увидеть"?

- Да не суметь, я оговорила. Вы наверняка умеете и видите. Нужна храбрость. Нужна решимость. Увидеть, поставить себе задачу и начать действовать. И храбрость, и решимость у вас есть - вы об этом хотите спорить? Согласна, есть. Тогда сразу о главном. Чтобы поставить задачу и начать действовать, нужна организация единомышленников. Сейчас вам предоставляется шанс войти в такую организацию.

Она замолчала, ожидая вопросов. Линевиц сидел, низко опустив голову и бессильно свесив тяжёлые кисти рук между колен.

- Вы всё поняли, - оценила Очкова. - Да, тут всё гораздо серьезнее, чем в вашей самостоятельности... Знаете, есть несколько полевых сорняков, которые бесполезно выдёргивать. У них длинный горизонтальный корень с почками, а на месте вырванного побега через день вырастают три новых. Давайте вместе добираться до корня. Тогда и в милицию, и в любую другую власть будут принимать людей не случайных, обучать их будут достойно и спрашивать по всей строгости. И будет власть не помехой своему кормильцу, а поистине подмогой...

- Красиво, - перебил глухо Линевиц. - Я готов заплакать. Говорите скорее, кого надо убрать, что-бы всё стало так хорошо.

- Это уже почти отказ, - Очкова вздохнула. - Мы, конечно, и этого ожидали. Но, судя по вашей биографии, всё же надеялись. Удачливость. Высший уровень боевой подготовки. Обширная практика, а значит - и привычка...

- Привычка убивать, - он говорил так же глухо, себе в колени. - Не спорю, она засосала многих...

- Вас - тоже.

Он помолчал, медленно качая опущенной головой. Потом тихо признал:

- Меня - тоже...

- Но мало пользы, - подхватила Очкова, - такой вот мелкой, бесприцельной местью внушать милицейским новобранцам то ли страх, то ли ожесточение, а их начальству давать повод для ужесточения режима. Кому от этого лучше? Корни, Игорь Антонович, корни надо искать! Из которых растут осот, пырей, хвощ, кипрей... и гоблины, в широком смысле слова...

- Вы - хороший полевод, Ирина Ильинична...

- Плохой! - она перебила горячо и горько. - Были б мы хорошими полеводцами, я бы вас сейчас на прополку не приглашала. Рук всегда не хватает там, где не хватает голов...

- Так что же, - Линевиц поднял к ней лицо, - этот сержант Володя имел приказ... не узнать меня?

- Вы проникательны, это внушает надежду. К вам в переделку он попал случайно, зато урок получил отменный. Во время беседы с нашим человеком всё схватывал на лету. Вы правы: его стоит побережь, им надо заниматься... Это кропотливейшая работа, Игорь Антонович! Представьте: не подготовка военных переворотов, государственных катаклизмов, а изнурительное перелопачивание этой гигантской нивы, аккуратное удаление сорняков и культивация всего, что полезно...

- Кому полезно?

- Да неужели вы тоже так запуганы этой всеобщей гонкой за властью, за деньгами, шмотками?! Нету, Игорь Антонович, нету и нету! Не отдельным лицам, а народу, НАРОДУ полезно! Этносу, культуре, если хотите! Поймите и поверьте: интеллигенция занимается! Это невиданный в человечестве парадокс, но здесь Россия, это не забывайте! Российская интеллигенция в семнадцатом году развязала гражданскую войну, государственный террор, геноцид, а сегодня ей пора исправлять то, что натворила...

- Террором?! - перебил Линевиц.

- А вы? Разве вы - не террорист?

- Ах, я... Не юродствуйте, Ирина Ильинична. Я пришёл сам, и тут же прислали вас, чтобы понять феномен. И вы делаете вид, что не поняли, потому что мои мотивы не совпадают с вашими. Я только хотел подсказать: так нельзя работать. И пришёл убедиться, что меня поняли. А ваша подземная

банда - корни ищет. И простых людей вроде меня тоже норовите... Вам мало мировых катаклизмов. Вам новые благородные цели разум застыт. Нету их, новых! Я уложу пару мелких гоблинов, остальные одумаются. Потому что они - тоже народ. Так происходит везде, вы сами говорите. Значит, везде паразиты почувствуют границы дозволенного. И вся система постепенно устаканится. Но тут долго ждать надо, а у вас терпения не хватает. Вам снова хочется систему ломать. А когда система рухнет, вы распишетесь на её обломках, и вам плевать, сколько судеб сгинет под этими обломками. Мой террор - это естественный отбор, как в животном мире, на уровне негодных отдельных особей. А вы - готовите землетрясения, извержения, ядерные зимы, ледниковые периоды. Вы ничем не лучше тех, кого намерены истреблять моими руками... Но я ничего не умею! Я никого не убивал, боже упаси! Я вас боюсь! Я не слышал вашего предложения, я не встречался с вами. У меня и в самом деле есть нормальная специальность, я пойду себе и буду тихо производить новые ценности - вот занятие для интеллигента. И ничего не сломаю. Я свою вспышку удовлетворил: поболтал тут с красивой дамочкой о страшном, поморочил ей голову - и адью. Пойду к жене...

- Нет у вас никакой жены, - отрезала Очкова тихо и беспощадно. - Журналисткой была ваша жена. Той самой, что попала под колесо истории. И вы, Игорь Антонович, тоже под колесо пожалуйте. Больше вам некуда. Потому что хамство в России перешло все пределы, власть бездействует, а народ безмолвствует. Повторяю: пришло время интеллигенции делать чёрную работу, потому что некому больше. Иначе народ деградирует, растворится, в чернозём превратится. Небожь, знаете: тысяча двести лет отведено всякому этносу от рождения до смерти. Нашего этноса срок истекает, но мы не имеем права отпустить его в никуда, не поборовшись. Китайцы вон пятую тысячу разменяли - и здравствуют. И можете быть уверены - не благодаря вашему мелкому бандитизму, а всеобщими стараниями, глобальными мерами. Там всегда есть люди, **КОРРЕКТИРУЮЩИЕ** режим, чтобы режим не менял правильного курса.

- И это люди вроде вас, как вам кажется? Точно знающие курс?

- Да не кажется, не кажется. Изучали и знаем. Ах, Игорь Антонович! Одно и то же друг другу доказываем, как будто мы на кухне. А надо идти и работать. Для того интеллигенция и существует, чтобы телегу тащить...

- Она существует, чтобы создавать, поддерживать и восстанавливать культуру, первичные ценности, - начал Линеви́ч, но она перебила: - Это лишь одна сторона медали! Откройте глаза! Сил на это уже не осталось! Интеллигенция деградирует сама - и всё быстрее. Она усохла до размеров детонатора и может теперь только одно: взорвать режим изнутри, чтобы народ мог сам взять верный курс...

- Уже взрывали, - Линеви́ч встал. - Спасибо, Ирина Ильинична. Поговорил с вами, будто срок за убийство отсидел. Раскаялся и перековался. Ухожу с чистой совестью. Позвольте мою одежду.

Очкова встала. Пока Линеви́ч отряхивал и надевал куртку, она коротко огляделась и вдруг начала снимать свою. И сделала два шага в сторону.

Приговорённый не обращал уже внимания на собеседницу. Он смотрел вверх и улыбался. Там сорока, завершая очередной круг, застрекотала тревожно, перевернулась от резкого звука и в панике метнулась под обрыв, к самой воде, где на обнажённом скалистом дне Томи рыбачил старик в болотных сапогах. На резкие звуки сверху старик обернулся, но ничего интересного на обрыве не заметил. Он вытащил удочку, проверил наживку и снова забросил её в спокойную воду.

Сорока с криками набирала высоту и улетала вдоль обрыва всё дальше.

Эпилог.

Я стоял одиноко на троллейбусной остановке, привалившись плечом к холодному железному столбу. Было глубоко за полночь и ни души на улице. Ни звука вокруг. Только сверху, из-за низких апрельских облаков доносились тихие и торжественные клики ангелов, умильно прославлявших Создателя.

"Гуси, - подумал я. - Заблудились над опасной населённой землёй, не могут найти место для отдыха. И всё равно хорошо им там - звёзды для них мерцают".

Звёзды там, конечно, все мерцают - такая у них особенность. Не то что у городских фонарей. Но вскоре и мне замигала далёкая синяя звёздочка. Она появилась в самом конце улицы и стала медленно, а потом всё быстрее приближаться.

4. КАИН

Из всех пилотов один Вадим не боялся катать меня на планере. Всё звено вытягивало шеи, когда я садился в переднюю кабину. С парашютом на спине, держа "угол" обеими ногами, мощные руки медленно сгибая на бортах, красиво погружаясь в ласковую дюралевую скорлупу.

Сзади голос Вадима: "Брохиация сиамангов!" И только мы с ним знаем, что это значит - бег по веткам на одних руках. Почему бы мне и не гордиться таким родством с обезьянами...

Зря они боялись со мной летать. Короткая правая нога высоко торчала над педалями, слегка упираясь в пустой изнутри кок, а левой я владел вполне достаточно, чтобы даже рулить, но и она никогда не касалась педалей: табу так табу. За ручку подержаться иногда разрешалось, но и в этом я был неукоснителен: покачать плоскостями, слегка спикировать - вот и всё.

Был только один раз, который всё испортил.

Вадим проверил у меня ремни, пристегнулся сам, мы закрыли фонарь, он сказал: "Ну, учлёт, поехали!" Я поднял левую руку, сопровождающий положил на землю мой костыль и поднял из травы правую плоскость планера, а другой рукой начал делать отмашку белым флажком, чтобы самолёт выбрал слабинку. Трава полегла от винта, буксир натянулся, у меня под негнущейся ногой щёлкнул замок. Я сказал в микрофон: "Взлёт!", стартёр с флажком замер, потом пробежал несколько шагов, поддерживая плоскость, и отстал, а планер взял воздух и начал "вспухать" - отрываться от земли раньше самолёта. Вадим его придерживал - я видел, как ручка управления подалась вперёд. А планер так и рвался вверх. Я тогда особенно остро чувствовал, что сотворится, если дать ему волю: он взовьётся, поднимет самолётный хвост, и ЯК-12 врежется винтом в землю - скапотирует.

Красивые в авиации слова, я знал их множество: кабрировать, капотировать, угол атаки, элерон, нервюра, роговая компенсация, "спортить причёску"... Последнее по-сухопутному означало - разбиться.

Я не случайно вспомнил, что в тот день "особенно остро чувствовал". Это было не только к нашему буксировщику, это было во всём: поистине "как в последний раз". Да он и был последний, хоть я этого ещё и не знал.

В последний раз навстречу раскрывалось бесконечное небо, и в нём качался ЯК-12, пониже - лес, поближе - поля, а по бокам, поодаль - первые кучёвки, круглые, белые и пушистые. Под каждым таким облачком - восходящий поток. Они идут грядками и можно путешествовать под ними от потока к потоку, воспаряя спиралью.

Вадим спрашивал: "Учлёт, высота? Учлёт, скорость?" Я мгновенно находил нужный прибор и докладывал. И видел в круглых стёклышках приборов его улыбку. "Учлёт, выправить крен!"

Нам надо было держаться за самолёт на правильной высоте, повторять его маневры по широкой спирали и ждать, когда он сбросит обороты и качнёт крыльями. Тогда мне надлежало - вместе с Вадимом! - слегка отдать ручку вперёд и, когда буксир провиснет, дёрнуть за красную рукоятку. Самолёт с фалом на хвосте полетит домой, а мы обретём свободу.

На полутора тысячах мы отцепились, самолёт круто ушёл вниз. Вадим спросил: "Хочешь почувствовать предштопорное состояние?" И ручка приблизилась к моему животу. "Следи за скоростью". Высокое пение воздуха в плоскостях стало густеть и гаснуть, появилась мелкая дрожь...

Я знал теорию штопора. Когда скорость упадёт до шестидесяти, малейший срыв потока перевернёт нас, и аппарат закружится, как семечко ясеня.

Когда дрожь планера стала крупной, моя правая рука - сама! - ударила по ручке управления. Я видел, как резко поднялся левый элерон, потом вдруг земля встала дыбом и завертелась мне в лицо. Воздух завыл во всех поверхностях совсем немusыкально. Но это было то, что нужно.

Вадим сказал: "Ты что, Витек?"

А моя рука держала отклонённую ручку управления и не поддавалась усилиям Вадима. И левая нога давила на педаль...

"Кончай, Витек! - сказал он спокойно, слишком спокойно.

Земля слилась в сплошной диск и всё шире обступала нас.

Он оглушил меня кулаком и посадил планер почти сразу вслед за самолётом. Я очнулся уже на земле.

Вадим открыл фонарь и на все вопросы подбежавших ответил тремя словами: "Пассажиру стало дурно".

Потом ушёл с руководителем полётов к его столу, где громко шипела рация, и они там разговаривали, не глядя в мою сторону.

Я красиво, "уголком", выбрался на травку, мне подали костыль, и я отковылял к палаткам.

Вадим в тот день больше не летал, но и в палатку не пришёл.

Я лежал и слышал, как взлетал за самолётом кто-то другой, как переговаривались парашютисты на укладке, как потом звали на обед. Я не пошёл на обед. Мой старший брат Игорь принёс кашу, хлеб и чай. Я ел, он расспрашивал, что случилось. Я ответил так же, как Вадим: "Пассажиру стало дурно". Брат попытался: "Ты уговорил его показать штопор? И отключился?" Я спросил: "Он так сказал?" "Да". "Так и было". "Он из-за тебя план полёта не выполнил". Я пожал плечами. "Больше не полетишь, - сказал брат. - Виш запретил".

Виш был начальником аэроклуба, первым после Бога. Он всё видел от своего столика и, поспеваю, понял больше, чем рассказал ему Вадим. Он никогда не ошибался.

Меня не отправили тогда в город. Я так и работал до января сторожем на аэродроме. Оружием охраны был мой костыль, а помощниками - две собачонки, Барсик и Бобик. Они были маленькие,

беспородные, обе чёрные и разного пола. Я им завидовал. Добрые парашютисты перед началом прыжков сбрасывали их по очереди на пристрелочном парашюте, чтобы проследить направление ветра по высотам. Они были матёрые авиаторы и лаяли только по делу - на собак и коров из соседней деревни, когда те забредали на лётное поле, да на городских грибников, которые пару раз за лето вторгались на своей технике в полосы воздушных подходов. Все эти нарушители немедленно нами изгонялись, а на зайцев мы даже не смотрели.

В январе разбился Игорь.

Вадим дружил с нами обоими, был для меня ближайшим после брата, но по судьбе вышло так, что эту гибель от Вадима не оторвёшь.

За полтора года до этого января в парашютное звено пришла перворазница Анюта. Миниатюрная десятиклассница, идеальный носик, глаза по шесть копеек, пела славно. Я тоже заканчивал десятый класс и не был чужд романтики. Я положил на Анюту глаз, но инструктором у неё стал Игорь, и тут ничего нельзя было поделывать. Игорь был старше меня на три года, учился в институте, был здоров и красив. Я молча улыбнулся, когда брат сообщил нам с Вадимом, что вон на той спортсменке он обязательно женится. Улыбнулся и Вадим. Он к тому времени уже и отслужил в воздушном десанте, и закончил лётно-техническую школу оборонного общества, и работал старшим инструктором планерного звена. И машину, и мотоцикл, и любую прочую технику он водил, как чёрт. И, в общем, стоило ему один раз пристально встретиться с Анютой глазами, как она тут же захотела стать планеристкой.

И стала.

А через год вышла за Вадима замуж. И бросила авиаспорт, чтобы стать мамой.

А Игорь завял. Судьба любого однолюбца. Он не напился у них на свадьбе, не раздружился с Вадимом, даже не ушёл из аэроклуба. Просто завял.

Прыгал он тогда по первому разряду. В ту зиму готовился на республиканские соревнования, много прыгал, но как-то без обычной лихости. Только в последнем прыжке здорово отработал 15-секундную акробатику с полутора тысяч и - у меня на глазах - не раскрыл парашюта. Если бы он после комплекса потерял сознание, за него это сделал бы автомат. Но автомат сработал не на должных трёхстах метрах, а почему-то у самой земли, будто ему кто мешал...

Я из клуба сразу уволился, перевёлся в своём институте с заочного на дневное отделение и поселился в общежитии.

Вадим, то ли чувствуя вину, то ли из-за маленькой аэроклубовской зарплаты, уволился тоже и стал старшиной в областной автоинспекции. Милицейская форма, бесплатный проезд и прочие льготы - законные, полужаконные и добровольные. Через год получил офицерские погоны, через два зашёл подержанного "Москвича", на третий поступил в университет на юридическое. Он во всём был талантлив, удачлив и трудолюбив. Он подражал во всём Вишу, даже тайком соревновался с ним (только мы с Игорем это знали), он ещё и поэтому ушёл из авиации - чтобы не делить небо с тем, кого Бог избрал. Так он сам говорил мне о своём уходе.

Он был в отчаянии, когда ещё через год Виш разбился. Ругал почему-то себя: мол, оставил друга без поддержки, тот переутомился и потому не справился с простым перехлёстом купола... Я принимал его горе. Виш был человеком безупречным. Он тогда и мне правильно запретил летать, я не обиделся.

После похорон Виша Вадим на некоторое время для меня исчез. До этого он нередко забегал в общежитие, спрашивал о родителях или, наоборот, рассказывал о них мне, когда бывал на севере в командировке. Я к нему и Анюте тоже заглядывал, только реже - из-за костыля. А тут всё как-то отключилось, будто Виш своим падением оборвал наши ниточки...

К концу семестра патрульная машина подобрала пьяного инвалида на проезжей части. Парни, на моё счастье, были из автоинспекции, привезли бездыханного вместе с костылём не в вытрезвитель, а прямо к Вадиму домой. Дело было ночью, я не вязал лыка. Вадим сам меня раздел и уложил спать, а назавтра среди дня заскочил и велел ждать до вечера.

Вечером первой пришла Анюта, привела из садика Мишутку. Малец качался на моей негнущейся ноге, мама беспокоилась: "Не больно?" Мне было больно, но не в ноге, и я улыбался.

Совсем поздно приехал Вадим. Милицейская форма ему ещё больше была к лицу, чем авиационный комбез. Стройный, гибкий, сильный офицер с полосатой палкой.

После ужина мы с ним уединились. Он за день успел узнать все мои дела в институте. Сказал: "Выгонят тебя, если к лету "хвосты" не сдашь. Из общаги уже выгнали: ты там вчера сильно отличился. Жить будешь у нас: Анюта не возражает. Вот в этой комнатке. А Михаила к себе возьмём. И не спорь. Что я скажу твоим старикам? Что тоже парашют не раскрылся?" Такую жестокость к самому себе - я бы не сумел. Я бы себя к себе не взял.

У меня не было ни стипендии, ни заработка. Кормиться у них мне было стыдно, я перевёлся опять на заочное и устроился учеником слесаря на завод, через дорогу от дома. Вадим и Анюта не возражали. С Мишуткой мы были друзья - не разлей вода, он называл меня, как папа, Витьком.

Вадим часто задерживался на работе, и его домочадцы оставались со мной одни. Анюта была крайне привлекательна и желанна, и я понимал, почему у Игоря так поздно раскрылся парашют. Од-

нажды в свободный вечер я смотрел вместе с Мишуткой телевизор в их комнате. Анюта приостановилась близко, чтобы спросить, будем ли мы пить чай или дождёмся папу. Я сказал: "А чего дожидаться?" и кончиками пальцев прикоснулся к её бедру. Она поглядела с ужасом и шагнула назад. Сказала спокойно: "Дождёмся". И после этого в моём присутствии передвигалась по квартире со скоростью кометы и совершенно потеряла свою прежнюю, клубовскую, весёлость. Я с тех пор старался не выходить из "своей" Мишуткиной комнатки. Но когда всё же случалось ковылять по квартире, цепляясь за дверные ручки и подлокотники, я боковым зрением ловил в её косых взглядах не только безразличность к разнокалиберным моим ножкам, но и скрытое восхищение мощью вот этих ручищ. Огромных, обезьяньих.

Пытку не стоило затягивать.

Однажды я сидел на диване и смотрел телевизор. Мишутка раскачивался на моей ноге. Анюта у стола что-то гладила.

Подожёл Вадим и остановился рядом со мной, опершись на боковину дивана. Он всем весом опирался на одну прямую руку и говорил мне что-то вполне дружелюбное. Мы, в общем, беседовали, кажется, о фильме. И вдруг, как тогда в планере, моя правая рука сама ударила его по напряжённому локтю. Он вскрикнул, прижал к себе руку и сел на корточки. И спросил: "Ты что, Витек?"

Не помню, какую чепуху я бормотал в ответ. Я впервые смотрел в упор на Анюту, а она - на меня. В руке она держала утюг, а глаза были раскалены.

Я укочивлял в "свою" комнатку, а на другой день переселился в заводское общежитие.

Я получил четвёртый разряд слесаря-инструментальщика, через год повысил его, ещё через год подошла моя очередь на операцию, и я уехал в Курган, в клинику Илизарова.

Это были тяжелейшие, но и счастливейшие недели всей жизни.

Кругом - только свои. Я в любого смотрелся, как в зеркало. Моя боль, моя надежда, мой страх - всё это было и в их глазах. Никто не искал понимания, оно было нашим воздухом, мы были им пропитаны. Не было той скованности, которая, как её ни прячь, всегда выделяет калеку среди неизлеченных. Все были равны перед Божьей несправедливостью - или немилостью? - инвалиды от рождения, жертвы катастроф, полиомиелитчики вроде меня. Профессор филологии играл в шахматы со слесарем, заслуженный мастер спорта гулял под ручку с доярочкой.

И никто не обижался на шутки, которых в жизни не простил бы здоровым. Новичок полчаса прыгал на одной ноге с этажа на этаж, потому что оказалось: кроме крови, мочи и кала, надо сдавать на анализ ещё сто грамм пота. Он вместе со всеми отжимал над пробиркой полотенце, а потом вместе с обидчиками хохотал над розыгрышем. И снова хохотал, уже в столовой, когда не удавалось найти специального окна, где выдают особый допдаёк для восстановления правой берцовой кости.

После лечения равенство рушилось. Бывший чемпион никогда не вернётся на стадион и заводит доярочке, убегающей вприпрыжку. А пожилой профессор утешает слесаря: "Ничего, Витюша, оставшиеся пять сантиметров " в следующий раз. Вы и так - рекордсмен". И Витюша гордится, что ценой ежедневной изматывающей боли вытянул свою прямую коротышку аж на предельные восемь сантиметров, хотя и знает, что это для его ноги - предел: такая, как у него, кость длиннее уже не станет. И такой, как у него, коленный сустав уже не разрабатается. И лучшее, на что он в дальнейшей жизни может рассчитывать, это медленное хромание без костыля, заметно припадая на эти чёртовы пять сантиметров, которые уже не добавишь никакой ценой, разве что ортопедическим уродливым ботинком.

Я вернулся к здоровым ещё большим инвалидом. Законченным. Безнадёжным. И запил сразу, на все сэкономленные средства.

Вадим опять нашёл меня на краю пропасти. Уже готовили приказ на увольнение, уже предложили выметаться из общежития.

В комнату вошли двое - мой коротышка-отец и красавец-лейтенант в милицейской форме. Я лежал, опухший после вчерашне-позавчерашне-многодневного непотребства и размышлял, куда теперь податься: искать работу сторожа, где не побрезгуют, или уж сразу - на коммунальный мост. Там, под мостом, не доходя воды, валяется большая бетонная плита. И высота - метров пятьдесят.

Батя-жмот сиял, как неразменный рубль. Без переводчика было ясно: решили с матерью отстегнуть от своих длинных северных заработков. За девять-то последних лет осело кое-что из непроеденного - бедному инвалиду на пропой.

Вадим сел на подоконник, батя - ко мне на растрёпанные простыни и сказал такое, чего я ну никак не ожидал.

-Витюша, мы тобой гордимся. Мы оставили тебя в Томске не только потому, что на севере тебе не климат, мы чувствовали, что рядом с нами ты не станешь крепким духом, а ведь мы - не вечны, тебе нужно уметь бороться самому. Мы с Вадиком были сейчас у тебя в цеху. Там тебя прямо называют незаменимым. Сказали, были как без рук, пока ты лечился. Мы с матерью гордимся твоей силой воли. Мы узнавали: через два-три года тебе можно будет ещё раз делать операцию - на оставшиеся пять сантиметров. И коленный сустав тоже не безнадёжен - наука ведь не стоит на месте. Мы с Вадиком были у тебя на факультете. Там знают о твоём положении и уже оформили тебе академический отпуск на год - Вадик замолвил. И разрешают тебе ходить в это время на занятия и сдавать "хво-

сты".(Батя мой никогда в институте не учился и слово "хвосты" произносит очень смешно, по-парикмахерски). Мы с матерью договорились со своими друзьями. Они надолго переезжают из Томска работать к нам на север. Свою квартиру они оставляют тебе. Первый этаж, недалеко от завода, и гараж возле дома.

- Гараж?!

- Да, Витюша. Мы с матерью собрали денег и приобрели тебе "Жигули" с ручным управлением, для инвалида с левой ногой. Скажи, Вадик!

Вадим с подоконника:

- Да вон она стоит, можешь посмотреть. Газ - на баранке, тормоз - под правой рукой, сцепление - как у всех, и передачи - как у всех. Я её от склада, вот, пригнал - уже привык. Мы же пилоты, да?

Брохация сиамангов! Я на одних руках перелетел с кровати на подоконник. Точно! Ноль-шестой "Жигуль" цвета "коррида"! Я смотрю на Вадима:

- Научишь!?

- А как же ж? Вся вывозная, без скидок. Будешь у меня личным водителем, пока не сдашь на права. И правила сдавать будешь полностью сам, как в авиации: "Знаешь - "пять", не знаешь - "четыре", с "тройкой" не полетишь.

- Да я их знаю!

- Наизусть учи! Мой водитель - "если быть, так быть лучшим"!

- Чкалов!

- Так точно. Вот и будь. Первое задание: выйти из запоя без опохмелки.

И я стал.

Я работал, учился, тренировался. Вozил инструктора по городу, а он всё время повторял: "Учись у таксистов".

Я научился, по-таксистски, ездить не прямо за передним, а вполкорпуса левее или правее - для маневра. Я тормозил у светофора не впритирку и сразу после остановки чуть продёргивал машину вперёд - для резерва заднему. Я не ездил рядом с кустарником, я видел глаза встречных водителей, оценивал обстановку впереди обгоняемых по просвету между их колёсами, держал руки высоко на баранке и время от времени ронял правую на головку тормоза, дабы она его не забывала. Я познал определение скорости без заглядывания на тахометр, во мне развилось чувство правого колеса, обострился слух на все внешние и внутренние звуки. Это и многое другое я через три месяца легко делал автоматически, поддерживая оживлённую беседу с инструктором.

Я с первой же попытки, без малейших скидок, сдал на права, но возить Вадима не бросил. Это нравилось нам обоим.

Мужчине на автомобиле труднее быть безгрешным, чем пешему. Вадим подарил было Мишутке игрушечный жезл с батареей. Белый кругляшок с лампочкой посередине. С одной стороны он загорался красным, с другой - зелёным. Когда сын натешился, папа стал носить игрушку с собой. Красным цветом он - на работе - останавливал для проверки машины, а зелёным мы баловались. Едем поздно мимо автобусной остановки, а там дамочка скучает. Вадим подносит жезл к стеклу и включает. Она принимает нас за такси, подбегает к бровке, а уж тогда мы смотрим, подвозить её или перевернуть жезл. При этом, конечно, Вадим без формы. Денег за провоз мы, понятно, не брали: так, приятное общение. Или он выходил, чтобы мне дать попытку. И иногда мне удавалось. На один раз.

Но однажды получилось иначе. Вадим до самого её дома просидел вполоборота, а потом вышел вместе с ней.

Звали её - Шура. Образованность, культура, красота - всего было столько, что в первый раз я даже рта не раскрывал. Но шли от неё удивительные волны. Как от весеннего солнца. И как от русской печки в мороз. И как от любимой сказки. И как от любимой музыки. В общем, всё сразу. Я рядом с ней становился младенцем.

А Вадим рядом с ней превращался в Леонардо да Винчи (я даже сказал бы - Леопардо), в Антуана де Сент-Экзюпери, в Пушкина, Аркадия Райкина, Тарзана и Энциклопедический словарь одновременно. Даже я до того не представлял, сколько в нём пряталось талантов.

В один и тот же час мы вечеров пять после той случайной встречи подвозили Шуру, и дальше я ехал один. Покатавшись пару часов по городу, как бы нечаянно проезжал раз-другой мимо её дома, но - впустую.

Наконец однажды, когда я их высаживал, мотор заглох и ни в какую не заводился. Мы оба испачкались и замёрзли. Шура вышла и сказала: "Идёмте греться".

Она жила в двухкомнатной квартире с таким же сынишкой, как у Вадима. Я видел только его игрушки и вещи: мама работала в областной газете, задерживалась там допоздна, даже бывала в коротких командировках, так что парень рос в детском садике, в круглосуточной группе. Шура с Вадимом навещали его там, водились с ним по воскресеньям, но - без меня.

Дома у Вадима началась напряжёнка. Я это узнал по Аютиным глазам, когда он однажды попросил меня передать жене, что опять задержится на работе. Взгляд её милых шестикопеечных глазок был тяжёлым, как у прижатого к стене гладиатора, только страшнее, чем в кино. Печальный Мишутка прижимался к точёной маминной ноге. Он позвал: "Заходи, Витек!" Я посмотрел на маму. Я хо-

тел зайти. Давно хотел. Но она качнула головой: "Извини. Спасибо. Я стирку развела..." Обычно она стирала в халатике и была особенно хороша. А теперь на ней были джинсы и толстый свитер. Она зябла. Но - не по мне.

Пришло время, когда напряжёнка началась у Вадима и с Шурой. Любая женщина, полюбив, хочет от мужчины одного. Шура, видно, не стала исключением. Однажды мы подвезли её и, после тихого разговора между ними, поехали дальше вдвоём. Я сказал:

- Кажется, тебе пора выбирать? Или попробуешь, как амёба?

- Это как? - Он настолько оступел от напряжения, что не понимал простейшего.

- Амёбы размножаются делением.

Он нервно хохотнул и молчал до самого дома. Расстались сухо.

Я сразу же поехал к Шуре.

На мой стук она радостно распахнула дверь и тут же сникла. Как во всех фильмах об этом и точно как в жизни Анюта. Молча впустила меня, и я видел, что она всё знает о моих намерениях.

Лучше бы сразу ушёл. Ещё лучше было не приезжать. Но мне вдруг втемяшилось, что всё возможно. Разыгралось воображение. Может быть, потому, что очень было похоже на кино, а я - будто в зрительном зале. Героиня в отчаянии выбирает на одну ночь того, кто ближе. А я ещё додумывал и продолжение, хотя был готов утешиться одним разом.

Крах получился полный и унижительный. Меня вежливо поили чаем, лопотали на предлагаемые мною темы, а когда я накрыл её точёные, породистые, чуткие пальчики своей лапой и сделал решительный вдох, она вырвала руку, прикрыла ею рот, и её плечи передёрнулись. И рот - не для меня, и руки - чужие, и во всём теле - безгливость.

Брохация сиамангов! Я метнулся за ней на одних руках тесной кухней, но она успела вооружиться небольшим ножом и сказала спокойно:

- Милый Вита! Ты сильнее, ты меня возьмёшь, но кровищи будет много, я успею. А потом ОН тебя застрелит.

Она с такой гадливостью смотрела и так родственно сказала "он", что молча забрал свою трость и вышел.

Как летел вниз по лестнице, как гонял ночь по городу, как не разбился - не помню. Одно зацепилось: неоднократно приходила идея разогнаться по Лагерному саду и - с обрыва в Томь. До воды не долечу, но это и хорошо. Однако не осуществилась: как всплывала из подсознания, так немедленно и погружалась обратно.

Мы, инвалиды, держимся за жизнь бульдожьей хваткой - это наш природный дар, по закону компенсации.

Размолвка с Шурой, как я понял, вышла у Вадима из-за отпуска. Он собирался провести его с семьёй в отъезде, а любовница хотела, чтобы с ней. И даже, полагаю, чтобы насовсем. Но то ли Вадим любил их одинаково, то ли не хотел вторично ломать карьеру... Ни в трусости, ни в нерешительности я его упрекнуть не мог. Тут просто была судьба. Он в неё вслушивался и поступал, как велела.

Его последний перед отпуском рабочий день оказался у меня свободным, и я, как привыкли, возил его по автохозяйствам с плановыми проверками. Благо бензин даром, а его "Москвич" - в ремонте.

К разговору о раздвоении личности не возвращались, были обычные - чисто мужские - отношения. Среди дня даже успели съездить втроём в Тахтамышеву. Тамошняя подруга Анюты сообщила ей, что в деревенский магазин привезли точно такой чайный сервиз, какой она хотела поискать в отпускном путешествии. Мы как раз заехали пообедать, и Анюта была очень мила даже со мной, и мы помчались в Тахтамышеву - оно всего в десятке километров за рекой, рядом с новосибирской автотрассой.

Сервиз понравился. Счастливая Анюта сидела сзади со своей коробкой. Обсуждалась проблема торта к вечернему чаепитию.

Перед самым выездом на трассу мы с Вадимом синхронно огляделись влево-вправо. Слева было пусто. Справа, от солнца, мчался белый "Запорожец". Его следовало пропустить, и Вадим рядом со мной, забросив ногу на ногу, привычно расслабился в ожидании. Он даже не взглянул на меня, как делал во время "вывозной". И я тоже собрался расслабиться и сбросить газ, но мои руки сами нажали гашетки на руле. Машина выпрыгнула на асфальт, наперерез "Запорожцу". Вадим ничего не успел. Ничего не успел водитель "Запорожца". Успела вскрикнуть Анюта. И мои подлые ручищи в последний, смертный миг тоже кое-что успели. Пока большие пальцы давили на газ, руки - тоже сами - повернули руль влево, выигрывая тот метр, что оставался до удара. "Запорожец" промчался, как белый призрак, только чиркнул задним бампером - старым по новому, и этот ржавый крючок отлетел метров на десять. Сам "Запорожец" мчался ещё метров сто, пока его сумели остановить.

Остановился и я.

Виктор смотрел на меня с интересом. Он спросил:

-Ты что, Витек?

-Он бы врезался прямо в тебя, - сказала ему Анюта. И мне: - Ты его чуть не убил.

- Чуть не спортил причёску, - это был мой голос, я слышал его, как чужой.

- Причёску можно сделать новую, - отозвался Вадим. - А вот за деньгами на новый сервис ехать далеко, обед кончается. - Повернулся к Анюте: - Целы чашки? - И ко мне: - Ну, поехали разбираться, только притормози у обломка.

Он был в милицейской форме. Он вручил водителю "Запорожца" обломок бампера и спросил: "Если честно, с какой скоростью вы летели?" Он напомнил о плохой заметности белого автомобиля на блестящем - против солнца - асфальте. Он посоветовал заменить оба ржавых бампера и подсказал, в каком углу томского авторынка их можно взять почти даром. Он пообещал, что лишит меня водительских прав до следующего лета. И мы уехали, оставив перепуганных дачников приходить в себя.

Анюта пыталась было возобновить разговор о безопасности и посадить за руль Вадима: "Врежемся по закону парности". Но он пресёк: "Мгновенная раскоординация возможна у каждого".

Мы отвезли Анюту домой и потом работали до сумерек. А в сумерках сработал закон парности.

Мы проверили последнее автохозяйство - в пригородном лесхозе - и возвращались в Томск. Не доезжая пару километров, остановились у озера и помыли машину. Для этого пришлось съехать с трассы. Когда возвращались на асфальт, Вадим пошутил: "Вот тебе все условия для повторения". И накаркал.

Я осторожно выехал на трассу и стал догонять самосвал, который только что проехал перед нами. Он зачем-то прижимался к бровке и притормаживал: зажигались, гасли и снова зажигались оба красных огня под кузовом. Я моргнул ему фарами и начал обгон. Вадим сидел рядом, полуобернувшись ко мне, как обычно, забросив ногу на ногу, и что-то говорил: кажется, о том, что вчера я был прав, что амёба из него не получится, но тогда в любом случае он обречён на предательство, какую бы из женщин ни пришлось оставить. В начале обгона он вдруг замолк, всмотрелся в самосвал и через секунду тревожно предупредил: "Он поворачивает!"

Я видел это и сам. Водитель самосвала, вероятно, искал съезд налево, к речному берегу, а когда нашёл, то повернул и дал газ, не заметив сзади моих фар.

Секунда растянулась. Кузов грузовика медленно смещался влево, бензобак миновал, на моём пути торчало теперь высоченное заднее колесо. Надо было либо резко тормозить либо попытаться объехать его по бровке справа. Но мои руки, смертно вцепившиеся в баранку, добавили газ и крутнули её влево, вдгон уползающему колесу. Краем глаза я заметил, как Вадим начал поднимать руку, чтобы защитить голову. Следом был удар.

Грузовик чуть съехал с трассы и остановился. Мои руки сжимали рулевое колесо, вывернутое наизнанку. По лицу текло: лбом разбил зеркало заднего вида. Вадим не подавал признаков жизни. Его зажал сиденьем в перекосившейся кабине.

Он не успел поднять руку достаточно и ударился виском, заломив шею.

На похоронах я не был - пролежал в больнице шесть дней. Никто меня не навестил. На седьмой приехал отец. Сказал: "Жаль мне твоего друга, как родного. Он любил тебя, как брата". Помог восстановить автомобиль, от которого мало что осталось. И здоровье пошатнувшееся сыночку подправил. И на девятый день поминали Вадика, и на сороковой, и между...

Через два месяца, в последний погожий день сентября я снова сел за руль. Огляделся по авиационному, "восьмёркой", проверил люфт руля и педали сцепления, тронул головку тормоза, погазовал, привыкая, и рванул с места.

Почему-то сразу вспомнился крохотный эпизод из недалёкого прошлого - из того последнего нашего с Вадимом дня. Когда сели утром в машину, я спросил: "Знаешь, где я был сегодня ночью?" Он спокойно ответил: "Нет". Я почувствовал, что он понимает, и выпалил, почти выкрикнул: "Я был У НЕЁ!" Он дважды смерил меня долгим, насмешливым взглядом и пожал плечами: "Ну и что? Поехали".

А вот последнее воспоминание - вчерашний визит к его вдове. Анюта знала, как я звоню, и приоткрыла дверь, не снимая цепочки. Посмотрела молча, потом спросила: "С кем теперь летать будешь?" Я сказал: "С тобой". Её плечи передёрнулись, как тогда у Шуры:

"Ну не-е-ет!" И захлопнула дверь.

И вот я снова лечу. Самостоятельно. Уже подлетаю. Впереди - небо, ниже - лес и поля, ближе - река, а внизу - бетонные плиты штабелями - там начали строить набережную. До штабелей - метров сто. Не долечу, наверно. Приземлюсь капотом в кучу гравия. Ничего, этого достаточно. Прямая аллея Лагерного сада позволила разогнаться до ста пятнадцати километров в час.

Принимай, Господи, и постарайся на этот раз быть ко мне справедливым.

5. ГОСТЬ

... В гости к Богу
не бывает опозданий.
В.Высоцкий.

В следственную Комиссию по нераскрытым преступлениям при Томской областной прокуратуре старшего участкового инспектора Каргасокского и Парабельского РОВД ст. л-та милиции Бесмертного П.А.

пояснительная записка.

Предварительно довожу до сведения, что вверенный мне участок представляет собой Мыльджинско-Лугинецкую группу нефте-газовых месторождений и располагается одновременно на территории двух вышеозначенных районов, поэтому у меня двойное подчинение, и при запросе дополнительных данных меня нужно разыскивать сразу в двух райотделах, а ещё вернее - где-нибудь на означенных промыслах.

Прилагаемые записки бывшего уголовника Гостяева С.Г. имеют, на мой взгляд, некоторое отношение к делу № / по недоказанному убийству на вверенной мне территории, совершённого предположительно в июле текущего года.

Записки содержатся в сшивке из двух общих тетрадей и оформлены в виде писем. Однако все они, кроме двух первых, никогда отправлены не были, в чём легко убедиться со слов самого автора. Полагаю, что такую форму дневника Гостяев избрал по двум причинам: 1). ради разнообразия, имея литературные способности, и 2). в подражание античному философу Сенеке, о чём становится ясно при чтении его писем.

Не желая утомлять Комиссию изучением подряд всей этой писанины, которой человек тешил себя в одиночестве, прилагаю - ради убедительности - ксерокопии первых 13-ти писем целиком, из остальных же записей сделаны лишь выборочные перепечатки, проливающие, по моему мнению, некоторый свет, на означенное преступление.

Где в настоящее время находится сам Гостяев С.Г., доложить пока не могу, равно как и сделать какие-то квалифицированные выводы из того, что им написано. Сшивка с его записями хранится у меня и будет, по возможности, полностью ксерокопирована на случай необходимости детального изучения Комиссией.

Дата. Подпись.

Письмо первое.

Уважаемый г-н Прокурор! Это не жалоба и не заявление, хотя мне и дали бумагу для написания официального документа. Тем не менее, надеюсь, что Вы прочтёте этот крик души, ибо даже этот беззвучный крик, если по-Божески, должен быть услышан.

Я хочу сделать не признание (которое уже сделал), но анализ собственной жизни и действий, за которые скоро предстану перед судом. И если справедливость не восторжествует, то пусть она хотя бы встрепенётся в Вашей душе, ибо и в то, и в другое (в высшую справедливость и в человеческую душу) я верю беззаветно, к чему призываю и Вас этим письмом. Только не подумайте, что собираюсь разжалобить Вас такими словами, ибо сказано: "Жалость - обратная сторона злорадства". Я больше верю в милосердие, ибо считаю его обратной стороной справедливости. Вот на него и пытаюсь уповать. И на деловой расчёт, о котором скажу позже.

Теперь, чтобы не испытывать больше Ваше терпение, я начну и - судите сами.

Я происхожу из семьи учительницы начальных классов и старшего инженера-механика. Имею ещё сестру, старше меня на два года. Вот с нее и начну мою исповедь.

Это была девочка, с которой хотели дружить. Хороша собой, весела. Качество учёбы тут роли не играет: все знают, что среди отличников гении попадают куда реже, чем среди обыкновенных. Маруся была из нестандартных, хоть и не гений. Когда я учился в первом классе, она научила меня натереть салом классную доску: дескать, лучше будет писать. И когда оказалось наоборот, я понял, что такое серьёзный юмор. В каждом следующем классе моё чувство юмора, с помощью Маруси, совершенствовалось. Но предупреждаю сразу: это не попытка свалить на сестру всю тяжесть моего преступного прошлого. Я пытаюсь провести некую параллель, а какую именно, скоро станет ясно.

У самой Маруси шутки были, конечно, покруче. Например, в двенадцать лет она свела дружбу с Наташей из соседнего дома, которая училась в параллельном классе. Родители Наташи, простые пролетарии, были этой дружбе рады: как же, учительская дочь. А эта дочь пришла к Наташе в гости, шутки ради заперла её в туалете, собрала, какое нашла, золотишко, выпустила подружку и была такова. Простая девочка Наташа ничего не поняла. Мать пришла с работы, собрала в театр с отцом, хватилась колец и серёг, встрясла из дочери порядок событий и бросилась ловить Марусю. Подстерегла у школы, привела к себе домой, учинила допрос. Та, конечно, в несознанку. Но опыта было мало, врала неубедительно, и мать Наташи всё поняла и вызвала следователя. Тот уединился на пять минут с Наташей, потом два часа - тоже наедине - беседовал с Марусей, а когда вышел с ней к родителям (они собрались уже все четверо), то объявил: "Поверьте моему опыту: эта девочка станет или ШЛЮХОЙ или воровкой". Он показался слишком молодым для таких заявлений, не поверили. Пошли к строительному котловану, куда Маруся, будто бы с перепугу, сразу после кражи выбросила золото.

Наша мама спрыгнула вниз и рыла землю, но ничего, понятно, не нашла. Деньги Наташиным родителям мои собрали и отдали на другой же день, умоляли не разглашать, но слух всё равно по школе пополз. И когда у кого-нибудь в классе что-нибудь пропадало, сразу смотрели на Марусю. Если уличали, она обращала это в шутку, с каждым разом убедительнее. Бывало даже, что немедленно после похищения, когда одноклассник ещё и не хватился, она вручала ему часы, брошку, игрушку и поясняла: "Не бросай где попало",

Меня, младшего, сестра любила всей душой. Я был её исповедником, нередко даже пособником и ни разу не выдал никому, даже маме. Я и сейчас вам её не выдаю, а только провожу параллель, и скоро всё прояснится. А Марусе моё признание уже не повредит. Тот нестарый следователь оказался прав: она стала-таки шлюхой и воровкой. И когда на суде заседатель упрекнул: "Как же так можно, учительская дочь?!", Маруся очень серьёзно ответила: "Вот у вас высшее образование, а не знаете, что на детях гениев природа отдыхает".

Моя бедная, горячо любимая сестра не права лишь в одном: мы с ней никогда не были детьми гениев. Высшее образование - не признак гениальности. Но есть "теория конуса". Вот в неё всё очень хорошо укладывается.

Жаль, что не я придумал (или открыл?) эту теорию. Она изящна и наглядна до изумления. Это о ней сказано, что всё гениальное - просто. А суть вот в чём. У каждого человека - свой семейный конус. В широком основании расположены предки с низкими задатками, а последующие поколения поднимаются всё выше, пока не создадут - на вершине - своего гения. Одного. И - главное - СВОЕГО. Есть конусы огромные, с Ломоносовым на вершине, но большинство - маленькие, из которых, может быть, никогда ничего великого не родится. Вот и наш такой. Несколько поколений тупо рылись в навозе, на вершине оказались наши с Марусей родители - учительница начальных классов и старший инженер. А мы, их дети, уже скатываемся по склону конуса вниз. И на наших детях природа отдохнёт ещё сильнее, чем отдохнула на нас. А когда опустится наш род к своему основанию, начнётся новый подъём, и тогда, возможно, наш родовой гений поднимется повыше. Да ещё сольётся о более высоких...

Вы уже поняли, г-н Прокурор, к чему я клоню? Тем не менее, хочу сформулировать вывод сам, чтобы Вы могли сверить результаты.

Теория родового конуса не имеет - подчёркиваю особо - не имеет отношения к общественным законам и является выражением закона чисто биологического. Конусы исследователей и воинов, музыкантов и воров - равноценно высятся в одном природном ряду. Но чтобы ход моей мысли стал окончательно ясен, нам теперь необходимо вспомнить о душе. О той самой бессмертной душе, которая имеет замечательное свойство. Она переселяется после моей смерти в другое тело, потом в следующее, и это длится долго, пока душа не станет совершенной, пригодной для жизни в небесах, где она будет посещать отдалённые космические миры и участвовать во вселенском творческом процессе. При этом самая удивительная особенность такова, что у души как бы нет обратного хода. Она не может становиться хуже, а с каждым воплощением всё улучшается и улучшается. Тут уже не конус, а вроде лестницы, вниз по которой - невозможно. Задержаться на одной ступеньке на несколько жизней - пожалуйста, но не более того.

В свете этой - научно доказанной! - теории совершенно очевидно, что в развитии МОЕЙ души за время МОЕЙ нынешней жизни произошли серьёзные позитивные сдвиги. Достаточно сравнить документы двух моих последних уголовных дел, хорошо Вам, вероятно, знакомых.

Вывод напрашивается сам собой. При такой динамике развития моей души, на которую я указал выше, было бы совершенно целесообразно - пусть и не оправдывать меня, конечно, полностью, но и не избирать мерой пресечения лишение свободы на какой бы то ни было срок. На зоне моей душе угрожает остановка в развитии - ровно на столько лет, сколько приговорит суд. В условиях же расконвойной жизни, пусть даже с максимальным сроком и с поселением вне городской черты, начавшийся положительный рост моей души может дать настоящий скачок, после которого, когда закончится условный срок и срок погашения судимости, любому честному человеку, даже Вам, г-н Прокурор, не будет зазорно пожать мою чистую руку.

В заключение и в подтверждение вышесказанного хочу добавить, что моя старшая сестра Мария Гавриловна, бывшая когда-то шлюха и воровка, в настоящее время проживает в нашем родном городе Томске, воспитывает двух прекрасных детей, любит мужа, глубоко порядочного человека, и этим полностью доказывает как теорию развития души, так и ту известную истину, что наилучшие матери и жёны получаются из женщин много переживших. Как видите, к золотой середине жизни Природа "выспалась" на моей сестре и вновь принялась за работу. Разве не очевидна связь и со мной?!

С уважением и терпеливым ожиданием ответа, подследственный вор в завязке Гостяев С.Г.

Письмо единственное.

Гражданин Гостяев!

Хотелось бы начать свой ответ обращением "уважаемый", тем более, что имя Ваше и отчество - Святослав Гаврилович - к тому располагают. Однако воздержусь до указанного в Вашем письме момента, когда Вам действительно будет что предъявить. Пока же наши с Вами чисто чело-

веческие отношения могут носить лишь теоретический характер - хотя бы в силу одного того, что должность моя не позволяет столь сильно абстрагироваться от фактов, как это можете позволить себе Вы, человек, так оказывать, свободный от служебных рамок. Меня же служебные рамки вынуждают не забывать, что употреблённое в Вашем письме слово "скачок" имеет и второй, куда менее позитивный смысл, притом именно в применении ко всей прошлой Вашей, совсем не конструктивной, деятельности. Впрочем, и вне служебных рамок, с позиций рядового обывателя, я с большой опаской отношусь к тем движениям Вашей души, кои представляются Вам такими прогрессивными. Давайте, в самом деле, как Вы сами предлагаете, сравним только два последних Ваших уголовных дела - пусть они условно именуются "первое" и "второе".

Итак, Ваше "первое" дело. Это был как раз "скачок", то есть разбойное нападение на водителя такси, которому Ваш сообщник нанёс несколько ножевых ранений в целях завладения его жалкой дневной выручкой. Вы, Святослав Гавриилович, больше "нащипали" бы в трамваях и троллейбусах, но для карманной работы нужна квалификация. Однако это к слову. Таксист, на ваше счастье, оказался живучим, а его раны - неопасными. Он даже сумел задержать Вашего сообщника, которого Вы бросили и который, ничтоже сумняшеся, сдал Вас с потрохами. Правда, резали таксиста не Вы, это признано и доказано, однако это и не повод, чтобы считать шесть лет Вашего заключения прихотью несправедливого суда... Что же мы имеем по "второму" Вашему делу? Едва освободившись после "первой", а уж точнее - третьей, Вашей отсидки, Вы, Святослав Гавриилович, опять принялись за старое. Да, предвижу Ваши возражения и пояснения: "Освободился - ни работы, ни жилья: у сестры своя семья (об этом чуть позже), у мамы - только пенсия и однокомнатная квартирка, начинать надо с нуля, а каково это 33-летнему..." Да, да и да. Хоть я и не сидел, и с нуля начинал только раз, как положено, однако трудности Ваши понимаю. Более того, мне очень близки Ваши представления о развитии души. Я вернусь к ним, едва покончу с разбором Вашего последнего дела.

Итак, Ваш сообщник остался в подъезде, а Вы поднялись на площадку второго этажа, откуда слышались женские голоса. Двери двух соседних квартир были распахнуты, и бабушка просила у женщины средних лет "пару вилочков капусты, потому что голубчиков захотелось" - так написано во всех объяснениях, в том числе и Ваших. Вы, Святослав Гавриилович, проскользнули мимо беседующих и ловкой рукой на ходу неслышно выдернули ключи из бабушкиной двери. Затем Вы терпеливо дождались на самом верху, пока уляжется паника по поводу ключей, спустились с чердака, хладнокровно вернулись, надавили кнопку и спросили у бабушки, не потеряла ли она ключи. Вы надеялись, что бабушка дома одна, а соседи не услышат и не выйдут. Но старушке не понравилось Ваше заглядывание в квартиру и она заголосила. У неё действительно никого не было дома, но из соседней квартиры выскочили не только та женщина средних лет, но и два её здоровенных сына, которые огромными ножами рубили там капусту и один из которых оказался милиционером.

Вы утверждаете, гражданин Гостяев, что последнее Ваше дело "слабее" предыдущего, и из этого делаете вывод о собственном духовном прогрессе. Не решаюсь с Вами согласиться. Хоть ножа при Вас и не оказалось, он мог быть у Вашего сообщника, который удрал, бросив Вас, и которого Вы не стали называть, справедливо опасаясь, что за групповую попытку ограбления срок отсидки будет больше. Вашего сообщника видели только старушки, которые сидели на лавочке у подъезда...

Впрочем, против обижаемой бабушки Вам хватило бы и шнурка, найденного у Вас при обыске. Но всё это - из области допущений, поэтому перейду от фактов к делам душевным.

Как я уже докладывал, мне близка упомянутая Вами гипотеза о переселении душ и их необратимом совершенствовании. Формально я даже не стал бы возражать, что Ваша душа трепещет на пороге светлой жизни. Но не могу согласиться с тем, что сия гипотеза (а не теория, заметьте!) окончательно подтверждена фактами. Научно доказанная теория, как Вам должно быть известно, предполагает возможность произвольного повторения подтверждающих опытов. То есть, в нашем случае, для подтверждения своих утверждений Вам, Святослав Гавриилович, пришлось бы прибегнуть к ускоренному перевоплощению - путем смоудушения, например, чтобы все мы, дождавшись Вашего возмужания в новом теле, могли бы - лет через двадцать - увидеть человека более совершенного: скажем, хотя бы не склонного к нарушению Уголовного Кодекса.

Теперь о Вашем пожелании. Поскольку последнее деяние не доведено до тяжких последствий, оно, вероятно, и будет квалифицировано судом так, как Вам хочется. И Вас, вероятно, вышлют из города на поселение, под гласный надзор участкового, и Вы получите желаемые возможности для совершенствования уже при этой жизни.

От всей моей души желаю Вашей душе скорейшего прозрения.

Напоследок - о Вашей сестре. Вам будет разрешено с ней свидание, и я прошу передать ей по-родственному, что притон, который она тайно содержит под видом швейного ателье, может очень скоро стать причиной очередного душевного и телесного краха.

Чтобы Природа на нас не слишком отдыхала, Святослав Гавриилович, нам самим надо тоже что-то предпринимать. Мне лично в этом смысле импонирует другая гипотеза, почти уже доказанная: "На Бога надейся, а сам не плошай".

С пожеланием не плошать, искренне Ваш

Подпись неразборчива. Дата.

Письмо второе.

Вот такая переписка. Почти научный диспут с элементами шахматной партии. Молодец Прокурор. Мог вообще не отвечать, но ответил. Почему? И почему мне это важно знать? Разве тон его письма не отвечает на все мои вопросы? Ни при какой чистоте моей руки - он её не пожмёт никогда. Один писатель дал этому окончательное название: разница культур. Другие писатели называют это параллельностью миров. Мне нет входа в мир прокуроров. Не жить рыбе среди бабочек.

Ладно, с этим, допустим, ясно. Следующий вопрос: подсудны ли рыбы дела бабочкам? Среди бабочек тоже ведь не все Адмиралы: и ночные водятся, и однодневки... Ну, и тут не стоит мудрить. Софистика. Бабочки, рыбы, овцы, волки - это всё имена людей. Разум мой проснулся и хочет кушать. Но дешёвая блатная софистика для него больше не еда. Если человек сначала совершает животный скачок, а потом слегка напрягает разум, чтобы его оправдать, имя ему - кузнечик. Насекомое. Чтобы имя стало - Кузнец, надо сначала хорошо-хорошо покипеть мозгами, а уж потом - сделать Дело. Это и будет Дело Человека. Творчество.

Стоп-стоп, такое торжественное кипение нам тоже не нужно, Я вор, граждане. Я получил условный срок - как рецидивист - за попытку ограбления бабульки. Правда, недоказанную. Увидел ключи в ЗАКРЫТОЙ двери, позвонил в эту квартиру и хотел сообщить хозяевам об их оплошности, но тут все выскочили, набросились... Это для суда. Чтобы срок не мотать. А для себя - так оно и было. Выдернул ключи на ходу, пока они болтали о капусте, потом вернулся... Более того, я знал, какие сволочи живут в этой квартире. Сын бабульки, инженер-строитель, подрядился отгрохать кооперативный гараж на сто легковушек, собрал с людей большие деньги, купил сыну и дочери по квартире, себе - дачу и теперь скрывается, клещ, на этой даче от кредиторов-кооператоров. У людей машины гниют под дождём и снегом, их "разувают", "раздевают", угоняют. Люди звереют и готовы сжечь дачу и разгромить квартиру.

У меня в этой истории, если объективно, роль санитаря. Пока не сожгли и не разгромили, я считал вполне порядочным делом вынести хоть какие-то ценности из обречённой квартиры. Там что хозяин, что его жена - одного поля. А бедная бабулька - просто в сторожах при барахле. Вот как на духу, перед самим собой: не собирался я её ни душить, ни глушить, ни тем более резать...

Снова стоп. Зачем ворошить прошлое, в котором меня уже нет? Оно во мне - да, но и что ж с того? Память - природное свойство, с этим приходится жить. Но на то и разум, чтобы с этим справляться, верно? Я ведь и не лукавил, когда писал ему, что пошёл душой на поправку. Мог же сразу молча прыгнуть в квартиру, бабку - по темени, в пять минут всё обшмонать и - живите богато. Но я был деликатен! А деликатность - неоспоримый признак духовного роста. Вот о чём бы вам подумать, г-н оппонент с неразборчивым автографом.

Однако и это - не самое интересное. Насчёт сестрёнки горячо любимой заброс сработал - вот что важно. Мариша дала повод, её пасут, и г-н Прокурор, имя которому, конечно, Сидорище Владимир Митрофаныч, это подтверждает собственноручно.

Хороший, кстати, правильный человек. Не затеять ли с ним переписку? Уважаемый В.М.! Пишу Вам из деревни Лапа, что в четырёхстах двенадцати километрах от столицы Томской области... Ну и так далее. А чтобы ему хотелось отвечать, письма должны быть остренькие. Мол, поселили меня в заброшенном доме недавно умершей учительницы. Запущенный огород после доброй старушки подниму, как только сойдёт снег, а пока читаю книжки из её личной библиотеки да ловлю рыбёшек в речке Айке, чтобы не замычать, не захрюкать от мелкой учительской картошки. Трудности и педагогическая литература перековывают мою душу, г-н прокурор Сидорище В.М...

Нет, дружок, не буду я тебе писать. Не на что купить конверт. И негде. И сбросить письмо некуда. И вообще, мне было важнее добыть удочку. Тут Боженька помог: нашлась у покойницы в тайничке бутылка водки. Видно, хранилась для расчёта с трактористом за вспашку огорода или там за дрова. Боженька помог обнаружить, да и я не оплошал: сторговал за неё целых две оснащённых удочки и к каждой - по запасному крючку номер семь. Речка тут неширокая, но, говорят, до дна - шесть метров.

Так что, Митрофаныч, писем моих не жди. Но писать их я, пожалуй, всё же буду. Мне нужен собеседник. В моём нынешнем положении без собеседника трудновато. Хоть и сам напросился. А суд учёл пожелания, так сказать. Почти буквально процитировали прокуророво письмо, хотя и не сослались. Мол, чувствуется, что подсудимому трудно будет плотно встать на верный путь среди бездушных уголовников на зоне, посему сошлём его в заброшенную, точнее, совсем брошенную деревню в самой глубине сибирских руд, дабы в просветлённом одиночестве мог предаться самосовершенствованию. Это, конечно, с Вашей подачи, г-н Прокурор. Большое Вам мерси.

Правда, в трудоустройстве помощи не оказали. Суд поручил это дело участковому. Самому старшему участковому на все здешние руды и особенно болота. Бессмертному Петру Андреевичу, а?! А тот подвёл меня к воротам, вручил ключ от двери и сказал речь. Всю дорогу молчал, а тут - сказал речь.

- Они на тебе, Гавриилыч, ставят эксперимент. Если провалишь, законодательство ужесточить могут, а оправдаешь - будет повод к смягчению. Хоть я и не верю... Что найдёшь в этом доме -

твое. В подвале - картошка. На чердаке - лук. В огороде - двадцать соток земли. На дворе - скоро май. Советую: если хочешь выжить, сади побольше картошки. Срок посадки - после двадцатого, когда луна пойдёт на убыль. Не хватит земли в огороде - копай за оградой: тут всё твоё - до самого леса и далее. Что в лесу найдёшь, тоже твоё. В речке - рыба. (Тут он и сказал про шесть метров глубины). Раньше автолавка привозила хлеб и прочее, теперь надейся только на меня. И в смысле почты... Бежать не советую, хоть ты и доброволец вроде... Насчёт трудоустройства - сам видишь. Вот если к концу лета, дай Бог, что-нибудь начнут делать с освоением здешней нефти, тогда, может быть... Ну, бывай пока. Раньше июня навестить не смогу.

И ушёл к вездеходу. Во что он не верит, я так и не понял. Ну, это и не важно. Важно, чтоб мне было во что верить.

На дворе пока что стояло начало апреля, но зимник уже падал. Когда стану очень старый (я, конечно, доживу), начну однажды наводить порядок в своей городской квартире, выбрасывать хлам и наткнусь на тетрадку с этими неотправленными письмами (я их напишу, наверно, много). И прочту, раскрыв наугад: "Зимник падал". И задумаюсь: что такое "зимник" и как он падает? И, может быть, вспомню, как мы с участковым и с несколькими встревоженными начальниками ныряли на вездеходе из рытвины в рытвину - целых сто девяносто километров по лесной просеке. По пути вытащили пару застрявших днём грузовиков. Наши внутренности не пообрывались только потому, что перед отъездом нарочно никто не ел. Мы ехали всю ночь, по заморозку. Утром они оставили меня в деревне и поехали дальше, в изыскательскую партию, где кто-то кого-то за что-то (или ни за что) зарезал. Там они намеревались пробыть до ночи, чтобы дорогу опять прихватило морозцем. Потому что по упавшему зимнику не везде пролезет даже вездеход.

Но это к слову. Человек в одиночестве становится словоохотлив - особенно если есть время. А его у меня пока что навалом. И не только для болтовни, но и для подвигов.

Мой первый подвиг - водка. Какой должна была быть первая мысль, когда во мраке тайничка блеснуло бутылочное стекло?

Ведь два повода для выпивки, как минимум: радость свободы и горе одиночества. Ведь на двести километров вокруг - безлюдье полное, если не считать этих изыскателей, что любят резать друг друга. Ведь, наверно, по пьяни схватились за ножи? А спиртное могли и вездеходом доставить, и вертолётom, и сами сделать. Встревоженные начальники при мне обсуждали по пути эту проблему.

Дескать, лишнее подтверждение неосуществимости "сухого закона" даже в полевых условиях...

Мысль о двух поводах к выпивке у меня была, разумеется, первой. Вторая мысль была о третьем поводе. Старую учительницу похоронили здесь поздней осенью. Мне участковым (Бессмертный!) показал свежий крест на заброшенном кладбище. Теперь сам Бог, казалось бы, велел помянуть хозяйку её собственной выпивкой, чтобы в её домишке мне жилось... Вот тут подвиг и состоялся - с третьей мысли. Раз бутылка была назначена к натуральному обмену, в интересах выживания, стало быть, туда ей и дорога,

Вот как интересно. Когда водки было кругом полно, когда проблема состояла просто в добычании денег на эту беду, мне бы третья мысль и во сне не приснилась: что под рукой - на стол, а прочее - всё завтра, если оно наступит. Теперь же всё вдруг стало наоборот: завтра наступит обязательно, оно будет наступать каждый день, его будет навалом, а вот бутылка - всего одна, а вот денег - нет и взять негде. Интересно...

Я дождался, когда начальство - не останавливаясь - проедет обратно, и по следам вездехода отправился к изыскателям. Это было на следующий вечер, когда, по моим представлениям, должен был закончиться рабочий день.

Первый раз в жизни прошёл я десять километров по дикому лесу. Правда, это была не нагрузка, скорее - экскурсия: по просеке, по разбитой дороге, но всё же не по тайге, не по бурелому. Настоящие трудности я разглядывал с просеки и ужасался, как можно вообще там ходить - охотникам, изыскателям и тому подобным. Даже почти в середине весны снег по пояс и всюду торчат наклонные брёвна с острыми сучьями. Где кедр, где сосна - я не отличал. Только ёлки да берёзы. Почему-то некоторые из нетолстых берёз были согнуты дугой, в сугроб верхушкой. А старые ёлки, как казалось снизу, царапали острыми вершинами облака. Кстати, облака летели быстро и всё гуще, но на это я внимания не обратил. Меня больше занимали древесные завалы по краям просеки. Я думал: если все стволы с этих десяти километров подобрать, вывезти да продать, то хватит на целый вагон таких бутылок, что у меня за пазухой, да ещё останется и на удочки, и на лодку, и на мотор... А кора на берёзах гладкая и чистая, из неё я видел в городских витринах женские украшения, резные короба, даже целые картины... Только как её снимают? Не вредно ли деревьям?.. Какие-то птицы перелетали передо мной через просеку. Они были с курицу, даже с гребешками и кричали на меня из леса.

В общем, дошёл не скучно, благо сапоги были новые, подаренные Виктором, мужем Маруси, и куртка брезентовая, на вате, с воротником из искусственной цигейки - его же. Морозик к вечеру уже пощипывал, и уши у старенькой кроличьей шапки я завязал на затылке, как носил только в детстве. В лесу стесняться некого, зато удобно, даже уютно.

Просека была прямая, как по линейке. От базы изыскателей она уходила ещё дальше в лес, а их вагончики и пара тракторов стояли сбоку, на поляне. Только положение их было не рабочим, а скорее предположительным. Один трактор молча стоял, запряжённый в железные сани с вагончиком, другой трещал, дымил и пыхтел к таким же саням, двое мужиков занимались прицепкой, а ещё трое стояли тут же и сочувствовали.

Мне кивнули. Самый длинный спросил: "Поселенец?" Другие засмеялись вполне дружелюбно.

Когда к такой компании подходишь, всегда есть некоторая робость: что у них за отношения? не пошлют ли? какой тон у них принят? В эту компанию я вошёл как свой. Они так раздвинулись и заговорили, что я сразу стал одним из них. И "поселенец" - это не обидно, такое слово надо ещё найти.

Помолчали, пока тракторист не заглушил мотор. Тогда длинный сказал мне: "Ну, пошли пить чай".

Вагончики такие я раньше видел только со стороны. Вход посередине, справа и слева по комнате, а между ними кухня-сушилка. Печка дровяная. Электричество - от маленького движка, который трещит снаружи, на этих же санях. Рядом с движком - ящик с замороженной картошкой. В комнатках тесно, всё пропахло соляжкой. Эмалированная посуда, алюминиевые ложки и вилки. Но чай хороший, и заваривают правильно.

Я выставил свою бутылку не без опасения: нет ли у них строгостей после пьяной поножовщины? Но они очень обрадовались.

- Ты даёшь! - тракторист Лёха явно одобрял.

Самый из них молодой, Вася, начальник партии, погладил свою начинающуюся бородку и солидно сказал, что Сашку надо помянуть, а то не по-людски...

Я спросил: "А что было?"

Длинный Женя сказал, что Сашка просто зарезался по личным каким-то мотивам. А Лёха сразу перевёл разговор на меня: мол, на ночь да за десять километров я ведь не просто знакомиться пришёл, да ещё с таким дефицитом.

Женя у них, пожалуй, был в авторитете. Он сказал Лёхе, что не надо так гнать, всё равно после чая положено отдохнуть, а уж потом ехать. И посмотрел на Васю. Тот солидно кивнул.

Чай у них был с сахаром и с галетами. Пошутили: "Вот ты теперь северянин, должен знать, сколько дырочек на галете". И объяснили, что галеты бывают двух видов - на сорок девять дырочек и на пятьдесят шесть.

Чай после глотка водки раздобряет человека. Они коротко представились мне, я - им.

Вася - сразу после института. Хоть в ПОЛЕ и бывал на практике, но этот ПРОФИЛЬ у него первый свой.

Женя действительно старше всех по возрасту. Боксёр, был кандидатом в мастера, убил кого-то в драке кулаком, отсидел двенадцать лет и столько же разменял прошлой осенью в сейсморазведке. Он из них самый интересный. Самый открытый. И любит всё анализировать. Потому его и слушают. Сказал, например, что человек после семи лет отсидки становится кадровым зеком, то есть на воле жить уже не может. "А ты?" - Лёха спросил. "И я. Потому и не могу бросить СЕЙСМУ. Здесь на зону похоже". "А мы - на зеков?" - Вася спросил серьёзно, он вообще серьёзно и шутит, и говорит. "А вы как раз наоборот, - сказал Женя. - Так любить свободу, как зеки, могут только полевики. Но это люди разных полюсов". Интересный человек, я бы с ним работал.

Спросили, конечно, за что меня "поселили". И я не смог выдать из себя, что за попытку ограбления. Это среди воров было бы нормально, а на этом полюсе не воруют вообще - тут нет замков. Я сказал, по примеру Жени, что, мол, многовато сдачи дал.

Крепыш Вася оглядел мою шуплую фигуру и сурово резюмировал: "В общем, решили, что медведю с тобой мало не покажется". Женя засмеялся вместе со всеми, но сразу возразил: "А и с медведем сила - не главное. Надо только, чтобы встал на задние лапы. Бросаешь выше морды шапку, он передними лапами ловит, а ты в это время смело, шустро, острым ножом, всем телом, сверху вниз порежь ему живот и ныряешь вбок, под лапу". "Нож, конечно, нужен бритвенно острый, - сказал Лёха. - Как у Сашки покойного". Вася достал откуда-то длинный тяжёлый нож с полированным хищным лезвием, снял стружечку с ногтя, потом вернул в ножны, покачал на ладони и вдруг говорит: "Не могу я этот чёртов нож... Зря оставили... Давайте ему подарим". И положил его мне на колени. Женя сказал: "Тем более, ему сейчас ночью обратно идти. Медведи ещё спят, а волков видели. У тебя оружия, конечно, нет?" "Откуда у него оружие? - Ваня, самый молодой из рабочих, подал голос. - Давай-те, ему ещё топор дадим. Сашкин..." Отдали мне и топор. Сказали: "Пока хватит, а то тяжело будет идти. Мы через две недели сезон закончим, поедем мимо тебя, вот тогда оставим кое-чего на разживу. Пилу там, лопату, гвоздей... Ты осмотришься да списочек составь. Выбросили, ироды, человека, как на помойку..."

Я только и мог сказать, что, мол, за острые подарки, по примете, полагается копеечку платить, а у меня - ни полушки. Женя ответил, что по примете можно рассчитывать выпивкой...

Они нажали свои стартеры и потащились дальше по своей же просеке. Можно завидовать - всё у людей своё.

А мне, хоть и разомлел с ними в тепле, было в общем неплохо идти. На поясе - классный нож, на руках - новые верхонки, под мышкой - хороший, очень острый топор, в кармане - всё для рыбалки: лески, крючки, плотный пенопласт для поплавков, свинцовые бомбы от взрывчатки - на грузила, а на спине - тоже память о покойном Сашке - старенький, но целый и прочный рюкзачок, а в нём - целый клад - рыболовная ставная сеть, двадцатиметровая "сороковка" - вот какое слово теперь знаю! На шнурке я к тому же тащил за собой старенькие - тоже Сашкины! - широкие самодельные лыжи. В их верёвочную сбрую меня научили впрягаться, но советовали сразу в лес не ходить, а попривыкать на старушкином огороде к этим самозатягивающимся ремешкам и шнуркам.

Я от них вообще вышел полным таёжником, матёрым медвежатником. А на волков мне было плевать и чихать, хоть они и любят ходить по дороге.

Тем не менее я на всякий случай всё время оглядывался назад, а по бокам почему-то мерещилось пластичное мельканье звериных тел.

Чтобы не слишком думать о хищниках, я думал о шнурках. Казалось, что если хорошенько о них, точнее, об одном из них подумать, тогда обида как-нибудь сгладится. Ведь никого же я не собирался давить тем шнурком, что отобрали тогда ретивые менты. Он был от сумки, которую пришлось выбросить, потому что её прорезал в троллейбусе какой-то хмырь с квалификацией. Хороший был шнурок. Того нахального ширмача, что испортил сумку, я бы этим шнурком, пожалуй, наказал бы...

Домой я притащился далеко за полночь, в изрядно изнурённом состоянии. Те стремительные пушистые облака, за которые так живописно цеплялись вершинами монументальные ёлки, давно улетели, и теперь ёлки эти гнулись под напором тяжёлых чёрных туч. Из туч хлестал "проливной" снег (жаль, нет у меня для него комплимента крепче). Мокрые хлопья залепляли рот и склеивали ресницы, а потом полетело что-то мелкое и густое - смесь муки и песка, и оно лезло во все щели и складки, и кое-где протекало и залипало, так что "домой" - это было действительно домой. Я эту избушку любил как родную, когда она впустила меня, и ветра больше не было, и можно было раздеться, и было чисто и просторно и не пахло солёной. А просторно было не настолько, чтобы затосковать, но в самый раз. И новый нож можно было на радостях метнуть в бревенчатую стену. Но я, так же, как Вася, покачал его на ладони и убрал обратно в ножны. Зачем ковырять МОЮ стену, ломать об неё МОЙ нож? Авось пригодится ещё для работы или уж, на худой конец, зарежусь я им, как прежний хозяин... Но в этот вечер мне резаться не хотелось. Я чувствовал себя - впервые! - не выскочившим удачно вором, а одолевшим стихию человеком. "На равных с пургой" - красиво, как в газете.

Но главная радость - электричество. В брошенной деревне провода на столбах были под напряжением! Я не думал об этом чуде, когда первый раз вошёл в избушку и привычно щёлкнул выключателем. Ужас пришёл, когда выключил свет перед уходом в гости: чудо сотворено головотяпством - осенью, после кончины старой учительницы, кто-то забыл обесточить линию с одной лампочкой, и теперь они там могут это вспомнить и сделать в любой момент. Вот вернусь от сейсморазведчиков, а они тут как тут - те самые условия для духовного развития, на какие напрашивался и каких, в общем, заслужил.

Могла греть только возможность, о которой без уверенности говорили изыскатели: если с освоением здешней нефти дело пойдёт правильно, тогда на берегу Айки отремонтируют причал, построят склады, поселят летом рабочих, будет и надёжное электричество, и снабжение, и какая-никакая работа для меня.

Но это - вилами по воде. Вот так-то, г-н Прокурор.

Письмо третье.

Привет, г-н Прокурор! С Богородицей Вас!

Седьмое апреля. Утром летала какая-то птица вроде синички и звенела: "Теплее-теплее-теплее-теплее!" - совершенно отчётливо, сериями из четырёх слов. Много раз повторила, чтоб все знали. Праздничное чудо. На этот праздник, я слышал, сбываются и знамения. Мне вчера вечером выпало. (Суеверным становлюсь).

Солнце уже село, но было ещё светло. Я дошёл с ведром до колодца, нацепил его на карабин, опускаю вниз, а сам гляжу на вечернюю зарю. В городе нет таких небесных красок, да там на небо вообще не смотрят. Здесь же оно мне заменяет и картинную галерею, и телевизор, и радио, и концертный зал (бывали мы и там, учительские дети). Так вот, над лесом, на высоте Венеры (Вы видели Венеру, Прокурор? Она восходит раньше Солнца и называется Утренней Звездой), но только на западе - светилось нечто, очень на неё похожее: и яркостью, и голубоватыми лучами. Она притягивает взгляд, Венера. Я всмотрелся и обнаружил, что она летит. Вполне заметно для глаза: как будто с горки, медленно и плавно, как удаляющийся спутник, только ярче. Недоступный мир сверкал в небе. То был, возможно, самолёт, а может, правда, спутник? Так я думал, глядя на звезду. Но вдруг она тихо распалась. Не взрывом, а как будто разделилась на группу малых звёзд. Мне показалось - их четыре. Я взрывов издали не видел, но полагаю, что издали они замедленными кажутся. Все звёздочки летели плотной группой и тем же курсом не более шести-семи секунд, потом погасли, растворились в небе. Оно осталось жёлто-голубым, без признаков малейших дыма или копоти...

Что это может значить для меня?

Первая мысль - на поверхности: воровская звезда моя гибнет и растворяется в природе, как будто я заживо похоронен среди агрессивной и равнодушной красоты, где нет места... кому? Да просто мне - вот такому, каков я есть. Всеми и всем можно, а мне - нет. Цветут жёлтые шарики на талине. Я знаком с этим растением. Оно скрашивало мою жизнь на "тройке" (знакома Вам такая зона в Томске?) Ползают по снегу какие-то щуплые паучки. Чем они питаются? Для чего существуют? Но, значит, нужны зачем-то этой красоте? Ворона, однолапая калека, прилудилась, прыгает по двору, что-то клюёт. Она тоже зачем-то нужна. А я, выходит, нужен лишь затем, чтобы расчистить двор от снега для вороны - ей так удобнее искать учительские объедки. Прошлогодние объедки - нужнее меня.

Всё понятно: я четвёртый день в одиночестве, оно начинает сказываться.

Один старик на зоне (как раз на "тройке", в первую отсидку) мне говорил, что мистика рождается в одиночестве. Не понимаю, как запомнил. Ведь я его тогда не очень слушал... Вот бы сейчас его сюда. Он знал кошмарно много. Он был в войну мальчишкой, вырос в лесной деревне, сел впервые по 58-й статье, за анекдот про Сталина. А после - покатылся. В шестую ходку я его застал. Он вспоминал своих учителей - и зеков политических, и урок, и старого охотника-отца, и собственные подвиги. Короче, я его своим учителем считаю, а не Вас, мой Прокурор. Вы мне - крёстный отец, ха-ха.

Итак, ещё немного о мистике. Пока я живой, а истолковывать знамения больше некому, займусь этим сам. Копну поглубже.

Зачем погибать, если ты ещё живой, да? Будемте считать, что это не воровская звезда моя погибла, а личность раздвоилась. Те несколько секунд, что звёздочка на небе горела по частям, для меня могут быть целой жизнью. И гореть мне - частью в воспоминаниях, частью в мечтах и воображении, а частью - в реальности: в этой брошенной деревне, в этом дворе, вместе с однолапой вороной. Оптимистом Вы умеете быть, мой Прокурор?

Письмо четвёртое.

9 апреля. Привет, Прокурор.

Моё свойство: заболеваю всегда на третий день. С пятого на шестое - поход в гости, двадцать километров пешком, в пургу, а сегодня - погибаю.

Я этого ждал и заранее натаскал в избу дров, набрал во все вёдра воды и наварил картошки. Пурга реветь третьи сутки, а я выползаю только раз в день до ветру (до пурги?) и опять лежу. В горле репей, глаза не вертятся, всё тело ломит. Когда дремлю - мнятся кошмары. А когда не дремлю - болит зуб. Бывают зеки без туберкулёза (это я, чем горжусь), но не бывает зеков с целыми зубами. Это наш кошмар. Это МОЙ кошмар, теперь ничего НАШЕГО у меня не будет. Здесь никто меня не найдёт и не достанет.

Нет, это бред. Надо подремать.

Подремал. И опять пишу. Единственное, что могу делать. Даже читать нет сил. Это, оказывается, труднее. А писать - могу. Сочетаю умственный труд с физическим. И оба - посильны. Писателем легче быть, чем читателем. И интереснее. Создаёшь новые ценности. Каждая фраза - новая ценность. Вот приедут изыскатели, найдут моё остывшее тело, а рядом - эту тетрадку. Останется после вора его умственный и физический труд. В единственном экземпляре.

Новое для меня чувство. Желание что-то оставить. То всё брал. Весь мир был мне должен. Теперь - я ему. Не человечеству и не Богу, а МИРУ, которого и обозначить толком не могу. Не умею. Время брать и время отдавать. У кого это? Библия?

Как Вам мой бред, Прокурор? Но дремать нельзя: тогда он ещё страшнее.

Знаете, мой враг, я вдруг представил, что Вы - не Сидорище В.М., а женщина. Вот бы Вы согрели меня сейчас. Ведь бывают прокуроры-женщины. Бутербродиком.

Ну, хорошо, эта тема - запретная. И с мужиком мне сейчас легче беседовать. Ты, Митрофаныч, мужик правильный, на суде держался достойно. Никто не догадался, что мы состоим в переписке. Ну и ладно. Давай-ка лучше составим список для друзей-сейсморазведчиков. Авось не помру.

Сначала оценим наличное. Топор, ножовка, пила двуручная с перекладкой, чтобы пилить в одиночку. Напильник - она сама точила пилу?! Молоток, плоскогубцы, лопата, тупка (ах, хорошо: у сейсм, наверно, тупки лишней нет!). Брусочек, чтобы точить ножи и топор. Посуда - для одного в достатке. Спичек мало. Из экономии прикуриваю от электроплитки. Осталась одна сигарета. Я не буду её курить. Когда встану, я брошу её в печку - всю целиком. И брошу курить. Да и куда я денусь? Но это важно: чтобы не курево меня бросало, а я - его.

Мне ни в чём ничему нельзя уступать. Иначе - остывшее тело. А мне с ним пока что жалко расставаться. Вы слышите, мой Прокурор? Вы не доживёте до моего следующего воплощения. Ваш совет насчёт ускорения с помощью удочки пропущен мимо ушей.

Да, здесь труднее, чем на зоне. И тебе, Митрофаныч, очень хочется, чтобы я сам пришёл и сдался: возьмите, добрые люди, за колючку. Не доживёшь! Может, и я не доживу, куда хочется, но одно точно: никому ни разу Славка Гость не поддавался. Назвать меня никтожеством - никто не доживёт.

Сейчас я встану и полечусь тёпленькой картошечкой. Потом лягу и буду ждать выздоровления. И дождусь. А вы - не дождётесь.

Даже нет. Я полечусь и начну разбираться с бабушкиным наследством.

Вот и вечер. С электричеством. И с аж пятью запасными лампочками. До лета хватит, а там закажу участковому.

Опять лежу. Подлеченный сразу от всего. Единственным доступным средством - растительным маслом и чесноком - зековской панацеей. Тут полно всякого добра для единственной мышцы - сердечной: валерьянка, пустырник, валидол, корвалол, нитроглицерин. Как увидел их целую полку в шкафу, сразу вспомнил маму, тоже старую учительницу: "Светя другим, сгораю" - любимое присловье. Душа заныла. Но душу лучше сейчас не бередить. У меня и так всё болит. Мышцы - это ещё терпимо. Простуда - уже похуже. Но зуб?! И ни одной бормашины поблизости. Пришлось чесноком. Кусочек - по размеру - в дупло, а остальное - мелко крошил, подождал, пока выделится защитный фермент, потом медленно сжевал натошак. У славной старушки осталось целое ведро подсолнечного масла. Ведро новое, эмалированное, с крышкой, а масло - пахучее, явно с Кубани. Какая-то добрая душа ей привезла сюда, чтоб надолго. А спасёт оно одного меня. Но спасёт - это точно. Живучий зек держит его двадцать минут во рту, пока оно вытягивает из организма всю заразу. А потом надо выплюнуть. Время засекаю на глаз, по состоянию масла во рту: вот загустело, это полдела, потом снова стало жидким - можно выплёвывать. А времени у меня тут нет. Хозяйство не разворовано - некому уже было, а те, кто хоронил, просто взяли кое-что на память. От радиоприёмника осталась только антенна - проволочка за окном. От будильника - пустая салфетка на комод. Ушло и кое-что из книг, но несущественное: романы какие-нибудь, судя по пустым местам. В целом же библиотечка сохранилась. Несколько полок - два книжных шкафа. Расставлено всё по темам: художественное (только там и порылись), медицина, природа, справочники по разным отраслям. Я не умею молиться, но за эти книги, за растительное масло, за чеснок, дрова и картошку, за эту избушку - я всё время, каждым своим живым движением прошу у Боженьки царствия небесного для Анны Фёдоровны Саблиной. Пусть она и в раю преподаёт биологию и географию - там ведь тоже полно детей. И неучей-взрослых, вроде меня.

Анна Фёдоровна! Я Вас не подведу. Всё тут без Вас будет правильно.

Пора заканчивать это письмо и гасить свет. Очень паршиво без хлеба, но некоторая пустота в желудке всяко полезна: раковым клеткам нечего жрать, и онидохнут от голода. Чего я желаю и тебе, Митрофаныч, мой враг и спаситель. Надолго ли?..

Завтра выплюсь, поздно встану и начну читать попеременно две великие книги: Библию (Екклесиаста, конечно) и "Домашний огород" Смирнова. То есть, буду готовиться к майским заботам на собственной земле и к вечной жизни - когда-нибудь потом. Заодно поучусь умственному труду.

Письмо пятое.

День Космонавтики, 12 апреля.

Враг мой Прокурорище!

Пора делать чистосердечное признание, а то боюсь не успеть. Вот ты мне враг, а оказался человеком, выручил в трудный момент, сослал подальше. Теперь моя очередь делать услугу правоохране. Не тебе лично, а сыскарям, но это всё равно, надеюсь.

Так вот, все нераскрытые квартирные кражи, выполненные без признаков насилия, можете записать на Святослава Гавриловича Гостяева, по-блатному — Славку Гостя. Хорошая кликуха, начальник, очень точная. Я входил в квартиры, как гость, которому хозяева доверили ключи. Я брал только деньги и драгоценности. Я ничего не ломал, даже не разбрасывал, и аккуратно закрывал за собой квартиру. Правда, всего на какой-нибудь один из их замков, чтобы люди сразу понимали: побывал Гость. Но ни записок, ни пальчиков я не оставлял.

Это признание достанется вам лишь при большом везении. Для этого нужно, чтобы мой дух расстался с телом, а кто-нибудь из вас прочёл мою писанину. Это всё - маловероятно. Я у вас - человек списанный. Если помру от старости или от истощения, следствия не будет. Но если меня убьют прямо в этой избе, а исполнителю не хватит ума (и времени) порыться в бумагах, вот тогда только и появится у вас шанс расписать несколько квартирных "висяков".

Почему я так рано схватился за сердце? Оно что-то почуяло, а я ему доверяю. Те, кому я нужен, могут подумать так же, как я, и пойти тем же путём - вот и придут ко мне в Лапу. Участкового с пистолетом рядом не окажется, они попробуют взять у меня то, что им не принадлежит, и я под пытками отдам Богу душу. Душа тут же воплотится в каком-нибудь младенце, но Вы об этом, мой Прокурор, не узнаете и не сможете проследить за моим духовным ростом в новом теле. Всем будет непруха.

Ну и хватит загадок. Все карты на стол.

Детская романтическая странность. Помните, я в самом первом письме рассказывал, как Маруся ограбила подружку? Я уже тогда был ей духовником и при обсуждении вдвоём этого "скачка" предложил невероятную для десятилетнего пацана вещь. Я сказал: "Раз у тебя kleptomания (тот следователь назвал Марусе её болезнь), то ты ни в чём не виновата. Значит, надо обеспечить тебе

безнаказанность. Нужна такая система, чтобы ты не попадалась. Если бы у тебя были ключи, ты вошла бы в ту квартиру, когда никого нет дома. Для этого надо поучиться у папы - он ведь инженер-механик".

Маруся не имела способностей к механике, и мне пришлось всё это взять на себя. На уроках труда я стал отличником по слесарному делу. Отцовские книги стали для меня тайно-настольными. Он это замечал и тайно-наивно гордился. И как бы нечаянно дарил то набор слесарного инструмента, то тисы, то электроточило, то свёрлышки, то надфиль... Когда кто-то в семье (и не только в нашей, но и у всех друзей) терял какой-нибудь ключ или у кого-то ломался какой-то механизм (даже часы!), шли сразу ко мне. И поэтому, когда я вытачивал что-нибудь по Марусиному слепку (пряча его, конечно), родители только радовались: ребёнок при деле, идёт по отцовским стопам. И ставили в пример сестре.

Первую квартиру мы взяли, когда мне было тринадцать, а Марусе - пятнадцать лет. Я легко открыл дверь, щёлкнул языком, Маруся взбежала ко мне с нижнего этажа, мы вошли и на радостях обнялись: всё путём! Уже тогда мы решили брать только то, что очень дорого стоит, не имеет особых примет и уместается в кармане. Мы искали по ящикам и ящичкам, не оставляя следов, и взяли, помнится, какие-то кольца, серьги и цепочки из берестяной резной шкатулки. Осторожно приоткрыли дверь, Маруся вышла первой и уже снизу щёлкнула языком. Я аккуратно запер дверь, и мы удалились. Я спросил: "Полегчало?" Она на ходу прижалась ко мне плечом и сказала: "Две недели живи спокойно. Ты мой ангел-хранитель".

Деньги мы умеренно тратили, следуя клятве ни в чём не нарываться. А из драгоценностей (Маруся была равнодушна только к косметике) решили соорудить клад. Он и сейчас там, где мы его заложили. Место такое, что просуществует вечно, и никто не найдёт. Маруся с ним не пропадёт, а мне - ничего не нужно. И не ловите её: не поймаете.

Просматривая мои уголовные дела, ты, Митрофаныч, небось, удивлялся: классный слесарь-лекальщик с дипломом техника-механика сидел то за особо злостное хулиганство, то за уличное ограбление, то за нелепое нападение на таксиста. Во всех случаях я занимался не своим делом, а прикрывал таким способом наш очередной квартирный "скачок", когда что-то не складывалось. Не буду вдаваться тут в подробности. Сегодня моя сестра давно чиста перед законом, никакой притон вам на неё не повесить. Единственная судимость, когда она сорвалась в моё отсутствие, уже давно снята, и сделать моих любимых племяшей сиротами вам не светит.

Маруся теперь вполне успешна в борьбе со своим недугом, моя помощь в модном ателье не нужна. Словом, имею все права на честную жизнь. Но - только права. Боюсь, что возможности весьма заужены.

Пора сказать о главном, почему я так спешу с признанием. Никому о кладе известно не было. Абсолютно никому. Не только о месте, но и вообще. Вдруг недавно, сразу после моей последней отсидки, подходит человечек. И кое-что мне сообщает. Такое, чего никто не мог бы знать. И на этом основании выставляет мне отступные. Изрядный вес в золоте. Я тяну разговор и пытаюсь сообразить, откуда он может быть в курсе. Он это скоро смекает и напрямую сообщает, что гадать не надо, что я никогда не догадаюсь, и лучше мне выбрать: сразу всё выплатить или договорится по частям. Но если по частям, тогда — по счётчику и с процентами. А есть ещё вариант: этот долг списывается, а я поступаю в его полное распоряжение. Он наводит на квартиру, я беру, он сбывает и так далее, в широком масштабе и с гастролями. У него есть деньги, есть люди, есть транспорт, есть хаты, нет только специалиста моего класса. И пусть я не сомневаюсь: он не только мой класс, а и всю биографию подробно знает назубок. И для верности ещё кое-что назвал. Я опять задумался, потому что, по новым подробностям, приходилось грешить на какую-то неосторожность Маруси, а мне этого сугубо не хотелось. Но он опять не дал мне времени. Сказал: "Ты же в нарды играешь? Вот и тут, как в нардах: чем меньше думаешь над ходом, тем лучше играешь. Делай ход". Я сказал: "В нардах можно делать сразу два хода". Он тут же, не думая, ответил: "Вот и делай первый". Тогда я, тоже не думая, сделал первый ход: "Согласен на совместную работу. Но что было - того больше нет". Он сказал, что ждал именно этого, и предложил сделать второй ход. Я сказал: "Сделаем вместе. Показывай дверь".

Я обманул его. Я ведь все квартиры брал только для сестры и немного ради своего азарта. Теперь сестра не нуждалась в ТАКОЙ помощи, а собственный азарт давно прошёл. Я хотел провалить первое же дело, а дальше — куда выведут обстоятельства. Я вошёл в тот подъезд, заметил внимательных старушек на лавочке и понадеялся, что они запомнят нас обоих. Я повёл себя провально и — провалился: бабка в квартире подняла шум. Когда меня повязали, я - по привычке - не стал выдавать сообщника, всё ещё надеясь на старушек у подъезда. Но они опознали одного меня. И всё сошлось: было официально признано, что я работал один.

Гражданка Судья, может быть, говорила тебе, Митрофаныч, что после оглашения приговора я напросился к ней на пару слов и очень горячо попросил скрыть от всего мира, даже от мамы, место моей ссылки: дескать, хочу исчезнуть до полного очищения. Она обещала.

А сегодня ночью мне приснился наш с нею разговор. И отчётливо явилась на её лице загадочная улыбка (даже меньше, чем улыбка, и куда там Джоконде!). Что означала эта тень внутренней полуулыбки, самому чёрту не понять, но лично мне сегодня ночью, ещё в полуболезненном бреде

померещилось: судья или кто-то другой, с нею рядом, сдадут меня моему беглому соглядатаю, и он явится ко мне в Лапу.

Лучше бы, конечно, в лапы. Но лап у меня всего две и не так уж крепкие, а у него, как я понял, целая шайка. Сотворить неожиданность они уж постараются.

Правда, за меня здесь сама Природа, спасибо исполнительным властям: если до полного падения зимника "хозяин" меня не отыщет, ждать ему до января будущего года. Иначе - только вертолёт. Или по большой воде. Но это для них тоже риск: тут же могут оказаться люди. Впрочем, на то она и неожиданность...

Зря вот только я назвал того паразита - "хозяином". Здесь хозяев двое - я и медведь. Без кавычек. А ЭТОТ для меня - гад ползучий, клоп вонючий, гнида македонская. Ещё посмотрим, кто кого раздавит. Чую, не зря и не случайно отдали мне такой хороший нож. И, по закону парности, быть ему ещё раз в человеческом теле. Впрочем, на то и законы, чтобы делать из них исключения. Я-то ведь не мокрушник. И надеюсь никогда им не стать. А на мокрушников мы поищем здесь какой-нибудь другой укорот. Закон — тайга.

Письмо шестое.

Тринадцатое апреля.

У неё в Библию вклеена вырезка из какой-то газеты. Дескать, необходимо читать Священное Писание ежедневно, перед сном, по пятнадцать минут. Ну и что же, мне это нетрудно, почитал. Но на первый раз не повезло. Где ни открывал, попадал всё на такие места, где "он вошёл к ней, и она понесла от него". Я давно за собой замечаю: чем озабочен, то и подворачивается. Ладно, выключил свет и заснул. И всю ночь снилось странное путешествие. Мы с Марусей куда-то идём и едем по городу в разных направлениях, а вместе с нами - молоденькая, хорошенькая, длинноногая, в короткой юбочке. Она в транспорте и даже на тротуаре, на ходу всё время жмётся ко мне и трётся об меня. А несколько раз, когда Маруся ненадолго оставляла нас одних, она без предисловий повисала мне на шею и обхватывала ногами. Юбочка задиралась сама, я тоже начинал что-то предпринимать, но сразу же слышалось приближение Маруси, и мы так ни разу ничего и не успели. До того замучила, что проснулся, зажёл свет, наугад раскрыл Библию — и что же прочёл? Какие сосцы у возлюбленной царя Соломона. Кстати, как раз такие, как мне приснились у этой, в тонкой блузочке без лифчика.

Сейчас бы сюда этого гада ползучего. А вместе с ним и тебя, Прокурорище. Интересно, побежал бы ты в лес, искать медведицу, чтобы войти к ней, пока она спит? И интересно, что бы родилось от такого входа? Что-нибудь для подтверждения поговорки: "Закон - тайга, медведь - прокурор"? А что получится у медведицы со мной, я, наверно, скоро смогу проверить. И лыжи подарили - не зря ведь? Тот старик, мой первый наставник на зоне, рассказывал, что медведица без шкуры до настоящего ужаса напоминает голую женщину. Ну, мы раздевать её не будем. Мы так...

Впрочем, я опоздал к медведице. Они уже, наверно, просыпаются. Не догнать... Кому - кого? Снежок заметно тает, хоть и пурга. Вот странность...

Письмо седьмое.

14 апреля.

Когда смотрю на этот нож, представляю, как зарезался им бедный (или счастливый?) изыскатель Сашка. Двумя руками всадил в сердце и вырвал потом, чтобы умереть наверняка. Завидная сила. Это верно, что самоубийство — не для слабых. Я вот точно знаю, что не решусь - никаким способом. Самое в этом страшное - представить своё тело трупом. В засохшей крови, с синим лицом, с вывалившимся языком, с пеной на губах, в неестественной позе, с бессмысленным взглядом, в луже мочи. Насмотрелся. Смерть не бывает красивой. Наполеон, кретин, в "Войне и мире": "Вот прекрасная смерть!" Бездарь без воображения. Прекрасной может быть только жизнь, отмеченная любовью. Всё прочее - навоз, перегной. Пусть душа даже и бессмертна, а тела всё равно жалко. Пока работает, зачем выбрасывать? Разве что отберут в драке. Но тогда, защищаясь, бояться некогда.

Сашкин нож мужики тогда подменили — на память. А вот сохранить не смогли. Он им мешал. И мне уже мешает. Но преодолею. Я ведь Сашку не знал, мне проще. Строгаю им дрова на растопку. Правда, продукты этим лезвием трогать пока не могу. Лук, картошку и морковь чищу маленьким, столовым. Убеждаю себя, что им удобнее. Чтобы кровь на этом красивом лезвии перестала мерещиться, им достаточно всего один раз отрезать хлеб. Но на это ещё надо решиться. А главное - хлеба теперь долго не будет.

Пурга слабеет, с сосулек текут струи. По солнышку начну осваивать лыжи. Вообще надо выходить из дома и из двора, иначе тронусь умом. Куда?

Письмо восьмое.

15 апреля.

До сих пор мне везло. До невероятности. Когда брали - не избили. Когда судили - не посадили. Сюда сослали в хорошее время, перед самым бездорожьём, тайно. Здесь, в полном запустении, не голодаю. Даже здесь нашлись добрые люди: обещали помочь, дали лыжи, снасти. Молиться надо.

Но я молиться не умею. В Библии есть какие-то псалмы, но они для моих молитв как-то не подходят. Другие чувства. Я вообще так понимаю, что дело не в молитве, а в вере. Не то чтобы спасение, а просто жить с верой надёжнее. Смысл даёт, а выразить могу только шуткой: с верой надёжнее любовь. Не объясняются такие вещи да и незачем. Просто читаю Библию и - местами - легчает. Особенно - Соломон и Екклесиаст. Я с них и начал, потому что уже слегка был знаком. Наверно, подряд и с самого начала Библию читать глупо. Я нашёл своё - вот и утешаюсь. Это в Библии главное - утешение. Опора. Наверно, тому, кто уже стоит на табуретке с петлёй на шее, надо дать Библию, только открыть в правильном месте - и он не повесится. Опора.

Соломонова притча: "Сердце знает горе души своей, и в радость его не вмещается чужой". Не очень доходит до ума, но чувство такое, что, если зарежусь или повешусь, значит дам кому-то чужому вмещаться в мои дела. Негоже. И вот ещё: "Погибели предшествует гордость, и падению надменность. Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми". Воистину так. Мы и сами не гордые, и добычу с ними не разделим. Благодарю, ваше величество.

Письмо девятое.

16 апреля.

Что-то короткими стали мои письма. От лени, что ли? Но ведь лень - двигатель прогресса. Все человеческие изобретения - от лени. Колесо - чтобы не ходить пешком и не таскать волоком. Подзорная труба - чтобы не тратить силы и время на сближение. Рычаг - чтобы не разбирать груз на части... Правда, оружие - от страха. Ну что же, нет правил без дополнений. Любовь и голод правят миром, а лень и страх - техническим прогрессом.

А мною правит одиночество. И всё сильнее. Поэтому переписку с тобой, г-н Прокурор, я не брошу. Ты ставишь на мне эксперимент, а я тебе помогу. Робинзон Славка Гость, тридцати трёх лет от роду, вид изнутри.

Вот, изволь, для начала - первая наша ошибка. Впрочем, это как смотреть: может, и не ошибка, а вполне осознанная акция. Я тогда не уточнил, что сослать меня надо к людям, хоть каким, но живым, а суд не уточнил, что сошлёт к покойникам. Теперь меня окружают вещи покойников, я вынужден ими пользоваться. И смерть из-за этого всё время особенно рядом.

Вот раньше - другое дело.

Помни о смерти!

Помню.

Впрочем, здесь она как раз не рядом.

Это ТАМ она была рядом. Я затем и попросился в ссылку, чтобы её отодвинуть. Правда, перестарался: отодвинули слишком далеко. Если выживу сам. А я - выживу. Я читаю не только Библию, её помногу нельзя. Я изучаю огородничество. Рядом с "Домашним огородом" в моём покойничком наследстве стоит ещё "Лесной огород", но там - о съедобных дикоросах, это нам ещё рано. Разобраться бы к теплу с домашними. В корзине мешочки, баночки, бумажные пакетики и спичечные коробочки. Все подписаны. Это главное, иначе не разобраться. У редиски и редьки семена одинаково кругленькие, у морковки и укропа - плоские, только по запаху отличишь. В книге столько подчёркиваний и разных вклеек и приписок, что впору отчаяться. Хоть учи наизусть. По картошке вообще отдельная книга, брошюрка и справочник. Чеснок оказался двух видов - летний и зимний. Различить их пока не берусь. Который садить по весне - не представляю. А с зимним как? Анна Фёдоровна скончалась зимой, стало быть, в сентябре она чеснок посадила. Я в этом уверен, потому что в книге, внутри обложки, где ставят дарственную надпись, у неё пословица (или поговорка, вечно путаю): "Умирать собирайся, а жито сей". Хорошее слово - "жито". Жито, жить, жизнь. Чеснок, конечно, жито. Картошка - тоже жито да ещё какое. И её тоже можно сеять. Нашёл кулёчек с надписью - "Картофель". А в нём - горсть сморщенных сушёных шариков, которые вырастают на картофельных кустах. Растолок один в ступке. Мельчайшие, еле заметные семена. Неужто из них - нормальная картошка? В книгах об этом - почти ничего: семена, питомник, восстановление сорта, первая репродукция. А есть это можно сразу? Что там вырастет? Как сеять? Для кого такие книги? Для деревенских, которые и так всё знают? Но читаю и радуюсь. Я знаю точно, я ведь учительский ребёнок: если прочесть или проделать одно много раз - обязательно научишься. Правда, в огородном деле я бы сделал поправку: если ноги не протянешь.

Боюсь земли, признаться. Никогда в ней не рылся. Надежда лишь на то, что глубина заделки семян тут указана правильная (кое-где она выправлена хозяйской рукой). Хорош я буду с линейкой на грядке. Я ведь на глаз умею определять только доли миллиметра, а сантиметры да ещё в рыхлой земле - это надо пару урожаев собрать, чтобы понять.

Для начала, чтобы не терять квалификацию, я хозяйским напильником из столового ножа обломка выточил себе запасной ключ для двери. От кого буду запираеть?

Нет, хватит. Пурга закончилась, подморозило, снег держит даже без лыж. На воздух, на волю!

Письмо десятое.

16 апреля.

Начальник! Оцени: второе письмо за день. Почему не продолжить первое? Потому что другой человек тебе пишет. Вот намотался по скользкому насту, по рыхлому лесному снегу, должен был упасть, едва снявши лыжи, а я - наоборот: бодр и весел, как настоящий чемпион. Набрался таких сил, что сейчас до Томска добежал бы тем же ходом, только мне туда не надо. Второе дыхание.

Боже мой, просидеть тут десять дней и не знать такого чуда! (Поход к изыскателям не считается. Я был прибит, придавлен, выброшен, даже запуган, хоть и бодрился и храбрился. А сегодня я был хозяином всего этого, вся тайга, вся Земля). Однако это стоит описать по порядку. Ты ведь горожанин, тебе полезно.

На градуснике за окном было двадцать — каково для середины весны?! Солнышко и полное безветрие. Я прямо на крыльце привязал ноги к лыжам, сунул руки в шубенки и сразу пошёл, потому что замечено было по самое крыльцо. Шёл по огороду и впервые думал о том, над чем иду. Может быть, сейчас подо мной чеснок, а может быть, морковка - ее тоже высевают под зиму, вот что я теперь знаю. Снег был выглажен ветром и охвачен морозом, кое-где эта корка потрескивала и проседала. Тут я и вспомнил, что она называется наст. Прямо на лыжах перешагнул через верхнюю жердину забора (вот как тут заносит!) и поехал к лесу - до него не больше километра. Бывшие колхозные поля. Но торчат из них теперь только исконные хозяева всех земель - дикие травы.

Это вы, законники, виноваты, что люди ушли отсюда. Я не умею это объяснить, я просто это знаю.

Дошёл до деревьев по твёрдому, на разъезжающихся лыжах, а в лесу сразу провалился. Неглубоко, по щиколотку, на лыжах ведь. Мороз и ветер между деревьями слабее, поэтому снег и не смерзается, так я думаю.

Долго шёл, не боясь заблудиться, потому что мой след - единственный на всю планету. Я видел следы мелких зверей, которых не понимаю пока. И строчечкой, и парами, и прыжками, как звёздочки на капитанском погоне. Хорошо бы во всём этом разобраться, но у меня может не хватить времени - не всё тут зависит от меня. Впрочем, может быть, найду у хозяйки подходящую книгу.

Живём видел дятла. Его узнать легко. Теперь узнаю даже на лету. Он забавно поквахтывает при каждом взмахе и гораздо больше похож на стукача, чем тот, кого с ним сравнивают. Ещё какая-то красивая серо-пёстренькая птица с хохолком на голове, почти с курицу величиной, вспорхнула из кустов и покричала на меня.

Всё природное - красиво.

Крупных звериных следов не видел, и совсем не было страха - ни волчьего, ни медвежьего. Правда, под большими деревьями всё хотелось поглядеть наверх - не собирается ли на меня прыгнуть рысь.

Боятся леса городской человек.

Но уже на обратном пути я уверенно думал, что бояться надо не в лесу, а в городе. В лесу все вежливые, стараются не встречаться. Особенно с человеком.

День уже длинный. Я вернулся домой засветло, поставил лыжи под навесом на крыльце, а топор внёс в избу. Он у меня бритвенно-острый и в серьёзном деле будет понадежнее ножа.

Завтра пойду к реке.

Письмо одиннадцатое.

18 апреля.

Ящик хозяйственного мыла! Старинного, ещё по 19 копеек! Анна Фёдоровна пережила пару войн и несколько переворотов — она в запасах знала толк. Спички, соль, сахар - оно же всё не портится. И воры не позарятся. Вот высшая мудрость... Правда, с сахаром неувязка. Я люблю сладкое, а она, покойница, наверно, сахар не употребляла. Зато зубной порошок! Она им, наверно, не только зубы чистила, но и столовое серебро. Две ложки, три вилки и четыре подстаканника. На них не обратила внимания похоронная команда, потому что стояли и лежали россыпью, в разных местах. Не украшали, а служили. Но я их, пожалуй, чистить не буду - женское дело. Хоть порошка и много, но он, чувствую, умирят мои больные зубы. Года на три может хватить.

Однако отчитаюсь перед Прокурором.

Вчера никуда не ходил: шибко болели ноги после лыжного похода. Занимался разбором хозяйства. Вот мыло нашёл. И ещё много полезного. Робинзон бы здесь не выжил без этих припасов - не климат.

Между делом, по разным признакам, представлял себе Анну Фёдоровну. Мне впору её болотные сапоги. Чуть свободны телогрейка и штормовка. Широковаты ватные брюки, великовата ушанка. Наверно, если бы жили вместе, я бы ей подчинился. Сравнивал её - по вещам же - с покойным изыскателем Сашкой. Его нож, топор, лыжи, рюкзак - всё прямо из работы, но - ухоженное. Ему я, наверно, тоже подчиняюсь. Их вещи как-то управляют мною. На людях это не заметил бы, а наедине - резко чувствуется. Лыжи после работы ХОТЯТ, чтобы счистил с них снег и приставил их к стене на крыльце. Топор ПРОСИТСЯ в дом, а когда отпотеет, ТРЕБУЕТ, чтоб я его вытер. А тряпка, которой вытер я топор, ПРИВЫКЛА висеть на духовочной дверце. Рукавицы хозяйские ПРОСЯТСЯ на припечек. Старенький рукомойник ЖЕЛАЕТ быть накрытым, и надо ещё подправлять ему эту торчащую штуку, чтоб

с неё не капало в ведро. Даже моё собственное полотенце больше НЕ НАМЕРЕНО валяться комом, где брошу: его повесь на верёвочку над печкой - так ХОЧЕТ и верёвочка. Ладно, вешаю, кладу, ставлю. И вспоминаю то ли притчу, то ли анекдот, в котором Конец Всему спалил и разрушил целую деревню, а с одним домиком не справился, сколько крыльями ни махал. Вошёл удивлённо - посмотреть, что же там такое. А там - Всё По Уму.

И очень важное: шкурой чувствую, насколько тут всё стерильно. Если с собой не принёс, то ЗДЕСЬ никакой заразы не подхватишь. Природа, одно слово. Всё По Уму.

Но это ещё не отчёт. Вот отчёт.

Сегодня опять ходил на лыжах. Хотел было порыбачить, но пожалел время: не имея навыков, просидеть над лункой, с рябиновой ягодкой на крючке - что поймает? Может, она рябину не ест? По деревьям-то рыбы не лезут. А червячков пока взять негде. Словом, пошёл просто погулять и осмотреться на реке. Пока лёд не сломался, разглядеть берега, присмотреть места для рыбалки летом да и вообще - на разведку.

Почти от околицы к реке спускается овраг. В длину он метров двести, а когда со льда я оглянулся на обрыв, то показалась высота метров сто, а овраг выглядит, как ущелье. По нему, наверно, в тёплое время постоянно течёт какая-нибудь вода. Овраг не извилистый, лыжня получилась прямая - можно кататься, как пацану, и смеяться некому. А жаль: я бы с кем-нибудь посмеялся.

Направо река лежала между какой-то кочковатой кустистой низиной и пустырем, где я ещё сверху приметил колхозные поля. Вдали за полями чернел лес. Налево всё выглядело так же, но полей за обрывом меньше и лес ближе к деревне. Этот высокий берег интересовал меня сильнее - я на нём живу.

Лёд на реке за зиму несколько просел — это было видно по берегам. И снег на нём уплотнился. Но под ногами - вот ведь что удивило! - чувствовалась оживающая река. Это не объяснишь. Лёд завален на метр, идёшь по твёрдому, а всё равно чувствуешь под собой напряжённую жизнь. То напряжение, от которого скоро всё взломается и пойдёт. В Томске я как-то видел с моста ледоход. Это мощно.

Река всё время загибалась влево. Это было мне как раз "по пути": где-то в той стороне, в самый первый день, шагая в гости к изыскателям, я пересекал такую же пятидесятиметровую полосу пустого снега, тоже спускался к ней по пустой дороге, только ущелье было не природное, его прокопали бульдозером. Теперь я подозревал, что это та же самая река. Из-за неё-то изыскатели и спешат вернуться до ледохода.

Решил идти по реке до первого правого поворота. А если его не будет до самой просеки, то тем лучше: вернусь домой знакомым путём.

Солнце было яркое, заблудиться я не боялся. Тем более, что в столе у старой географички, конечно, нашёлся компас. И весь свой поход я не просто вспоминал, как им пользоваться, а наносил на лист бумаги всё, что казалось интересным, то есть - составлял карту!

Так-то вот, г-н Прокурор.

И я дошёл до просеки. И узнал её. И сверил по компасу направление. И всё сошлось. Я считал свои шаги, я знал их длину, и вышло, что я прошёл пятнадцать километров по дуге от деревенского конца просеки до лесного. По занесённой просеке до дому было около десяти. А река продолжала поворачивать влево. Я посмотрел на свою карту и вдруг представил, что деревня моя лежит в основании речной петли. Пойду по просеке на восток или по реке на юг - всё равно буду приближаться к деревне. Я видел с самолёта такие речные петли. Можно плыть по реке два часа и приплыть почти к тому же месту, от которого отчалил: достаточно пройти 200 метров посуху.

В общем, я решил рискнуть и двинулся по льду дальше, как наметил - до первого правого поворота. Если река вскоре повернёт вправо, придётся мне вернуться к просеке и топтать по ней домой.

Не пришлось. Правый поворот начался ещё через 15 километров. Слева всё так же тянулся стометровый обрыв с лесом, справа было болото - всё в кочках, чахлах берёзках и сосёнках, а впереди река упиралась в гриву, заросшую матёрым лесом, там и поворачивала. Эта грива показалась мне радостно знакомой. Сквозь редкие сосны в одном месте удалось разглядеть провода моей спасительной электролинии. Подъём был не очень крут, хотя и высок. Я вышел к своему жилью весь потный, но счастливый: тридцать километров и карта - вот это день!

Итак, начальник, я живу на высоком полуострове. Или, если угодно, в речной петле. У меня во владении есть хвойные леса, смешанные леса, поля у деревни и какое-то пустое место, лишь угадываемое с реки, когда пройдёшь просеку. Я нанёс его на карту условно и осматриваю в следующий раз, с просеки. Возможно, там валили лес. Возможно, что там поле, но это маловероятно - далековато от деревни. Может быть, там гарь. А вдруг озеро?! Бывают же горные озёра. Озеро над рекой...

Правый поворот реки, может быть, успею исследовать до ледохода. Пройду километров пять - и хватит. Но не завтра. Устал. Удивляюсь, как ещё смог столько написать. Завтра не подниму ни рук, ни ног. Хорошо, что хоть тепло - чуть ниже нуля и без ветра. Весна своё берёт.

Кстати, так и не понял, в какую же сторону течёт эта река: влево или вправо? Вон на стене карта Томской области. Там есть речка Айка, впадающая в Екылчак, западный приток Чижалки, впадающей в Вас-Юган, левый приток Оби. Но на карте реки не такие извилистые, как в жизни. В общем,

все карты врут. В ледоход разберёмся. Впрочем, какая разница? Даже река - не свободна. Раз в году она ломает оковы, но течёт всё равно куда велено.

Письмо двенадцатое.

20 апреля.

По чётным, выходит, гуляю и пишу, а по нечётным отдыхаю.

Привет, г-н Прокурор. С праздником свободы: речка пошла. Не выходя из очертаний. Теперь знаю: она течёт направо. И в более точной географии не нуждаюсь. Как тот лежащий камень. И буду лежать весь день, как вчера. Только вчера - с устатку, а сегодня - с похмелья. Брага походная у них получилась - сивуха. Башка от неё растрескалась и истекает болью во все стороны. Как только они в таком состоянии поехали дальше? Железные люди - это не про них. Алмазные. Во всех смыслах. Я бы с ними работал, если бы умел.

Воздух вчера был тихий и звонкий, как внутри рояля. Треск их моторов я слушал целый час, пока доехали. Просека в плотном лесу - как иерихонская труба - сквозит любым звуком навывлет.

Я успел нажарить много картошки и заварил весь оставшийся чай. Они выставили брагу, лосятины нарезали, напекли лепёшек. Я радовался хлебу, они - несладкой, немороженой картошке. Чокались, здоровались, поминали покойного Сашка, Анну Фёдоровну, пили за Родину, за случай - всё было прекрасно, начальник. Это воспоминание будет греть меня до самой смерти - скорой или не скорой, не суть.

Ах, какие люди!

Они сюда уже не вернуться. На ту зиму их кинут севернее, так они сказали. А здесь - всё. Теперь сюда придут буровики - разрабатывать месторождение. Оно на карте обозначено как Айкинское.

Кстати, о карте. Я свою составил довольно точно. Да с их карты кое-что перенёс - теперь достаточно. Там, куда я собирался идти, в двух километрах отсюда - озеро Капля, из которого вытекает моя речка. Уникально. А там, где я отмечал то ли гарь, то ли вырубку, оказалось тоже весьма занятно - верховое болото. Большое, клюквенное и с бездонной топью посередине. Раньше, лет миллион назад, сказали, было озеро и постепенно заросло. А может, и не озеро, а кратер, раз дна нет. Вот такие владения вы мне пожаловали, господа народный суд.

Мужики наделили меня всем, что можно было списать. Отдали остатки сахара, чая, мясных консервов (лось сэкономил!), муку, галеты, какие-то конфеты слипшимся комом. Дали проволоки на петли и рассказали, как и когда их ставить на зайца. Подарили "вагонку". Это великолепный, неломаемый электрообогреватель. Оставили полушубок - лечиться от простуд. И радиоприёмничек. Маленький, на две волны, но зато включаемый в сеть. Сказали: "Живи" и выпили за это. Будем жить. Пока дают.

Утром резко потеплело, и они заспешили. Уполз их поезд дальше по гриве, на восток, на Пудино, где-то там их база. Лёгкой им дороги.

Ах, какие люди. Может быть, самые свободные. Я, кстати, завёл с ними разговор о свободе. Поддержали охотно и со знанием предмета. Вот вам, господа законники, точное определение, что есть свобода. Это возможность делать ту работу, которая нравится, тогда, когда можется, и спать прямо на рабочем месте тогда, когда хочется. Шутка или истина? Для алмазных людей, наверно, не шутка. А для меня? Хорош будет вор-домушник, если заночует на рабочем месте. Что же менять: работу? ночлег? философию? Не живи, где крадёшь, не кради, где живёшь. А в Библии - "не укради". Зачем же Ты, Боженька, искусил мою Марусю kleптоманией? Или забыл Свою заповедь? Не забыл, конечно. Ты ничего не забываешь. Тебе нравится доводить нас, бедных, до греха, потом до покаяния, потом прощать. Будь я Создателем, я бы со своими творениями так жестоко не играл.

Неужто за это мне и не далось создать ни одного человечка?

23 апреля.

Идёт снег, текут ручьи, льёт с крыши - плюс два. Ничего не остаётся, как читать до одурения. И стараться не глядеть в окно на эту бесприютность. Потому что вижу сквозь метель недалёкое будущее и нахожу его действительно недалёким. Во всех смыслах. Убогость человека на Земле. Разум так обширен, что может обозреть Вселенную, но результат обозрения угнетающе убог. Говорят: "У Бога дней много". Человеческих дней на этом божественном фоне - точка. А человеческих возможностей - и того меньше. Сил и времени одному человеку - возьмём меня - хватит лишь на то, чтобы осознать свою ничжённость. Успею ещё - с помощью Библии - расширить свои об этом представления на всё Человечество. И что же? Кровавая история бессмысленного братоубийства. Стоило ли нас создавать? Кого разоблачает Библия: нас или Создателя?

Поневоле задумаешься: Создатель и Творец - одно ли и то же?

2 мая.

Были снежные бураны, которые тут же таяли, а сегодня мороз двенадцать градусов с утра сдуло тёплым ветром до плюс двенадцати. Вырос в Сибири, но не перестаю ей удивляться. Это, наверно, и есть любовь к родине?

Ностальгия по резко континентальному климату. Читал попеременно то рабовладельческую Библию, то рабовладельца Сенеку. Забавная философия. Вроде правильная, но холодная. Что взять: человек писал в носилках, покрикивая на рабов, чтоб не сильно качали. Стилом писал. А я вот - карандашом. Техника выше, а мудрости настолько же меньше. Обратная пропорция. Прогресс цивилизации... О душе надо думать, о душе. Она мудра. Мудрость и ум - не одно и то же. Стоило прожить 33 года, чтобы додуматься...

Эвон куда меня заносит в одиночестве. Уметь бы раньше так уединяться...

И всё же тут лучше, чем на зоне. Покойнее. Для души. Никто не зовёт есть баланду, зато и никто не посягает. Это дороже. А баланду сами сварим. Я, пожалуй, начинаю понимать тех таёжных одиночек-охотников, которые выходят на люди раз в году, да и того им лишне. По радио про такого вот послушал. Я, говорит, брат зверью.

Меня вчера тоже брат навещал. Светло-серый, на высоких лапах, хвост с провисом, морда длинная. Рыскал по проталинам, что-то искал. Я вышел - он убежал. А ведь я ему не противник, если один на один. Он Человечества боится. Которое, говорят, заняло его экологическую нишу. Станешь тут философом. Самый большой страх - потерять не жизнь, а свободу. Но не ту, что огорожена колючей проволокой, а ту, что внутри себя. Свободу самому принимать решения.

Как живёт волк - по Библии или по Сенеке?

По волчьим проталинам пасутся теперь вороны. Были сначала чёрные, таёжные, теперь серые, вертучие, не такие важные, но тоже деловые и нахальные. Мясо у них невкусное, не посягаю. Когда мало двигаешься, мяса не хочется. Но двигаться надо: впереди испытания.

6 мая.

Тепло, дождик. Точно по примете: "Юрий на порог весну приволок". Он же Егор, он же - святой Георгий Победоносец. Через три дня ещё один его праздник, собственноручный: Георгий Константинович лично подписал День Победы. Вот праздник, который признают все одинаково, пусть и с разной полярностью. А я - люблю. Это не для прокурора, для себя. На фронте я бы дрался храбро, точно знаю. Фашизм для меня понятие объёмное, больше политики. Фашисты - это особая порода среди любой расы и нации. Человечки, которые точно знают, что они - самые лучшие. Я встречал таких по обе стороны колючки - и в робе, и в форме, и в штатском. И голых в бане. Фашистом человек родится, как птица родится вороной.

Смотрел сейчас на чаек и думал: вороной я родился или всё же чайкой? Ни то, ни другое. Я, наверно, воробей. "Вора бей!" Маленькая птичка, которая ни у кого не отнимает, не клюёт падали и не живёт в неволе. Это всё же чуть ближе к чайке.

Кстати о птичках.

Даже не верится: на сухой кедрине (или на кедровой сушине?) сидят пять белоснежных чаек. Это ж надо: пролететь тысячи километров, навстречу ледоходу, над таёжными озёрами... Чуду равно! Сидят, покрикивают высокими морскими голосами. На столбах, на сучьях, как фарфоровые изоляторы. А большинство их - сотни две! - кружатся над брошенной деревней, как водоворот отлетевших душ, как циклон (вид из ближнего космоса), как спиральная галактика (фото через телескоп или выдумка астрономов?)

Тонкими своими кликами зовут меня в высоты. Специально прилетели по мою душу?

Целый день я за ними наблюдал. А они - за мной. Одна несколько раз снижалась до уровня крыльца и проплывала медленно и близко, откровенно меня разглядывая. Не в неё ли вселится моя душа уже скоро? Или это душа кого-нибудь из близких, уже ушедших?

Скажем, деда — ко Дню Победы?

С этой чайкой случилось вообще удивительное. Когда всю стаю сдвинуло ветром к озеру, эта птица всё ещё продолжала летать передо мной. И тут какой-то крупный хищник - то ли ястреб, то ли коршун, я в них пока не разбираюсь - попытался посоревноваться с ней в пилотаже. Он был пёстро-бурый, а она - белоснежная. Она от него не удирала. Она даже не махала крыльями, а как-то так накренилась, что летела всё быстрее и выше, и хищник просто запутался в собственных крыльях, мелко ими затрепетал и удалился в кусты, за мышами.

Мой дед, говорили, летал на торпедоносце.

Рано утром довольно высоко на юге прошли два реактивных самолёта. Оба чёрненькие, изображали перехват. Я представил себя в кабине и - не испытал зависти. Даже желания. Уже не моё. А вот чайке - завидую.

15 мая.

Боясь пропустить посадочное время, поковырял землю лопатой. Не копаётся. Не оттаяла. Даже я оттаял, а она не хочет. Конечно, у неё, как у Бога, дней много. Лежит себе, думает о своём и сама в себе зреет. Потом что-нибудь да родит. Даже без моего участия. У неё всё есть.

А мне нужен собеседник. Чтобы родить истину. Какую - сам пока не знаю. Но такую, чтобы не жалко за неё умереть.

Вот и беседую сам с собой. Точнее - с бумагой. Ещё точнее - с Марусей. Потому что беседа доверительная, не для прокурора. Да ещё пытается вмешиваться тот нахал, который найдёт меня летом.

Правда, ещё разок отвлекусь на прокурора.

Свидетелем всех моих бесед можешь оказаться и ты, Митрофаныч. Куда ж русскому человеку без прокурорского надзора. Слышал я, даже читающих Библию, было время, брали на контроль. Сам я, правда, тех времён не застал. На зоне у нас чтение Библии даже поощрялось. И я почитывал, хоть и со многим не согласился. И сейчас, через годы, нахожу эти места в хозяйской книге (теперь моей собственной!) - и не меняю к ним отношения.

Вот, например. "Если восстанет среди тебя пророк и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, а он скажет притом: "пойдём вслед богов иных и будем служить им", то не слушай этого пророка, ибо через него искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего от всего сердца и от всей души вашей"... Будто без этой дешёвой проверки на вшивость всезнающий Боженька и так не знает наших душ и сердец. А дальше и того страшнее: "Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, или сын твой, или дочь твоя, или жена твоя, на лоне твоём, или друг твой, говоря: "пойдём служить богам иным", то не соглашайся с ним, но УБЕЙ ЕГО"... Прямо на лоне, да?

Когда самый первый раз открыл Библию, мне повезло. Там были скрижали с Законом. По первым заповедям мои глаза скользнули равнодушно: "Молись только одному Господу (про "убей на лоне" я ещё не знал), не сотвори себе кумира, не произноси имя Господа напрасно, помни субботу" - это ладно. "Родителей почитай" - это у нас в крови. Дальше там было трудновыполнимое: "не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства". Было и смешное: "Не желай дома ближнего твоего, не желай ни жены его, НИ РАБА ЕГО, ни вола его, ни осла его"... И было главное: "НЕ УБИВАЙ".

Соглядатай мой Митрофаныч! Я много в жизни прелюбодействовал, особенно в уме своём. Я крал и произносил ложные свидетельства - ради спасения брэнного тела своего и ближних своих, особенно Маруси. Но я ни разу в жизни не убил, даже не ударил человека, будь он ближний или дальний, будь он даже раб, даже фашист. Ни на одного не поднялась рука моя, ибо в человеке живёт Бог. Для меня не важно, Господь его зовут или "иной бог", которому этот Господь запрещает служить под страхом смерти. Нельзя убивать чудо Природы, нельзя его даже бить. На то оно и чудо. Даже если оно кажется мне круглым, набитым дураком, оно остаётся Человеком, с ним хоть как-то можно поговорить и даже договориться, ибо правильно сказано, что "дурак - это не отсутствие ума, а просто такой ум". Так разве можно стучать по уму кулаком или колоть его ножом?! Его лучше приручить, убедить, даже обмануть - и использовать. В самых мирных целях. Ибо насилие гнусно, даже с подачи и благословения Господня.

Аминь.

Всё это я говорил одному очень сильному человеку на зоне. Он отбывал срок за превышение необходимой самозащиты. А превысил не по злобе, но из преувеличенного чувства справедливости. Так превысил, что сделал троих негодяев калеками. Звали его Боря. Он называл всех жидовскими мордами, потому что был евреем и яростным антинацистом. От него я узнал предсказание еврея Но-страдамуса, что самым гнусным в истории человечества будет "век железа и наций", наш век. Боря в ярости рычал: "Это же до полусмерти избитая истина: кровь у всех одного цвета! Всё человечество зародилось в одном месте, значит все мы - или евреи, или армяне, или индусы, или китайцы, или эфиопы! Особенно если всем набить морду! Жидовскую!" Он был очень славный. Он учил меня рукопашному бою. Он легко сбивал ногой с моей макушки спичечный коробок, он проламывал кулаком кирпич, мог взбежать по стене до потолка и всему этому научил меня - благо времени хватало, а калорий в Марусиных передачах было достаточно для обоих. Но ни одного удара по человеку я не сделал. Такова была разница умов, и Боря её уважал. И остальные в отряде тоже. Борю боялись, меня - нет, но не злить старались обоих. В этом смысле наша строгая зона была лучше зоны общего режима: люди уже с понятием и по-глупому не рискуют.

Что, г-н Прокурор, я не очень отвлёкся от Закона Божьего? Всё в мире повязано со всем, все явления зависят друг от друга (или враг от врага, да?). Значит, и это отвлечение зачем-то нужно. А веду я всё к тому, с чего начал сегодняшнее письмо. У того, кто придёт ко мне летом, совершенно ведь "другой ум". Настолько другой, что на зону строгого режима ему не попасть - зарежут по дороге. Но зарежу не я - вот в чём беда. Он меня зарежет, если не успею убежать. А я ещё не готов к бегству. Нет места, где спрятаться, нет и многого другого. И главное - нет желания убежать. Если бы найти такой экскаватор, чтобы прокопать широкий ров от одной речной петли до другой, тогда моя деревня оказалась бы на высоком острове, а я - Робинзон Крузо. Правда, он людей убивал. Но то были дикари-людоеды, совсем другая культура. Уж не знаю, как бы я себя там вёл - с дробовым мушкетом. Но на моём острове я кровь проливать не желаю. А вот как её не пролить, пока придумать не могу. Значит, МОЯ кровь уж точно обречена на пролитие. Ведь Марусю с кладом я им не сдам. Она им правильно указала на меня. Я для неё - вечная каменная стена. И я это ценю. И буду стеной до конца. То есть, пока что до лета.

Самое главное и интересное - страха во мне совсем нет. Я не зря читал и размышлял о душе: убедился, что она не может быть убиваема, в принципе. Иначе её создавать не стоило. А в Природе ничего зря не делается.

28 мая. Подзабросил я систему. То и письма нумеровал, и погоду записывал, а в последние дни - одна погода. И хорошо, что ровная, весенняя. От зари до зари. Настоящий крестьянский труд. Даже хуже: без коня, без плуга, одной лопатой. Как сосланный кулак, доволокий на себе кое-что из своих кулацких инструментов. Когда падал от усталости, то спал не как убитый, а как, наверно, грешник в аду: весь сон перед мордой выворачивалась наизнанку чёрная пашня, и через каждый штык надо было наклоняться, чтобы выдёргивать и выбрасывать белые корни сорняков, такие мясистые, что аж почти аппетитные.

Зато и всю дурацкую философию зарыл в землю - вместе с картошкой, многозубым летним чесноком, луком и морковкой.

Маяковский шутил, конечно, о земледельцах: "Землю попашет - попишет стихи". Чёрная, как пашня, мысль ворочается не быстрее земляного пласта - вот и все стихи.

Одно развлечение на огороде - оглядываться: не подкрадывается ли враг, которого жду.

Но вот что самое интересное. Самое крестьянское. Копал, измельчал комья лопатой, бил граблями, разделявал тяпкой и какой-то палкой, а сам всё время прикидывал: какой может выйти урожай, да как его сохранить до следующей весны, да какую часть его пустить потом на семена. Пошла прямо в душу та крестьянская поговорка: "Умирать собирайся, а жито сей". И книгу эту, "Домашний огород", я выучил досконально, как отличник. И "жито" живёт во мне навязчиво: что прожито? что пережито? что недожито? И погоду ведь записываю не просто так, а чтобы сравнить с той, которая будет на следующий год, а потом и предсказывать... Выходит, есть во мне крестьянская жилка, хоть и не жито в деревне. Сильное слово!

А закончил садить огород, и взяла злость: придёт какой-то пустяк с оружием и станет плевать на всё прожитое, пережитое и недожитое. Я и так ничего в жизни не успел, кто может сметь плевать?! Особенно на недожитое и недожатое.

И хватит о грустном. Нужно их ждать, нужно готовиться, можно бояться, но не стоит тратить на них философию. Любомудрие (или всё же мудролюбие?) существует не для таких низких задач. Победить врага можно несколькими способами: убить его, погибнуть с честью, обратиться в бегство или с честью удрать самому. И никакой философии, одна и та же система физических упражнений на все варианты. Точнее говоря, философская база тоже нужна, но крайне простая: враг не должен добиться своего.

И всё, кончим с врагами. Маруся правильно указала им на меня, я, как птичка от гнезда, увёл их в тайгу, и задача моя - успеть до их появления освоиться в этой тайге так, чтобы иметь преимущество.

Не бойсь, сестрёнка, твой Славик ещё умеет ловить мышей и удирать от волков. Он только драть котов не умеет. То есть не хочет. Потому что не любит. А без любви - что за дела...

13 июля. Письмо, может быть, последнее.

Жара. Юго-западный ветер. Лёгкие облачка. Славно. Ах, сестрёнка, видела бы ты мой огород! Всё-всё-всё взошло.

Я поливал, рыхлил, пропалывал. Я разговаривал с ними. И они тянулись ко мне. В следующей жизни буду только ботаником.

А эта, похоже, может скоро кончиться.

Я был на озере, когда услышал их мотор. Бросил карасей и поспешил домой. В завалюхе у леса уже спрятан мой рюкзак со всем необходимым. Если бы они высадились сразу у оврага, я бы это сейчас не писал, а шагал бы с рюкзаком по лесу. Но им, наверно, сказал кто-то, что причал оборудован с другой стороны, а деревню и моё место проживания они не представляют, вот и пошли по речной петле вокруг моего полуострова. Пока пройдут эти тридцать километров, я допишу тебе это письмо и с места не двинусь.

Мне нужно, чтобы они меня увидели, чтоб знали, куда я пошёл.

Ну вот, пока добрался от озера да написал эти строчки, опять раздался писк их мотора. Быстрая лодка у врагов. Можно, конечно, допустить, что это не они, а какие-нибудь ошалевшие и одичавшие туристы. Но я их - ЧУВСТВУЮ. Поэтому, Марусенька, считаю долгом единственный раз в нашей с тобой дружной жизни объяснить до дна.

Мы всегда жили вчетвером - родители и мы с тобой. Несколько раз приезжали отцовы родственники - его брат с женой и сыном Ванькой. Этот Ванька был старше тебя, но довольно придурочный. Ты его презирала, он пытался дружить со мной. Мне тогда было лет девять-десять, я чувствовал некоторое одиночество и несколько сблизился с ним. Однажды он обратил сальное внимание на твои формы, которые только намечались. Я сказал: "Так о ней нам нельзя, мы же её братья". Он объяснил, что ему вполне можно, потому что он двоюродный. А мне, мол, и подавно, потому что я вам вообще никто, приёмш. Спросил, хорошие ли у нас с тобой отношения. Я кивнул. Он сказал:

"Так и давай её, не теряйся". Я дал ему в ухо, сам получил, и дружба кончилась. Потом я по-тихому искал в родительском портфеле с документами и нашёл справочку об усыновлении. Там у меня другая фамилия, другое имя-отчество.

Тогда я понял, почему чувствую некоторое одиночество в этой семье: родители, сами не замечая, всё же отдают тебе предпочтение, хотя порой и в обратной форме - из педагогических соображений. Обострилось моё внимание ко всем вам троим. Были моменты, когда мне казалось, что они сожалеют об этом усыновлении. А вот ты, как я понял, ничего не знала - видно, взяли меня совсем младенцем. И относилась ты ко мне не как к коту из мешка, а как к самому родному. Вот это и было самым мучительным. И с годами становилось всё труднее.

Лет примерно с шести я чувствовал, а после Ванькиного откровения знал уже точно, что моё отношение к тебе не может быть родственным. Это редкость, но я знаю, что бывает и с детства. Даже не сумею объяснить, какая это всегда была мука - слушать твои тайны о мальчишках, потом о парнях, потом о мужчинах. Едва ли возможно объяснить тебе, с каким облегчением я каждый раз отправлялся в тюрьму. Хотя и не было там тебя, но уже не было и ревности. Всего одна боль и всего одно чистое чувство. (Прости за неразборчивый почерк: очень тороплюсь, они уже причаливают). Если ты это прочтёшь, будет вопрос: почему я тебе не открылся или почему не исчез. Хотел. Исчезнуть и взять своё собственное имя, чтобы уж с концами. Не смог. Только под конвоем. А открыться - не было душевных сил. Я ведь не гигант. Я видел твоё ко мне отношение и не мог представить его другим. Всё равно что сломать. Получить отказ хуже, чем жить в вечной надежде, хоть и неизвестно, на что. "А надежда сладка" - помнишь, из "Кармен"?

Сестрёнка, я ухожу. Если смогу осуществить свой план, эти бандиты тебя больше не побеспокоят, а я найду, может быть, силы спрятаться в собственное имя. Если же план сорвётся, тоже можешь не беспокоиться: я достану их с того света, это недалеко.

В любом случае — не поминай лихом беспутного брата.

Прощай.

В следственную Комиссию по нераскрытым преступлениям при Томской областной прокуратуре ст. участкового инспектора Каргасокского и Парабельского РОВД ст. л-та милиции Бессмертного П.А.

сопроводительная записка
(на правах особого мнения).

Ко всему вышеизложенному могу добавить следующее. За те полгода, которые ссыльный Гостяев С.Г. провёл в Лапе, мне удалось навестить его дважды - 6 июня и 7 июля.

В июне я привёз ему бритвенные принадлежности и чай. Второе он принял с удовольствием, а от первого отказался, поскольку уже оброс вполне симпатичной бородкой, которая делала его внешность более мужественной и придавала всему его щуплому облику более основательный вид. Эта основательность, приобретённая в одиноких трудах и чтении, сильно бросалась в глаза. Когда я конвоировал Гостяева в Лапу (то была и самая первая наша встреча), это был обыкновенный городской прохиндей, каких мы называем - "человек без корней". Всё в нём - от одежды и взгляда до жестов и разговора - было беспечным. Теперь же со мной беседовал хозяин. Он чувствовал себя хозяином полуострова, образованного излучиной реки Айки, хозяином озера с красивым именем Капля, хозяином деревни, где жил один. Он восстановил на въезде табличку "д. Лапа". Он говорил: "У меня вон там есть болото..." И рассказывал о бездонном верховом болоте недалеко от речного обрыва. И ссылался на книгу какого-то специалиста о том, что сибирские (именно васюганские!) болота - самые глубокие в мире, до 18 метров: утонешь - не найдут... И показывал свой огород: "Вот до такого пятачка он сжался у старой учительницы, а вон как я его раздвинул - картошкой торговать смогу, приезжайте в сентябре с колониальными товарами". И заказывал семена дайкона и репы, чтобы посеять в июле... Объёмы его трудов тем более впечатляли, что после целого дня физического надрыва он, будто на втором дыхании (а по его словам - ради отдыха), очень много читал. И обдумывал прочитанное с карандашом, потому что, кроме аграрной литературы, глубоко размышлял над Библией и "Нравственными письмами" Сенеки. Он, например, легко цитировал Сенеку на память: "Человек добра подобен виноградной лозе. Достоинство лозы - плодоносность, а высшее благо для человека - выполнить то, ради чего он рождён". Я спросил полушутливо: "А если кто-то рождён для преступлений?" Он ответил мгновенно: "Есть два выхода - мой и твой". И смотрел так, что только дурак потребовал бы уточнений. Я кивнул, тогда он добавил: "Сенека ещё писал: "Где страх, там и рабство". А кто не может себя осилить, тому Бог судья"... Теперь, по прочтении его дневника, понимаю, кого он имел в виду.

В июле я привёз ему обещанные семена, полюбовался образцово прополотым огородом, поел свежей редиски и жареных карасей из Капли. Он заказал спичек, мешок муки и мешок соли. Сказал, что деньги на эту покупку выдаст мне его сестра, которая живёт в Томске. Но ни под каким видом и ни за какие деньги (тут он засмеялся), даже под пыткой нельзя сообщать ей, где он живёт.

Это же условие, насколько мне известно, было поставлено ещё на суде.

Я привёз тогда Гостяеву хороший запас мази от комаров, чему он был особенно рад. Он угостил меня свежей черникой и набрал с грядки первой клубники на дорогу.

Перед самым моим отъездом показал свою тетрадь с записями и тайник, где я смогу её найти, как он выразился "в случае форс-мажора". Я попытался выяснить напрямую, что за неожиданности имеются в виду. Он от прямого ответа уклонился, лишь пояснил, что ЧУЕТ приближение опасности. У каждого, мол, человека с тёмным прошлым есть враждебные силы, которые следят за ним из мрака, стоит ему только выйти на свет.

В ту последнюю встречу он показывал мне карту своих владений и весьма примечательно комментировал - как я теперь понимаю, не без намёка. Он говорил: "Смотри, как интересно - Айка вытекает из Капли не ручейком, а уже готовой речкой, всё время можно плавать на лодке. Откуда в озере столько воды? Кругом, конечно, там болота - это одна причина. Но главное, думаю, родники. Я их ещё найду. В моём верховом болоте их целых два, хоть и болото небольшое. Оно шириной метров пятьсот, а в длину с километр и повторяет по форме изгиб реки под обрывом. А родники втекают в него с двух концов, стекаются поверху к середине и там, в серединном "окне", пропадают. Куда девается столько воды? Может быть, есть подземная связь с озером? Или с речкой? Чувствую, умер во мне географ, геолог и ботаник..."

Когда же всё произошло, я понял, что этой географией он занимался со мной не зря. И карту своих владений вложил в тетрадь специально для меня. Там было и верховое болото, и путь к нему, и родники, и топь посередине, обозначенная как "окно", где родники таинственно и бесследно исчезают.

Двадцатого июля случилась оказия в Томск. За полдня я успел сделать все служебные визиты и после обеда навестил Марию Гавриловну, в девичестве Гостяеву. С несколькими миловидными девушками "на паях" она держит ателье мод. Это скромное помещение в нижнем этаже на улице Гагарина: раскроечные столы, швейные машинки, гладильные прессы, примерочная, комната отдыха, где они готовят и обедают. Никаких признаков того, о чём сплетничают. Разве что бросающаяся в глаза внешность этих швей - всех до единой, как на подбор. Но без намёка на вульгарность, присущую, как я слышал, "девушкам для всех". Не нашёл, в общем, к чему придраться, хоть это в задачу и не входило. Кстати, и моя милицмейская форма настороженности у них не вызвала.

Мария, услышав о брате, неописуемо обрадовалась и позвонила мужу домой, чтобы немедленно приехал. Он работает у них же в ателье - шофёром, экспедитором, завхозом, электриком, слесарем - кем угодно по части мужского труда. Пока Виктор добирался, меня поили свежим чаем и расспрашивали "о Славике" (хоть ему уже 33 года).

Разумеется, первым был вопрос: "Где он?" Я назвать место отказался, и сестра, сделав над собой заметное усилие, не стала настаивать. Сразу же спросила, в чём нуждается Славик "в одной из брошенных северных деревень". Я назвал спички, муку и соль, она мгновенно, будто выросла в деревне, продолжила список и завершила его третьим вопросом: какое вообще количество мест и килограммов я в состоянии увезти за один приём её Славику. Ведь где два мешка, там и больше, верно? Я располагал серьёзным катером, с которого мог бы в Каргаске (оттуда ближе, чем из Парабели) перегрузить её гостинцы на катер поменьше. Маруся уговорила меня на 250 кг. и была приятно удивлена, когда я вычеркнул из её списка ящик сигарет.

Когда расставались на катере, она отправила мужа к машине (старенькой, но ухоженной "газели") и наедине спросила, говорил ли мне брат о каких-нибудь визитах или опасностях. Я ответил, что да, говорил о чувстве опасности и показывал тайник с дневником. Вероятно, не стоило мне с помощью этого признания искать дополнительной информации о тайнах этой семьи. Мария ничего не добавила, только пришла в отчаяние и умоляла поспешить на помощь брату: если Славик что-то почувствовал, это сбывается очень скоро.

Её тревожная фигурка маячила на причале, пока мой катер не скрылся за поворотом.

Текущие дела задержали меня сначала в Парабели, потом в Каргаске и в Лапу я прибыл в самый последний погожий день июля. На западе уже громоздились равнины и Джомолунгмы грозных туч, ветер свежел и нес сырость. На Ильё-пророка в этих местах дожди и похолодания обязательны.

(Прошу не считать это погодное отступление в докладной за "архитектурное излишество" - оно необходимо для объяснения моей неудачи).

Порчи погоды я не боялся. Всю жизнь, за исключением учёбы в школе милиции, я провёл в тайге, даже армейская служба пришлась на таёжную стратегическую базу, поэтому, когда я в лесу, вероятность того, что не пропаду, гораздо выше, чем в городе.

Я не стал делать по реке петлю до причала, чтобы зря не жечь горючее, и причалил в начале петли, у оврага. Таскать мешки отсюда выходило вдвое дальше, но для двоих это особого труда не составляло - тем более, что от Анны Фёдоровны осталась тележка.

Я закрепил катер и поплавок с горючим за какую-то ржавую цепь, выкрутил из мотора свечу, проверил оружие и отправился в гости налегке: тревога Марии за брата не оставляла меня все эти дни.

К дому приблизился с осторожностями и сразу обнаружил следы трёх человек - они шли в калитку со стороны причала, но один возвращался. Я сразу всё понял, и во дворе это подтвердилось. Трое вошли во двор и увидели вдалеке удирающего Гостяева. Двое бросились за ним, а третьего оставили на хозяйстве.

Я вошёл в дом уже без предосторожностей. Там, как и ожидал, всё было перевернуто грубым обыском. Тайник с тетрадкой был не тронут, и я заглянул сразу в последнюю страницу. Понял, что он ждал этих троих, и почувствовал, что он повёл их к своему верховому бездонному болоту: не зря же он с таким вдохновением о нём рассказывал.

Действия бандитов были мне уже ясны. (В том, что это бандиты, я не сомневался, хотя и не читал ещё дневника). Для проверки я спустился к остаткам деревянного причала, куда вели следы третьего бандита. По всем отметинам, они прибыли на таком же катере, как мой. Они осмотрели и оценили с реки полуостров, и третий из них на катере после обыска помчался перехватывать Гостяева на переправе у просеки. Там изыскатели оставили над рекой трос.

Было это, судя по следам, не меньше недели назад. Помочь Гостяеву я едва ли мог. Но ведь и катер бандитский мне нигде не попадал навстречу. Отсюда следовало, что за оставшееся до непогоды время мне надлежит просто разобраться в вероятном преступлении. И я двинулся через огород по следам двоих загонщиков.

Они ожидали, что Гостяев, как горожанин, будет удирать по просеке или рядом с ней, потом попытается перебраться через реку по тросу, а там - как повезёт. И он пару километров поддерживал в них эту уверенность - мелькал по краю просеки. Потом внезапно свернул в лес и шёл довольно грубо, оставляя для них заметные следы - наступал на голое, подковыривал ногой кочки и мох, будто спотыкался, обламывал плечом сухие сучья, калечил крапиву и малину, ломал зонтики пижмы и бузины, срывал веточки вёха.

Быть у них на виду он теперь не старался, но погоню явно вёл к болоту.

Я вспомнил, что в длину болото имеет километр, ширину - в половину длины, два родника с концов и "окно" в центре. Путь я сверял по плану, вложенному в тетрадку - следы полностью совпадали с пунктиром на карте. Два крупных мужика ломались за Гостяевым напрямик, уверенные, что имеют дело с загнанной дичью. Гостяев преодолел болото напрямую через "окно" - его прямой след был хорошо заметен. Два крупных следа по бокам означали, что сразу за "окном" он задержался и дал им себя заметить, изобразил усталость и заковылял к лесу, за которым уже немного оставалось до обрыва к реке. Загонщики ему, испуганному лоху, поверили и отважно ринулись следом. Дошли только до края "окна", а там даже не поплескались, так и канули.

Я обошёл болото краем и на другой стороне, уже в лесу, обнаружил два остроумно сделанных поплавок, на которых Гостяев, как на лыжах, грациозно преодолел топь. На прилагаемых к этому отчёту фотографиях хорошо видны и следы на болоте, и конструкция поплавков, из чего - лично для меня - безоговорочно следует, что Гостяев своих загонщиков не убивал и до самоубийства не доводил: они всё сотворили сами, в азарте злобной охоты на человека.

Загадкой для меня остаётся лишь конец этой охоты. На снимках хорошо различимы следы на берегу, где дважды утыкался нос катера и где шёл и останавливался Гостяев. Нет признаков того, что с катера сходил на берег третий бандит, и нет признаков того, что Гостяев запрыгивал на катер. Он просто прошёл по вязкому берегу, не задерживаясь у причальных следов катера и не приближаясь к ним, дошёл до сваленной в воду сосёнки, и там его следы теряются так, будто он улетел. Я весь тот день до темноты искал путей его исчезновения, но до самого дождя ничего не обнаружил.

Я переночевал в доме, где жил Гостяев, и прочёл все его записи. Они убедили меня, что вины этого человека нет ни в исчезновении преследовавших его вымогателей, ни в его собственном загадочном исчезновении. Я убеждён, что он не покинул бы места ссылки, если бы на него не напали. За это говорят и его записи, и ухоженный огород, и вполне обустроенное жильё, которое за полгода до этого уже начинало разрушаться, как это происходит со всеми потерявшими хозяев домами. Он даже сделал профилактику электропроводке.

Все припасы, привезённые Гостяеву, я в перерывах между дождями занёс в дом и, отбывая, оставил на столе записку, нарочно обращаясь на "ты": "Святослав! Я прошёл по местам твоих подвигов и имею основания думать, что ты жив. Оставляю тебе подарки от сестры и её мужа. Постараюсь навестить тебя до ледостава. Тогда и верну твою тетрадь. Надеюсь, урожай твой не пропадёт. Обещаю сделать всё возможное, чтобы избавить тебя от любых преследований. Удачи!" И разборчиво расписался.

Полагаю, на основании вышеизложенного Комиссия сочтёт возможным не возбуждать уголовное преследование против Гостяева С.Г. и дать ему возможность, если он уцелел, продолжить духовное совершенствование в одиночестве, в деревне Лапа, где он ни для кого никакой опасности не представляет.

Катер вымогателей я обнаружил на обратном пути в полузатопленном состоянии. Никаких человеческих следов, включая следы насилия, ни в катере, ни вокруг не оказалось.

Что же касается сестры Гостяева Марии, носящей теперь другую фамилию, а также мифического клада, за которым охотились пропавшие безымянные бандиты, решаюсь выразить уверенность,

что данный криминал, если он и есть (или был), теперь уже практически недоказуем, и всякие поиски его закончатся так же, как мои поиски пропавших на Айке людей. Эта уверенность подтверждается и моим недавним визитом к Марии. Я сообщил ей об исчезновении брата и рассказал об июльском разговоре, в котором он якобы намекал мне на бандитские попытки овладеть ИХ КЛАДОМ. Мария грустно засмеялась и сказала: "Он всегда был большим фантазёром. Ну какой клад из нескольких детских шалостей, о которых до сих пор стыдно вспомнить?" Это выглядело убедительно.

Напоследок я не удержался и спросил, родным ли братом приходится ей Гостяев. Она с искренним удивлением и без тени колебания ответила: "Ну а каким же ещё?!"

Дата. Подпись.

6. СУММА

Объявили, что "Томич" уже вышел из депо. Значит, через двадцать минут пришвартуется к перрону Томска-Первого.

Но на перрон я не спешил. Там жарко, конец мая. Гулял по пустому залу ожидания, между ещё тёплыми диванами. И поглядывал за окно, через головы суесящихся. Поезд появится слева. Пока остановится, я и выйду.

Встретил знакомого. Он тоже не спешил, гулял поодаль, между киосками, равнодушный к витринам. По всем внешним повадкам мы своих узнаём издали. Сидит такой, стоит, а особенно если идёт — сразу видно, кто он есть. Очень уж обыкновенная выправка. Заметно обыкновенная. А все движения — с подтекстом. Но это заметно только своим, у кого глаз намётан... Мы с ним поглядели друг на друга, стали как бы невзначай сближаться, остановились.

- Привет.

- Привет. Едешь?

- Встречаю.

Из депо встречать некого, значит — болтать не положено.

- Служишь?

- Не-ет... Давно-о...

Среди нас таких полно. Кому надоело, кто надорвался, кто инвалидом стал. Но этот — не инвалид: объём движений соответствует. Он спросил:

- Едешь?

- Еду. Журналист.

- Ага.

И пошли в разные стороны. Только ещё познакомились, без рук.

- Виктор.

- Егор. Ну, удачи.

- Удачи.

В окно вполз локомотив, потекли фирменные вагоны. Железная леди под потолком оглушительно объявила посадку.

Виктор и в самом деле остался кого-то ждать. Свидание на вокзале? После тридцати трёх это особенно романтично. Кошмар, то есть. В нашем возрасте неженатые уже называют свидание случкой. Идеал — одинокая с квартиркой. Вариант послабее — как у меня — замужняя, но верная штампу в паспорте. Совсем слабых вариантов много, а самый слабый — свидания на вокзале.

Впрочем, к Виктору это не подходило. Я в нём учуял семейность и какое-нибудь средней руки предпринимательство. Последнее — как раз по моей газетной специальности — почти без ошибки. Ну и бог с ним. Просто тренировка наблюдательности. Всё, что я мог ему уделить, это короткая попытка вспомнить, где и когда могли мельком видаться в ТОЙ жизни. На сборах? Нет. Там запоминаются крепко все — за месяц-два. Значит, на какой-нибудь совместной операции. Допустим, был в соседней штурмовой группе, я скользнул по нему оптикой... Словом, что-нибудь такое... Ну и ладно. Привет, братан. Удачи. А я поехал в командировку.

Последнее время — почти два года — я ездил в командировки только поездом. Если сказать такое любому из наших, он сразу догадается: в поезде легче избежать покушения. И я отвечаю: "Так точно". А тем, кто не знаком с особенностями ТОЙ жизни, мы ничего объяснять не будем. Покушения ведь можно избежать по-разному. Например, охота на охотника. В поезде она доступнее. Но это уже детали, для посвящённых.

Ехал я в командировку как раз по поводу той фирмы незнамо какой руки, которая, предположительно, на меня охотилась.

Вообще забавно заниматься чем угодно гражданским после "Сигмы". Любая работа — отдых. А я к тому же, когда закрыл контракт, то сначала только учился. Университет после "Сигмы" — это даже не отдых, курорт. С обязательными лекциями по эстетике. С высокообразованными и высоко-

культурными людьми — по трое на квадратный метр. Со спортивными залами и плавательным бассейном, где можно не нагружаться по полной программе, а только иногда, украдкой, для себя, выкинуть что-нибудь этакое, вроде шести ударов в секунду, выполняя при этом "волчок" под водой. А главное в университетском "санатории" — насколько помню — ни одного прицельного взгляда в спину. Не считая, конечно, женских, у которых прицельность особенная, со щекоткой... И первые годы в журналистике прицельных взглядов тоже не было. Пока занимался спортивными репортажами, модами, концертами и прочим ширпотребом. В общем, отдохнул я после "Сигмы" порядочно, почти десять лет. А потом пришлось заменить заведующего отделом писем и рекламы, который умер во цвете, при загадочных обстоятельствах, прямо как в классическом детективе: в его квартире на восьмом этаже все мирно спали, а под утро хозяйка проснулась от холода, не обнаружила мужа рядом, выглянула в распахнутое окно и разглядела его тело на газоне.

Тогда вокруг меня опять запахло чем-то из ТОЙ жизни. Сначала от странной гибели товарища: он чуть старше меня, едва под сорок. А потом — от некоторых посетителей. Они не всегда отправляли к нам своих агентов по рекламе. Бывало, что приходили сами. Например, когда требовалось рывком обойти конкурента. Получить информацию о конкуренте. Убрать конкурента — в глубину газеты, да помельче... Взятки нам предлагались в виде компьютеров в отделы, в виде так называемых грантов на газетные нужды, в виде дружеских подарков коллективу на какой-нибудь День Защиты Беззащитных... В общем, нас покупали, а мы — продавались. На то она и вторая древнейшая. Но свобода совести, свобода любознательности — это же у нас внутри, оно не покупается. А свобода внутреннего анализа — она даже самоконтролю не поддается, она врожденная. Словом, когда я исподволь раскопал свой первый криминал, то сразу и понял, как можно вылететь ночью с восьмого этажа на газон. Летел, правда, не я. И не с восьмого этажа, а со второго. И не из окна, а через дверь. И не на газон, естественно, а до ближайшей лестничной площадки. И не напавал, а всего лишь на пару недель в госпитале. Но я не скрывался, оружие этих хлопчиков сдал "подоспевшим" по моему вызову блюстителям покоя. И навестил разок пацанов. "Чажемтовской" водички им принёс. И взял интервью. Правда, не без насилия. Но оно на этот раз было чисто символическим. С милицией — "в интересах безопасности и наообщее" — договорился о взаимном молчании. Там ТАКИХ журналистов уважают и стараются привлечь к сотрудничеству. А у меня в милиции к тому же полно друзей: не зря ведь я — томич в десятом поколении... И вскоре оброс я таким криминалом, что последние два года уже всерьёз думал: "А стоило ли закрывать контракт в "Сигме", если вся спина опять чешется от вооружённых взглядов?" Но отвечал всегда одно: "Да, стоило. В газете можно гораздо больше заработать. Можно выбирать из более широкого списка клиентов. А главное — в газете свободы всё же больше, чем осознанной необходимости". Правда, насчёт плеча товарища, насчёт прикрытой спины, насчёт выбора средств — журналистика "Сигме" уступает крепко. Но и то правда, что после пяти-семи лет в "Сигме" человек уже носит всё своё с собой. Да и вообще: что это за работа, если в ней нет издержек, и что это за работник, если он ищет не где интереснее, а где безопаснее... Да и в частности — любимая поговорка "сигмачей" — ОТСТУПАТЬ НЕКОГДА. Это тоже чего-то стоит. Хорош я буду, если даже какой-нибудь малознакомый Виктор посмотрит при встрече с таким смыслом, что, мол, знаем, знаем, какой бояка Егор Чайка. А уж о товарищах из собственной команды и думать жутко. Я сам никого из них не вычеркнул и — дай, боженька — меня не вычеркнут тоже. Мы иногда собираемся — по поводу известных круглых дат, редко с какими праздниками совпадающих — и тогда каждому глядит в глаза и с удовольствием видит, что там, за зрачками — ни страха, ни позора, а только душевный покой, братство и справедливость.

Итак, пошла очередная командировка. Не от редакции, правда. От самого себя. На ночку — туда и обратно. Билет куплен без свидетелей, в одно из средних купе. Посадка произведена бегом, в последний вагон отходящего поезда. Прочую безопасность обеспечат наблюдательность, предусмотрительность и — в крайнем случае — реакция и быстрота. Оружия принципиально не носим: во-первых, оно расслабляет, во-вторых, просится наружу, в-третьих, может при случае вызвать несвоевременные осложнения с правоохраной. А в-главных: зачем мне оружие, если мои доблестные охотнички постоянно носят его за мною следом?

Подумал об этом, и сразу вспомнилось второе покушение. Нагло, прямо в скверике перед домом, напали шестеро глухонемых с различными предметами — оглушающими, колющими и режущими. Когда я взял у второго цепь и завертелся, пятый успел достать что-то огнестрельное, многозарядное, калибра миллиметров девять. И уже по шестому — шустрый такой — пришлось пальнуть, и он оказался вовсе не глухонемым, потому что "макаровская" пуля очень уж мелко раздробила тазовую кость да ещё задела ягодичный нервный центр. Пока не подъехала милиция, успел очнуться первый, и я успел взять у него интервью — ещё кое-что прояснилось.

Так по ниточкам, по шнурочкам, по верёвочкам я составлял представление о серьёзном клубке и чувствовал — нет, умом доходил, что пора становиться боякой. Есть, кого бояться, надо бояться. И я стал бояться. В точном соответствии с науками, по которым в "Сигме" полагалось иметь обязательную пятёрку, потому что четвёрка — это уже марш Мендельсона и три залпа холостыми. Стало быть, бояться необходимо уметь только на "отлично".

Ехать-то всего до Новосибирска. Можно было бы автобусом, и дешевле, но — опасно: могут пострадать невинные люди. Да и сам могу влипнуть.

Дело тут вот в чём. Автобус на Новосибирск отходит от Лагерного сада около полуночи. Записываться на него надо днём, на Центральном рынке, у всех на виду. Там стоят трое-четверо с табличками на груди, а на табличках — "РАФ", "ТОЙОТА", "ИКАРУС". На микроавтобусе чуть дороже, чуть теснее, а скорость та же, потому что они все собираются у Лагерного сада и отбывают разом: колонной ехать безопаснее. Однако выследят и остановят или просто расстреляют на ходу где-нибудь в районе Болотного, на границе областей. Удобно, конечно, что колонна прибывает на оптовый рынок около четырёх часов утра, когда там всё дешевле. Но мне нужны не покупки. То есть, покупки — не главное. Я поговорю кое с кем, дождусь на вокзале поезда из Москвы и уже завтра до обеда буду в Томске.

В размотании клубочка я уже на финишной прямой. Несколько дней плотно поработать — и дойду до мозга. А пока — первое звено операции: Новосибирск, вещевой оптовый рынок, контакт с Посредником. Формально и ради карманных денег он посредничает в мелкой торговле и с кем угодно. Но есть у него ещё функции "почтового ящика с двойным дном" — вот туда бы заглянуть...

По случаю билетной дороговизны и по причине голодных шахтёрских пикетов на рельсах Транссиба я ехал в купе один. Не составило труда — за пару шоколадок — договориться с проводницами, чтобы до Новосибирска не подсаживали ко мне никого. Заперся и почти сразу уснул. Успел только подумать про Илюшу. Он теперь живёт в Новосибирске, у него новая жена, четвёртая. Она его любит, как все предыдущие, потому что он гений и добряк. Я их давно не видел.

Может быть, оттого, что истекшие сутки были чересчур износными, приснилась мне — старость.

Купанье в Крыму.

Кончался июль.

За три месяца на западное побережье Крыма не упало ни капли дождя.

Жаворонки пели свои высотные песни только зорями, когда было чем дышать.

Мы уже принимали за отдалённую грозу взрывы морских учений и сверхзвуковые тренировки качинских курсантов.

Обгорелые курортники изнемогали в длинных очередях за "пепси-колой", фруктами и обратными билетами.

Друг-писатель, у которого я гостил в деревне Дивное, вёз меня на Косу. Гораздо ближе было бы оставить "Москвича" у фруктового базарчика в Стерегушем и сквозь межведомственный пансионат сходить на тамошний колючий, но вполне приличный пляж. Следовало только приехать пораньше, чтобы занять "бастион" поудобнее.

"Бастион" — это часть ракушечного берега у воды, охваченная рукотворным валиком из водорослей. "Бастионами" тесно покрыт в несколько рядов весь берег перед пансионатом.

Но от ракушек колко городским ногам. А главное — пляж в Стерегушем — внутренний. Он расположен в бухте, которую образует семикилометровая Коса. С самой же Косы, с её внешнего берега, моряку приятно посмотреть в открытый простор. И мы едем на Косу.

- Илюша, говорю другу, - вот превратности жизни: когда смотрели с "Михайлы" в стереотрубу на здешних купальщиц, мы и не подозревали, что в старости будем тут загорать.

"Михайло" — это было домашнее прозвище пушечного крейсера "Михаил Кутузов", уже давным-давно порезанного автогеном и отправленного в мартен.

- Привираешь для лирики, - возражает Илья. - На купальщиц вы глазели с ялтинского рейда. Здесь тогда пляжа не было.

- Да здесь и сейчас не пляж.

- Нет уж, - Илья останавливает машину, - раз надо платить, значит пляж. Не тот бич, который бывший матрос, а тот бич, который пляж.

Он идёт к будке у шлагбаума. Отдаёт кассирше монетку за "Москвича" и по монетке за каждого из нас. Мужик в кепке отрывает половинки талонов и за верёвку поднимает полосатую трубу.

- Индустрия отдыха, - ворчу, - цивилизейшен...

- Бён-ть, - добавляет Илья и смотрит на меня. Я улыбаюсь, потому что сразу вспоминаю нашего Ионыча.

Такая присказка была у лейтенанта Чинчарадзе. Большой спец по водолазному делу. На шее носил почётный приз — "Зуб акулы". В Чёрном море акулы — не акулы, а одно название, мелочь. Зато крабы, особенно каменные, вполне достойны охоты. Мы ныряли за ними и в Северной бухте, где базировались, и у Фиолента, и на всех стоянках, если было время. Кто голыми руками добывал самого крупного краба, носил на шее подвижный зуб его правой клешни — "Зуб акулы". Самих же крабов мы варили в морской воде — они вкусные.

Чинчарадзе взял своего краба только в третьем походе. Это страшило, обросшее мохом и ракушками, охраняло бетонный якорь стояночной бочки у входа в Камышовую бухту. Оно защищалось отчаянно и надёжно пряталось, когда противник был настойчив. Однако Ионыч понял его тактику и застал-таки врасплох. На глубине девятнадцати метров и без аппарата это непросто.

- Интересно, как сейчас Ионыч? Наверно, уже кап-раз...

- Успел только до капитан-лейтенанта, - у Ильи гаснет голос.

- А что такое? Не попал в академию?

- Он попал на разминирование Суэцкого канала. Ты тогда читал газеты? Ну вот, подорвался наш командир.

- Не повезло.

Илья кивает. Моряки и лётчики суеверны. Мы ЗНАЕМ, что есть везение и невезение.

Едем молча. Дорога брызжет щебёнкой в днище.

Вот как: у нас свои машины, на Косе — пляж и новая дорога, а от нашего удалого лейтенанта чья-то чужая мина и мощей не оставила. Превратности профессии...

За километр до конца Косы — подобие кемпинга у дороги. Площадка для машин с правом палаточного жилья. Только никакого сервиса, кроме ежедневной автолавки: сливы, печенье, водка, два сорта вина и расчёски. Даже море "пепси-колы" сюда ещё не доплеснулось.

Последний дорожный знак — "тупик".

- Почти дикий пляж, - говорит Илья. - Ни деревьев. Бён-ть.

Тупик — в полукилометре мимо кемпинга. Отмечен несколькими загородками для переодевания и капитальным сооружением из ракушечника, с двумя входами. Гигиена обеспечивается также несколькими контейнерами для мусора: "Не сори на пляже". А экология — почти русским текстом на побеленной стене сооружения, грубо чёрной краской между "М" и "Ж": "Внимание с 1 июня по 31 августа лов креветки запрещено".

Креветки знают, конечно, об этой привилегии: носятся стаями у самого берега, щекочут ноги купальщикам и прозрачными молниями выстреливают в сторону, не даваясь в руки.

Коса песчаная. Только в очень свежую погоду прибой выбрасывает узким поясом ракушки.

Малыши с папами собирают мелкие гребешки и мидии для аквариумов. Радикулитчики и ревматики с визгом и стонами натирают больные места жгучими щупальцами узорчатых медуз и спрашивают друг друга, какая целебнее: голубая, розовая или коричневая. Натягивают на четырёх привезённых палочках простыню для тени и закапывают в мокрый песок привезённые же бутылки. Кто с автомобилем, слушают радио, выгружают из багажников ящиками продукты и жуют, жуют. Кто на автобусе, довольствуются ультрафиолетовым ветром.

Мы с Ильёй тоже радикулитчики. У него писательский, шейный, плюс гипертония. У меня шофёрский, поясничный, минус гипотония. Но мы лечимся только дикой грязью, которую набираем возле "Лягушатника" в Портовом и употребляем по специальному эмпирическому рецепту. На Косе мы не лечимся, а плаваем для удовольствия.

Плывущий в море мужчина, особенно бывший легководолаз, не может чувствовать себя больным. Он растворяется в солёной воде и способен выполнить любой акробатический трюк без малейшего усилия. Безусловно, человечество вышло из моря. И оно туда вернётся. Оно уже возвращается. Нужно только надеть на всех маски, ласты и дыхательную аппаратуру.

Маску я уже надел. Этого пока хватит.

Вчера какой-то встречный бежал с безумными глазами по кромке прибоя и грубым, мужественным голосом спрашивал у всех, где тут море выбрасывает рапаны. Мы ответили, что не знаем такого слова, а сами подумали, что на здешнем песчаном дне рапаны и в самом деле не исключены. Поэтому сегодня взяли с собой маску.

Маска у Ильи плохая, дилетантская: слишком большое стекло вставлено без ободка в слишком мягкую резину. При энергичных движениях в неё сразу же набирается вода.

Я плыву медленным кролем навстречу пологой зыби и поглядываю на морщинистое песчаное дно, как на пустыню Сахару из разведывательного самолёта. Хорошо бы увезти в Сибирь черноморскую рапану. Выварить моллюска, почистить сверху — выйдет отличная пепельница с розовым нутром. И подарить нашему другу Аркаше, если не бросил курить. А если бросил, будет украшение. Он художник, он оценит. Рапана, "Зуб акулы" — это и его прошлое.

В морщинках песка белеют те же мелкие ракушки, что и на берегу. Пока не кончился штиль, их видно хорошо метров с пяти. Я лечу над мёртвым донным миром. Никакого движения, если не считать рачков-отшельников, буксирующих свои жилища, которые, наверно, кажутся им танками. Как и мне. Только в другой пустыне. Не забыть обсудить с Ильёй, на что больше похож сверху отшельник — на нашу "восьмидесятку" или на израильскую "Меркаву"...

В наше время у берега кишели коньки, петушки, бычки, важничали морские черти, даже на зубьях остроги уверенные, что их все боятся. Мелькала в отдалении кефаль, призрачно прекрасная, неостановимая, как торпеда, абсолютно чувствующая дистанцию подводного ружья...

Хорошо, что пляж почти дикий: ни спасательной станции, ни буйков. Плыви, голубь, в открытое море, пока не застучат погранцы. Теперь-то среди них знакомых нет, начнут личность выяснять...

В ста метрах от берега дна уже не видно. Если рапаны есть, то уже возможна встреча. Выливаю воду из маски, вентилирую лёгкие и осторожно ныряю свечкой. Бледные краски сгущаются, глущина охватывает меня, обжимает... Но ничего страшного, только легонько ломит в ушах.

Впереди на дне какой-то чёрный диск. Будто край противотанковой мины, с которой сдуло песок. Жаль нет ласт, кислород кончается слишком быстро — не те уже лёгкие. Но в организме порядок, и я всё же гребу вперёд. У чёрного диска оказывается крысиный хвост и приличная скорость. Эта скотина именуется скатом и носит на хвосте ядовитый шип. Жаль, нет остроги...

Наверх!

Дышу от души. Теряется с годами форма, слипаются ольвеолы. А было — спирометр из себя выпрыгивал, через край текло... Тем не менее — организм работает, спасибо.

После донной тишины, украшаемой тонким звоном ракушек, родная стихия стегает по ушам громовым треском. Задираю маску к небу. Не очень высоко, метрах на пятистах, скользит стрела с косыми воздухозаборниками по бокам. В годы нашей молодости за перехватчиками тащилось примусно-змеиное шипенье, какое-то лёгкое, даже домашнее. И крылья выглядели попонятнее...

Долго отдыхаю после пустячного погружения. Мне стыдно. Я стар и слаб. Для меня уже и дюжина метров — серьёзно. В небе и на настоящей глубине работают теперь другие. Всё естественно. Но стыд — как любовь, его не подавишь. Отставать всегда обидно и стыдно. А кому не стыдно, тот, значит, бросил жить.

Гром ударил и укатился, всё мгновенно. Я опять у своих забот. Аркашина пепельница где-то на дне, дело за малым...

Кажется, уже полчаса парю в прозрачной воде, уклоняясь от целебных медуз. Целый десант крапивного студня для радикулитчиков — розовые, коричневые и голубые парашютисты — степенно дефилируют параллельно берегу, подгребая краями куполов, приветствуют друг друга лёгким знаком ядовитого щупальца.

Все кругом вооружены: кто шипом, кто стрекательными клетками, кто скоростью, кто ракетами и пушками, кто камуфляжем, как вон та камбала. Даже я, голый, имею маску и достаточно силы, чтобы справиться с беззащитно красивой рапаной. Красота здесь — не оружие...

Найти бы её только.

Нет, не найду. Я это чувствовал с самого начала. Если бы рапаны жили здесь, я видел бы хоть какие-то их признаки на берегу, среди других ракушек. Отвык от моря. Вопрос вчерашнего безумца принял за информацию. А человек просто где-то слышал, что в Чёрном море ещё водятся рапаны, вот и решил, что они повсюду...

К берегу плыву не спеша, брассом. Наслаждаюсь невесомостью и отсутствием радикулита. Кажется, немного онемели пальцы на ногах. Но это — кажется.

Согбенная громоздкая фигура Ильи на берегу выражает озабоченность. Напрасно, старик, всё — на "ять".

На полпути, когда уже с поверхности смутно вижу дно, ныряю ещё раз, для удовольствия. Погружаюсь решительнее, чем раньше. Всё в порядке, только резче звон в ушах, но это — обычное дело.

Немного проплываю у самого дна и — натыкаюсь на небольшого песчаного крабика, с ладонь, не больше.

У каменного краба панцирь мощный, шиповатый, почти чёрный. А у этих — серый, гладкий, почти прозрачный. Силы тоже поменьше.

Но малец попался очень проворный. Если бы притаился в песке, я бы, может, и не заметил. А он, глупышка, издали встал в боевую позицию: задрал раскрытые клешни и завертелся, наблюдая за огромным противником.

Большого, серьёзного краба, который может тяпнуть до крови, обычно за бока не возьмёшь — мешают мощные суставы ходуль. Такого надо обмануть: отвлечь правой и брать сзади левой, чтобы ладонь накрыла ему глаза и, находясь между клешнями, была бы для них неуязвима. Можно проверить старые навыки и на этом молокососе. Но уже хочется подышать, уже горло само делает глотательные движения. Я просто сгрёб его как придётся, предоставив щипать мозоли сколько угодно его душе — всё равно только щекотно.

Больше не нырял, а быстренько доплыл на боку до Ильи — показать единственного представителя серьёзной фауны.

Мы легли ногами в воду и положили крабика на мокрый песок. Он миглом повернулся правым боком к морю и отправился домой.

- Погоди, - прогудел Илья, - мы же ещё путём не поздоровались... Много ты нырял, - это уже мне. - Я забеспокоился. Как пальчики?

- Есть маленько в ногах - признался я. - И в руки вроде сейчас начинает вступать.

- Вот видишь... Не надо было. Может, по машинам?

- Э-э-э, когда-то ещё в настоящее море попаду. Полежим.
- Ну, смотри. Как чувствуешь, до головы не дойдёт?
- Нет, конечно. Рассосётся. Последний раз на Обском море прихватило, шесть лет назад, я тебе писал. Тогда время крепко просрочил. Но зато очень основательно "прокатали" в барокамере. Да и сам с тех пор глубиной не баловался.

- И не балуйся, - сказал Илья настойчиво. - Я так совсем не ныряю. Сделать надо много, так что не до баловства. Долги гнетут.

- Кому должен?

- Многим. И тем ребятам, которых мы не спасли, и нашему Ионычу. Да и тебе, бён-ть...

Мы помолчали. Илья повернул крабика левым боком к воде. Тот без ошибки двинулся влево.

- Знает, куда бежать, - грубый голос над нами. Вчерашний безумец глядел на крабика с жадностью нумизмата. - Сварить, засушить и — на стену!

Мы промолчали. Если уж на стену, так раньше надо на муравейник... Илья прикрыл крабика ладонью.

Можно посмотреть? - Нумизмат присел.

Илья молча убрал ладонь. Грубый поднял крабика за бока, сунул в клешню толстый палец. Никакой реакции.

- Дохлак, - пузо Нумизмата, лежащее на коленях, колыхнул смешок. - Химия, радиация, озоновые дыры.

Мы молчали. Я рыл в песке ямку. Туда набиралась вода.

- Может, подарите?

- Нет! - рявкнул Илья. - Самим надо!

- Под стекло, на стену, - добавил я и протянул руку.

- А рапан, что, нету? - Нумизмат нехотя вернул добычу.

- В море ушли, - соврал я. - Перед штормом.

- Гм? - промычал Нумизмат и удалился.

Крабик лежал на песке, уже не пытаюсь удрать. Хоть и двоякодышащий, а в воде ему лучше.

- Что, плохеет? - Илья заметил, как я разминаю пальцы, сгребая песок.

- Нет, не беспокойся. Это я просто, чтобы скорее прошло.

- А ноги?

Пальцев на ногах я пока не чувствовал, но улыбнулся и качнул головой.

- Да-а, - прогудел Илья, - дорого нам достались те ребята.

- Им-то было ещё дороже. Удушье — раз, кессонка — два...

- Само собой...

Мы молчали несколько минут. Крабик лежал смирно, будто ему тоже было что вспомнить. Я даже забеспокоился: не разучился ли он дышать двояко. Нам бы так — спасли бы тогда всех.

Во время службы мы не любили крабов. Чинчарадзе говорил с обидой: "Когда помрём, они, паразиты, нас по кусочкам растащат". Как видно, он знал, что умрёт в море. У специалистов это бывает. Поэтому они и суеверны.

Прошлёпали по воде и перепрыгнули через нас чьи-то ноги. Донёсся голос:

- Надвигается шторм! Все рапаны ушли в море!

Мы переглянулись. Илья хмыкнул в бороду.

- Дяденьки, подарите крабика.

Две купальщицы в красном. Сами уже коричневые. Русалки. Наяды. Таких мы рассматривали в стереотрубу на траверзе ялтинского пляжа.

- А зачем вам, девочки, крабик?

- Высушим — и на полочку, за стекло, чтоб не пылился. На память о Крыме.

- Нет, не подарим, - я разозлился, будто не сам ел крабов, варёных в морской воде, будто не носил на самодельной цепочке "Зуб акулы".

- Что, самим нужен? А вы себе ещё поймаете.

Никогда не любил прилипчивых. Я сел, одолевая боль в спине.

- Самим не нужен.

- Куда ж вы его денете? Продавать понесёте?

- Его мама ждёт, - я сгрёб притихшего крабика и встал, роя песок пальцами ног. Снизу тревожно глядел Илья: то на моё лицо, то на ноги. Возможно, я был бледен, чуть знобило на жару.

- Какие злые дяденьки!

Ушли, красивые, на длинных ногах, с распущенными волосами.

- У, м-медузы водопроводные...

- Далеко не заходи, - попросил вслед Илья.

Я кивнул и вошёл в море. В сторонке наяды о чём-то подговаривали парня с маской на лбу. Поглядывали на меня.

Вода коснулась груди, и мою белую кожу зазнобило чуть сильнее. Я надвинул маску и поплыл, не оглядываясь на Илью, меняя галсы и держа крабика под водой, чтобы с берега не видели, когда отпускаю. Парень в маске за мной не спешил, молодец. Может быть, понимает, что к чему.

Крабик развесил клешни и ходули, не подавая признаков жизни. Да, дружок, люди быстро научат притворяться.

Я отплыл метров на семьдесят, пока ещё различались ракушки на дне, и отпустил пленника. Он планировал боком, как опытный парашютист, грамотно расставив членистые конечности. Однако больше похож сверху на паука. Эй, ты, я всё же не люблю тебя! Когда умру, ты тоже оторвёшь от меня свой кусочек...

Я нырнул следом и поймал его на ладонь. Он не стал драться, а юрко сложил клешни, как боксёр, уходящий в глухую защиту. Я наклонил ладонь, и он опять стал планировать боком, весь растопырясь. А я вынырнул, чтобы подышать.

Новый реактивный гром, как хлыстом, ударил сверху. Какое забавное совпадение! Я уже не вздрогнул. Привык.

Проводил глазами рычащее чудо, отдышался и нырнул.

Полузарывшись в песок и выставив глазки-перископы, крабик следил за мной издали. Навстречу протянутой руке не поднялись грозно раскрытые клешни — Опыт повелел затаиться. Я потрогал онемевшими пальцами неподвижный панцирь. Крабик вжался в песок и, казалось, даже съёжился в своей скорлупе.

Вода у дна качалась. Песчинки двигались в ней, как живые. А крабик лежал, как мёртвый.

Я вынырнул лицом к берегу. Огромная бородатая фигура Ильи нетерпеливо раздвигала волны, чтобы силой пресечь моё безрассудное ныряние. Новый гром с ясного неба приглушил его сердитый бас:

- Вылезай, кому говорю! Бён-ть...

Потом я ещё плыл к берегу, видел протянутые руки Ильи и слышал, как звали в небо чайки, бессмертные матросские души...

Одновременно потерял сознание во сне и проснулся в поезде. С нелучшими чувствами. Зачатки кессонной болезни — это, конечно, при нас, но не до такой же степени. Бён-ть, никакого удовольствия — присниться себе стариком, вдребезги больным, хоть и с собственной машиной... Это знак: дремлющие в нас мины, взрываются во снах. Надо не откладывая навестить Илью, сегодня же. Ненавязчиво пощebetать о его здоровье, а заодно спросить, не собирается ли теперь поселиться в Крыму: вдруг сон в руку? Илюша лёгок на подъём: жил и в Прибалтике, и на Дальнем Востоке, и в Средней Азии. Теперь вот в Сибири осел. Так почему не откочевать в Крым, на берега бурной молодости?

- Здравствуй, Илюша!

- "Летун"! - друг тискает, здоровенный, я задыхаюсь. - Ленка, иди сюда!

Как все Илюшины жёны, Ленка тоненькая и быстрая. Видно, он неполноценен без компенсации своей медвежьей косолапости. Она вбегает в тесные стандартные сени и виснет у дорогого гостя на шее: со слов талантливого писателя-мужа Ленка считает меня героем всех времён и народов да ещё светилом неподкупной журналистики. У него все жёны такие восторженные, мне даже не приходится к ним привыкать.

Мы оба любим готовить, но Ленка нас в кухню не пускает:

- Гостям и инвалидам вход запрещён!

Илья ворчит, я ворчу, но в целом оба довольны: не столь уж часто видимся, чтобы отказаться от такого подарка. Садимся: он — на диван, а я — на типографскую упаковку с книгами. Илюша жалуется, что издательство, по причине предкоматозного состояния, рассчиталось с ним не деньгами, а частью тиража: "Теперь вот сам себя продаю на углу в розницу, тем и живём". И тут же дарит свой новый роман, выломав его из соседней початой упаковки. Насчёт его доходов я беспокоюсь не очень: в нескольких издательствах страны подписаны в набор его книги, а "торговля на углу" — это так, каприз, чтобы воздухом подышать. Да плюс пенсия, хоть и небольшая, но верная. Однако последнее как раз и составляет предмет моей тревоги: пенсию Илюше стали платить недавно, после тяжелейшего инсульта. У него нарушена речь, он ходит по улице с тростью, которая украшает переднюю — мощная, берёзовая, из цельного ствола — под стать его фигуре. Стало быть, выкарабкивается друг медленнее. И "клюковку" — водку со сладким клюквенным соком - я привёз напрасно.

Спрашиваю напрямую о последствиях инсульта: у нас прямота — крайняя форма деликатности. Илья верен себе — смеётся.

- Доктор сказал, что сия диверсия поражает только самый верхний этаж мозга. У кого конструкция одноэтажная, тому хана — идиотизм. А у меня ведь — ха! — небоскрёб! Даже не почувствовал. Память проверял на Ленке. Становился спиной к карте мира, она называла государство...

- А ты перечислял всех соседей, все их правительства, народы, ресурсы, промышленность...

- Ну да. Только, видишь, язык заплетается. Перестал выступать перед читателями, чтоб не сплетничали про пьянство в писательском союзе. Потеря, конечно. Но и приобретение: стало больше СВОЕГО времени. А время нужнее славы: звоночек звякнул, значит надо торопиться, писать. У меня сюжетов — ещё на сто четыре года. Это если писать по два романа в год и не выдумывать новых сюжетов. А они так и лезут, всё новые, чуть не каждый день, изо всех щелей...

Ну вот, один из нас уже почуял финишную прямую. Грустно. Надо отвлечь.

- А знаешь, я тоже тебе сюжет привёз.

- Давай. Плюс-минус полгода роли уже не играет.

Рассказываю, как началась охота на меня, куда идёт дело. Илья внимательно выслушивает и вздыхает:

- Ах, Гошенька... У меня на подобную тему уже роман — в "Мангазее". Через год подойдёт очередь — прочтёшь. Почти один к одному. А конец там вот какой, как раз для тебя. Ценой изрядных потерь враги уже почти дожимают героя, но тут, почуяв тревогу, старые товарищи включают форсаж и — успевают на выручку, за секунду до решающего удара. Грешен, люблю хорошие концы.

- За это тебя и читают. Но у меня конец будет другой.

- У тебя конца не будет, - говорит он сурово. - Тебе жить за нас всех... - И сам меняет тему. - А как у тебя на личной ниве?

- Нету. Всё больше по чужим огородам.

- Во! - Он хохочет. - Хорошо сказал! Сейчас Ленку рассмешим... А что это ты там рисуешь, "Кукрыникс"?

"Кукрыникс" — моё второе прозвище в "Сигме", за умение рисовать шаржи. Но сейчас мне не до шаржей.

- Серьёзный портрет, Илюша, рисую. И очень стараюсь. Утром встретил на вокзале. Вроде из наших. Помоложе нас. А где встречал — не помню. Может, ты?

У Ильи гениальная память. У него и прозвище было — "Объектив". Если он этого Виктора хоть раз видел, значит я избавлюсь от докучки: нечего ему торчать перед глазами, не до него...

Илья вглядывается в мой рисунок. Подходит с ним к стенному зеркалу и разглядывает в отражённом виде.

- Нет, не встречал. А чем он тебя зацепил?

- Да ничем. Вот тебе ещё сюжет: носят мои мучения склеротический характер или что-то о нём лежит у меня в подсознании?

Илья отвечает, что это одно и тоже и вовсе не сюжет. Тут Лена требует "рабсилу для загрузки тяжестей", то есть приглашает нас к столу.

Я достаю-таки свою "клюквовку", и мы с ней звеним алкоголем об Илюшину газировку.

- За "Сигму"! — Это у Ильи любимый тост. После он обязательно разъясняет, будто кругом все неучи, а он — только что узнал: - "Сигма" в математике означает сумму. А ведь были мы ох какой суммой, да, "Летун"?

- Были, "Объектив". И остались. Только нажми.

Ленка уже знает, что значат мои загадочные слова. "Нажми" — это вполне буквально. Если нажать на микрофоне тангенту и позвать: "Летун", я — "Объектив", нахожусь там-то, ко мне!", Егор Чайка всё бросит и ударит крылами. А если Егор Чайка крикнет в эфир: "Сигма", я — "Летун", все ко мне!" — что за силища слетится!.. Это и будет — Сумма.

Итак, тревожный сон загнал к Илье, и я остался допоздна, чтобы очень рано утречком, ещё раньше 13-го трамвая, добежать до этого рынка, отловить Посредника да и уехать оттуда на Томск "челночным" автобусом. Если среди мелких спекулянтов отыщется свободное место.

Говорили о многом, в том числе и о моём "пляжном" сновидении. Илюша отозвался на него долгим раздумьем. Даже отсел на своё колченогое вертящееся кресло к компьютеру и что-то наступал. Потом сказал:

- Это хороший сюжет. Душевный. И антивоенный. Может получится новелла. Каплею нашему посвятим, да? Складно ведь как приснилось... А насчёт переселения в Крым — это, знаешь, интересно. Сон воплотить в сюжет, а сюжет — в жизнь, ага?

В три часа ночи, вполне для insultников по-божески, я наказал Илье завтра же начать занятия с логопедом (ничего бы не желать, где ничего не можешь) и откланялся. Ленке шепнул, чтобы ни под каким видом не давала ему нервничать и перегружаться (тоже из области благих намерений), она, с переполненными глазами, кивнула.

Открытие рынка происходило как раз в эти минуты. Ходу мне туда около часа — как раз успеют рассосаться автомобильные пробки у ворот. Оптовики сразу откроют свои контейнеры, выложат товар, тут я и пожалую.

При мне была лишь средних размеров полупустая сумка. В ней — ветровка, полотенце да тряпочка для ботинок. Так что на рынок прибыл не запыхавшись.

Всё там происходило, как я ожидал. Даже нахалы-пустышники уже воткнули на перекрёстках свои складные столики и хватали за рукава занятых пробегающих, протягивая шарики из-под "киндер-сюрприза": "Женщина, помогите нам, назовите цифру!" И уже какая-то доверчивая "лоханка", позарившаяся в темноте на лёгкий выигрыш, причитала в голос, и этот голос терялся в базарном фоне: "Ну помогите же вы мне! Найдите же его! Да куда же он исчез?" И руки её вздетые были пусты, а мошенники отворачивались и пожимали плечами. А прочие спешили мимо с сумками на колёсах — им было не до чужого растяпства, у них дома свои голодные... Прошёл мимо и я: не гоняйся за халевой, леди, учил же в школе...

Посредника я узнал сразу, потому что имел надёжный словесный портрет: очень широк в бёдрах, в плечах и в щеках, всегда носит камуфляжную жилетку с десятью карманами, голову бреет и всегда иронически улыбается.

Я протиснулся между углами двух столиков, перешагнул через коробку с брюками, нырнул под неяркую лампочку и оказался у него в пятитонном контейнере, носом к носу. Я назвал его по имени, передал привет и задал вопрос. Он сумел удержать на лице улыбку, но она перестала быть иронической. Он не понял, что именно я называю "крышей в Томске". Я терпеливо объяснил, что "крыша" — не "что", а "кто". Я сказал, что не за тем тащился сюда двести пятьдесят километров, чтобы смотреть, как он "гонит театр". Я предупредил, что прямо сейчас в его контейнере может вспыхнуть сильный пожар, а меня в темноте никто ни за что не поймает. Поэтому лучше всего назвать имя и адрес "крыши" в Томске. Притом назвать правильно, чтобы мне не пришлось возвращаться. Ибо тогда одним пожаром он не отделается. Может пострадать вот эта красивая жилетка. Вообще одна причёска уцелет...

Потом я вежливо поблагодарил этого симпатичного парня и растворился в толпе, направляясь вовсе не в сторону автостоянки, а сразу, скажем так, во все стороны. С изрядной скоростью погулял по рядам, купил себе по оптовым ценам упаковку маек, упаковку носков, упаковку плавок, упаковку лезвий для бритвы (хватит до старости, если доживу), складной нож (безусловно китайский, но с американским флагом на рукоятке и с английскими заверениями на коробочке о его НАТОвской принадлежности). И, поколебавшись, купил поддельные, но вполне ноские китайские "саламандры" на лето. Всё это покупалось между делом, поскольку был заказ от Той Самой — "замужней и верной штампу в паспорте". (Поскольку честь дамы в любом случае неприкосновенна, я так и буду её именовать — Тасамая). Заказ был выполнен с достаточным успехом, и сумка моя наполнилась под самую "молнию" — как раз чтобы выглядеть средней руки "челноком", готовым возвращаться в родной город, к голодной семье.

Вот теперь, между пятью и шестью часами утра, окончательно убеждённый, что меня здесь не "пасут", я выделился из густой толпы в редкую, за второстепенными воротами рынка, и возник на автостоянке. Там без труда опознал по приметному номеру томский "Икарус". И в нём оказалось как раз одно свободное место — разумеется, на непрестижном заднем сиденье. Там я и проспал почти до самого отъезда, до девяти утра, когда все оптовики завершили покупки, а цены поднялись до розничных.

Автобус наполнился. Пришлось сыщику-журналисту принять сидячее положение и обуться.

За окнами какой-то новичок, не дотерпевший в очереди к одноместному платному туалету, откупался у забора от суровой парочки милиционеров его же возраста, на зарплату которых и шли, наверно, туалетные сборы. На всех сиденьях в автобусе хихикали или жалели парня, ругали местных жлобов-распорядителей, жевали, пили, уже похрапывали — рабочая ночь перетекала в тихий час на колёсах.

Я свой сон уже сломал и собирался теперь планировать, как бы сегодня же, после обеда, достать — хоть из-под земли — гражданина Крышу и взять интервью. Тут было что планировать, поскольку среди "крыш", то есть платных самодельных "антивымогателей", слабаков не бывает, и нужные мне сведения получить без насилия мудрено.

Но с планированием дело сразу не пошло. Перед сном я думал об Илье, и во сне, естественно, явилась эта тема. Она не оставила меня и в сидячем положении. Этот сон я назвал бы:

"Станный допрос".

На этот раз меня пытали. Окружили, не побоявшись моих ватных ударов, завалили, приколотили к полу парой гвоздей-двухсоток, а сами расселись на полу и на разные лады — то ласково, то грозно, то ехидно, а то вообще истерически, но с очень большим пристрастием — задавали один и тот же вопрос: "Почему твой друг женат уже четвёртый раз, а ты — ещё ни разу?" Мне было не больно от гвоздей и не страшно от их гримас и угроз, но ответить я — даже при всём своём желании — мог только на вторую половину вопроса. Я сказал сразу: "Какого чёрта? Из-за такого пустяка не стоило меня унижать. Но уж если не можете без этого жить, то нате: я не женат и не намерен, потому что не доверяю женщинам. Подробности? Хрестоматийны до пошлости. Та, на Которую я молился всю армейскую службу, как во храме — на броне, аки на паперти, с детонатором, как с крестом, в рукопашной, как в крестном ходе — Она ждала меня почти два года, а потом вдруг написала, что вышла

замуж, и лучше мне в Томск не возвращаться, чтобы не тратить понапрасну нервы себе и Ей. Хорошо, я стиснул зубы и остался служить по контракту, хотя очень планировал получить образование в Томском государственном университете имени Валериана Куйбышева, который никогда там не учился. Полюбуйтесь, пыталели, мне повезло: я попал в "Сигму". И хотя нагляделся в пустые глазницы смерти на несколько жизней вперёд, ни об одной минуте контрактной службы не сожалею. Более того — вспоминаю с благоговением. Мы не солдаты удачи, хоть и считаем везение одним из решающих факторов выживания. Мы — солдаты чести и справедливости. Есть ещё такие. Мы останавливали кровопролития, освобождали заложников, отбивали у вооружённых маньяков захваченные корабли и здания. Мы видели слёзы незащищённых людей, но то были слёзы благодарности за пролитую нами кровь, за отданные нами жизни, и, стало быть, мы не изменили ни чести, ни справедливости... Но пришло время, и я узнал, что Та, на Которую я молился, уехала из Томска. И я закрыл контракт, потому что хотел ИДТИ ДАЛЬШЕ. Я покидал "Сигму" с такими же слезами, с какими когда-то уезжал в армию от Той, на Которую молился. Однако разница была. Теперь я знал точно: мои КРОВНЫЕ братья по "Сигме" — всегда со мной, мы всегда — СУММА, и мы — непобедимы. Остальное не имело значения. Ведь когда у человека всего одна святыня, всё остальное — просто дым, тень дыма, эхо молчания... Я легко учился, легко работал, легко жил, не творил зла, ибо оставался солдатом чести и справедливости. Но к женщинам я относился теперь без священного трепета. Как к майкам, носкам и тому подобному... Видите, пыталели, я не боюсь вас и не из страха перед вами произношу эту циничную речь. Закончу быстренько и — выдирайте ваши гвозди. Я не был по отношению к женщинам циничен. Я не обижал их, не болтал о своих связях. Но и так называемую верность не соблюдал. По уже доложенной вам причине. И в последней, нынешней своей связи — с Тойсамой — я тоже был настолько равнодушен к этой самой верности, что — можете оценить — даже не дал себе труда поинтересоваться, кто же он, счастливцев, с кем я породнился через его собственную жену. Он для меня просто не существовал, как не существовал когда-то я для своего единственного счастливого соперника. Тоже, кстати, мне не знакомого. Вот и весь секрет, граждане пыталели. То есть, доступный вам полуответ. А почему у моего друга Илюши аж четвёртый законный брак — это не ваше телёхье дело. И знал бы — не сказал. Давайте, выдирайте ваши гвозди, а то сейчас подоспеет "Сигма" и ... вы же помните, чем кончился один подобный допрос наяву..."

И вот проснувшись, то есть, точнее, переведя тело в сидячее положение, я вдруг озадачился — теперь уж просто для себя — первой половиной пыточного вопроса: "В самом деле, как это ты, "Объектив", сподобился на четыре законных брака?"

Теки за окном засеваемые поля, спали натруженные попутчики-"челноки", а я массировал шрамы на ладонях, полуспал-полубредил, как в известном стихотворении, и вот наконец — на мосту через речку Лебяжку — осенило.

Доброта, только и всего. Сверхъестественная, немислимая доброта друга Илюши. Вот вам единственная, сказочная причина всех его четырёх браков. Каждая новая жена — как же я не замечал?! — отбивала его у предыдущей, потому что видела, как нуждается этот добрый увалень в более энергичной спутнице жизни. Но уже в скором времени каждая рядом с ним становилась мягкой и до того терпимой, что, когда появлялась следующая, напористая и самоуверенная, место ей без боя освобождали, и она радостно занимала его, чтобы в своё время разделить судьбу предыдущей жены. Илья тут ничего не мог поделать. И не делал. Таков уж он был — блистательный боец от природы, но от неё же и безнадёжный непротивленец. Поэтому и из "Сигмы" ведь ушёл...

Какие мы все разные, в нашей непобедимой Сумме... Одно в нас общее — то, что отличает "Сигму" от морской пехоты: там отступать некуда, а у нас — некогда.

В Томске я удачно выскочил из челночного автобуса почти у самого своего дома, поднялся в квартиру, чтобы оставить сумку, и нашёл на столе записку от Тойсамой: "Вечером буду, жди с восьми, целую, я". Ладно, до восьми кое-что можно успеть — отступать некогда.

Поневоле пожалеешь, что собственный автомобиль только снится. Чтобы поймать этого гражданина Крышу, мне предстояло по неизвестной пока системе объехать несколько киосков и в случае неудачи, отметить на паре домашних адресов — легальном и нелегальном (ах, спасибо улыбчивому приятелю с новосибирского рынка!)

Поскольку время было послеобеденное, я рассудил, что есть смысл начать поиски с квартир: в нынешнюю дневную жару под тридцать рэкетеры наверняка отлёживаются по хатам, дожидаясь вечера, когда в природе относительная прохлада, а в торговых точках — выручка.

На основной квартире, в задрипанном бревенчатом доме, через дверную цепочку спросила, вероятно, его мамаша: "Кого надо?" Я назвал его имя не без внутренней дрожи: а вдруг улыбчивый приятель соврал? Тогда придётся извиняться, спрашивать адрес и ахать: "Дворы перепутал!" Но мамаша поддержала разговор в нужном направлении: "А вы кто?" "Я только что из Новосибирска, машина ждёт, очень срочно", - и упомянул имя Посредника. Она поверила: "Поезжайте на улицу..." Я быстренько назвал улицу. Она кивнула. Я поблагодарил и уже уверенно устремился на цель.

Цель располагалась на другом краю города, благо Томск невелик в размерах.

За двадцать минут езды я из двух троллейбусов от нечего делать насчитал полсотни ларьков. Попутно вспомнил, что в городе их четыре тысячи. Каждый обслуживается двумя-четырьмя продавцами. У каждого десятка ларьков — "крыша" из двух-четырёх твёрдых ребят с автомобилем, которые ежедневно их охраняют и, при нужде, обороняют от не поддающегося учёту количества случайных и организованных вымогателей. Но они и сами за это раз в неделю "доют" своих подзащитных на "вполне божескую сумму", равную далеко не самой высокой зарплате... Целый мир. И законы в нём — не государственные. Государственные — только налоги. В том числе и на содержание милиции, в которой тоже есть любители отрэкетировать ларёк-другой. И пока всё это есть, журналисту Егору Чайке интересно ходить по родному городу. Ибо только беспорядок возбуждает и поддерживает в человеке чувство хозяина.

На мой хозяйский стук — "раз-два-два-раз" — дверь бесстрашно открыл худощавый вьюнош лет двадцати семи-тридцати, с безмятежным взглядом киногероя "Рекса", который на каждую попытку его "поймать" отвечал красиво и коротко: "Хлопотно это". Я никого "иметь" не собирался. Я через порог представился, извинился и попросился в дом, чтобы "задать всего один вопрос, но — под крышей". "Рекс-Крыша" оценил юмор, усмехнулся и впустил меня в квартиру.

Квартирка была стандартная, однокомнатная, стандартно же и обставленная: цветной корейский телевизор-двойка в углу у балконной двери, софа "молодёжная" в противоположном углу, полка с видеофильмами, пара ковров, пара кресел да журнальный столик. Никаких книг (тоже примета времени), только телефонный справочник да толстенный каталог зарубежных автомобилей.

- Что, не нравится? - голос мне в спину, с насмешкой.

- Непривычно, - говорю, - всего две книги.

- Это не книги, - в голосе презрение, в руках щёлкнул металл. - Книги дома. Здесь — хата. Повернись.

Я повернулся и заломил ему руку с пистолетом. Газовая струя попала в экран телевизора, по которому я и ориентировался. Отбирая пистолет — копию "кольта" — я сказал:

- Хорошо, что не настоящий. Теперь все Рэмбо и Терминаторы будут у тебя чихать.

- На меня, - поправил он, носом в ковёр. - Да есть, есть, отпускаяй.

Словом "есть" пользуются самбисты и им подобные, когда сдают. Я отпустил и предложил:

- Пошли на кухню от греха.

"Грех", а точнее газ "черёмуха", уже отразился от стены, и пора было убираться.

Убрались на кухню, закрылись. Оружие я сунул за пояс: "Потом отдам, ладно? И не бойся, я не твой клиент". Парень был моложе меня лет на десять. Сказал уважительно:

- Владеешь. - И спросил: - Так что же за дела?

Я задал свой вопрос.

Он посмотрел со вниманием, подумал и включил электрочайник.

- Оцени: не "тефаль" ихний пластмассовый, а наша родная латунь.

- Патриот?

- Надо быть патриотом здоровья, а то отравят. - У него ещё болела правая кисть, он её заметно разминал. Подтолкнул мне банку "нескафе", сахарницу, достал масло, сыр и батон — всё то же, чем питаюсь я. Извлёк из холодильника открытую банку сгущёнки и стеклянную баночку с лимоном, нарезанным дольками и засыпанным сахаром. - На выбор, к кофе. - Прикрыл плотнее кухонную дверь, открыл форточку ("Здесь тяга внутрь"), сел и улыбнулся вполне приветливо, даже чуть виновато: - Ну, извини за такую встречу. Тут сегодня застрелили одного нашего, прямо у подъезда... За Родину сражаемся... А ты как? Кому налоги платишь? Или сам собираешь?

- Я работаю в газете. В местной. Но вопрос мой с работой напрямую не связан. Хочу выйти на кого-то, а кто он, пока сам не знаю.

- Да я понял, понял. Я же, видишь, думаю... Давай так: попьём кофейку, этот ближе всех к натуральному, потреплемся, и я ещё подумаю. Всё будет правильно, не беспокойся: я тебе доверяю, я тебя УВИДЕЛ... Просто надо посоображать... Возьми пока у меня интервью, что ли...

- Прямо для печати?

- Да хоть как. Лишь бы без имени.

- Ладно, - мне и самому стало интересно. - Вопрос первый: какой у вас стаж по нынешней специальности?

- Два года.

- Это много или мало?

- Это уже ветеран. У того, которого сегодня убили, было тоже два года стажа. И два покушения.

- Вы работали вместе?

- Параллельно.

- Дружили?

- Вместе служили. Понятно, да?

- Ещё как... Будет месть?

- Э-э-э, пропускаем.
- Ладно. Знаете, кто убил?
- Э-э-э, догадываюсь, кто заказал. Пропускаем.
- Возможно ли, что с вами поступят так же?
- Если это будете не вы, сомневаюсь. Уже пробовали.
- Вы боитесь?
- Я нормальный человек.
- Почему не смените работу?
- Во-первых, это нужная работа. И не этим..., а людям, трудягам. Знаете, как сладко девочке одной ночью в киоске?

- Да, представляю. Дальше.
- Во-вторых, я только это и умею. Чему учат в армии?.. Ну а в-третьих, это не навечно. Если уцелею, на будущий год обеспечу себе возможность учиться, поступлю на автодорожный факультет.

Мы оба замолчали. Дальше спрашивать нечего. Дальше - то, через что я сам прошёл. Удачи, паренёк. Но как же с моим делом?

Оба пили кофе со сгущёнкой и молчали. Я похвалил вкус: "Действительно, ближе всех к натуральному". Он засмеялся: "Если мы вообще знаем, что это такое". Я сказал, что пробовал натуральный НА МЕСТЕ. Он посмотрел внимательно и признался, что не знает, стоит ли завидовать. Я сказал, что теперь уже не стоит. Он стал более задумчив, и в этом появилась некая устремлённость: он, казалось, уже знал, какое имя назвать, но на это ещё предстояло решиться. А я молчал и даже сдерживал дыхание: инициатива наказуема.

Он несколько раз подолгу всматривался в меня и наконец заговорил.

- Вижу, что тебе очень надо, хоть и не знаю, зачем... Ну, меньше знаем — крепче спим. Слушай. На Иркутском тракте, где лыжная база, открылся новый базарчик. Продуктовый рынок. Прямо в бывшем гастрономе. Директором — мой приёмный отец. Оцени... Скажи, что ты мой друг. Только Володей меня назови, он поверит. И всё ему расскажи, потому что он втёмную не играет. Он старый солдат, райвоенкомом был, снайперов в войсках готовил — серьёзный мужик... Понравишься — по-может.

Не знаю, как с улыбочивым Посредником, а с Володиёй — получилось. В том смысле, что я не только не нашёл в нём врага, а, возможно, даже наоборот. К старости, если доживу, буду ездить по дорогам, которые он построит. Встретимся однажды, помашем друг другу из собственных машин. Отечественного производства, лучших в мире...

У него, впрочем, отечественная машина уже есть. Не своя, приёмного папы "жигуль", но я бы и от такой не отказался. Если бы мой отец не математику преподавал в университете, а какое-нибудь гражданское право и при этом слегка практиковал... Или мама догадалась бы стать не филологом в школе, а каким-нибудь инспектором по распределению жилья... Или сам я... Но богатства материальные и духовные очень неохотно впрягаются в одну телегу. В общем, любая погоня за любыми ценностями формулируется до пошлости однообразно: "Вертись!"

С такими мыслями мне бы сразу ехать на Иркутский тракт (вот ведь называли улицу, а есть ещё Московский), нравиться директору базарчика и дальше, дальше, пока не схвачу — за хвост или за горло. Но у меня записка в кармане, она шевелится: "Жди с восьмью..."

К половине седьмого я добрался до дома, побрился, выставил на стол вино, цветы и прочее и выкроил часок, чтобы вздремнуть после бурных суток или сколько их там натикало.

Сразу начался сон.

Красивая похоть.

Молодая, совсем девчонка с виду, вошла через переднюю дверь в троллейбус и стоит невесомо, лицом ко всем, разглядывает пассажиров. А её разглядывает сидящая сбоку пожилая дама. С ревностью и завистью. Хочет обратно в молодость, в такое тело. Меня тянет к этому телу, и я выхожу из троллейбуса вслед за ней. За ней. За Тойсамой.

Преследование с обоюдного согласия. Курочка и петушок. Вся погода, весь город, все обстоятельства — нам навстречу. Лагерный сад. Ах, конечно же, Лагерный сад, обрыв над Томью, простор для полёта!

- Давайте летаем! - моя первая фраза, когда она остановилась на краю и повернулась ко мне всем телом.

- Сразу над Томью или сначала тут, над тропинкой?

Мы полетали сначала над тропинкой, по краешку обрыва, потом — над Томью, над заречными полями, потом вернулись на место встречи и решили осмотреть родной город... Всё там оказалось на месте, всё выглядело празднично. Праздник получил банальное название — День Нашей Встречи. Все слова — с большой буквы. Для НЕЁ. А для меня — с маленькой. Хоть я и сумел это скрыть.

Вечер, сумрак в каком-то подъезде. Женский смех между поцелуями.

- Чёрная кошечка с белой грудью. Она связывает нам ноги. Чёрно-белые кошки — добрые...

- Однажды проснёшься, а я окажусь сном...
- Чешется левая грудь, скучает по тебе...
- Не спрашивай о муже. Никогда!..
- Не могу больше побеждать тело. Хочу увековечить тебя. Прямо сейчас...
- Мне кажется, кто-то наблюдает за нами. Из пустоты... Ну и пусть...

Ну, в общем, обычная в таких случаях милая чепуха с развлекающими вариациями — вроде фразочки про левую грудь. Совсем не противно, когда снится ТАКОЕ прошлое годичной давности. Я не делал из похоти спорта, но и до любви подняться не мог. Страшновато подниматься на высоту, с которой так грубо столкнули. Новый друг Володя правильно сказал: "Я — нормальный человек". Красивая похоть формально как любовь — такое у меня оправдание.

Если сон удалось досмотреть — считай, что выспался. На этот раз не вышло. Только озадачился, не объявить ли эту связь последней, как в момент решающего слова звякнул будильник. Судьба. До появления Тойсамой оставались минуты, а у нас заспанная физиономия с красными глазами и причёска из серии "под косым дождём".

Успел привести себя в парадный вид как раз к дверному звонку.

Быстрое, лёгкое, мягкое, тёплое — очень плотно. И губы. О, Её губы! Мало таких, точно знаю. Может, уже и не осталось. Но это нам не важно, есть другие. И много, сколько успею.

- Где был? Рассказывай... Кого убил?

Она считает журналистов убийцами: кого хвалят, тот зазнаётся, кого ругают, тот всё теряет. Сила печатного слова.

- Да вот, за подарком тебе слетал.

Её не отпуская, дотягиваюсь до сумки, извлекаю бельишко и прочее.

- Ого, не забыл... Начнём примерку! Я тебе тоже кое-что принесла...

Раздеваем друг друга. И примериваем сначала друг друга. Сначала быстро примериваем. Потом — долго. Потом вспоминаем о подарках. Их примериваем. Всё нам впору. Всё как всегда. Всё нам хорошо. Даже жалко будет Её бросать.

В душу лезла, как всегда: о моих проблемах и тому подобное. Заботливая от природы, божий дар. Но я, как всегда, под шкуру не пустил. Их заботливости нужна пища как раз обратного знака: таинственность. Чем я загадочнее, тем ей интереснее. Вот пока и пусть. Пока интересно мне.

Для проформы, как всегда, спросил о муже: что у них? не обижает ли? Ответ один: "Никогда о нём не спрашивай". Всё как всегда. Стандартная связь опытных партнёров: ты — мне, я — тебе, и всё — в дозе.

Около полуночи я вышел первым, осмотрел театр будущего передвижения. С виду безопасно. Сделал знак напротив своего окна. Она вышла и до самого своего дома (четверть часа пешком) шла позади меня, в полном комфорте.

Прощальный поцелуй в подъезде, при всегдашнем единственном свидетеле — чёрно-белой кошечке.

Приятная пустота в душе и в теле по дороге домой: то-то выплыву.

Однако метров за сто до своего подъезда почуял кожей напряжение пространства.

- Ах, ребята, не до вас мне, а?

Нет, им надо закурить. И обязательно у меня.

- Да нет у меня. Не курю.

- А если найдём?

Ох, где мои семнадцать лет?!

- Ну, ищите, только быстренько.

Больше всего не люблю эти бездарные драки, когда координация нарушена недосыпом или усталостью. Или когда без смысла. А тут — как раз всё вместе. Очень опасно — для тех, в кого попадаешь: с устатку мерещится, что удар выйдет слабоват, поэтому есть риск вложить лишнюю силу, лишнюю резкость — и непоправимо покалечить... В общем, хорошо, что Тасамая была уже дома. Врала что-нибудь мужу о визите к какой-нибудь подружке и не могла видеть этого бесстыдного избия младенцев. Не нужно ей подтверждения, что журналисты в самом деле опасны для людей.

Я поднимался к себе в квартиру, передёргиваясь от наплывов озноба — будто щенков топил в ведре с водой. И думы были странные: вот если бы ничего не умел, так, может, и не лезли бы. Или полезли бы всего один раз, накидали хорошенько, и приобрёл бы я такой вид, что уже больше никто бы не лез: кому охота трогать утопленного щенка?

В общем, испортили сон. И оставили к тому же тревожное ощущение, что это была не случайная потасовка, что именно меня дожидались у подъезда... Но как-то неубедительно всё было, до несуразности. Будто не от заказчика ждали, а от самих себя. И в этом состояла особая странность, потому что ни с кем из ТАКИХ давно не вожусь и никому из им подобных — расхлябанных, развинченных, бездарных хиппи — никогда ничего не задалживал, никакую их дорожку не заступал... Слушайная засада по неопределённому поводу. Но — определённо на меня. Абсурд.

Смысл под душем кулачный грех, но душа от этого не просветлилась. Вроде и не превысил необходимую самозащиту, а чувство справедливости не удовлетворено. Котята в ведре, досадно. В следующий раз, если не буду в таком отрубе, надо всё же испробовать бегство. Оно не позорно, если во спасение слабых. Вот только пустячок: пусть засада будет не в моём подъезде...

С тем и заснул, в уповании на новую форму суперменского благородства.

Ионыч

Я устроен примитивно: снится ярчайшее переживание дня. Перед каким-нибудь экзаменом снился обычно экзамен, а после особо напряжённой тренировки по боксу (ещё в школе) всю ночь лета в нос перчатка. После каждой уличной драки всегда снилась эта драка, притом с проигрышными для меня подробностями.

И в этот раз мне просто ничего не оставалось, как увидеть себя под ногами у четверых молодых кососов, пинаемого и умоляющего о снисхождении. Тасамая в этом сне никак фигурировать не могла — с ней всё было штатно. Коротенькая игра "в пистолетики" с Володей тоже не тянула даже на разминку. Ну, в общем, понятно.

Однако вместо всего этого приснился мне Ионыч. В полевой форме, с погонами почему-то адмирала флота. Это было немного забавно — молодой морской диверсант с такими погонами. Он и сам этому улыбнулся, сразу объяснил: "Шутка", и адмиральские оттенённые звёзды, толкаясь, сами перестроились в капитан-лейтенантскую композицию. Даже просветик прорезался, только не прямой, а сдержанным зигзагом.

- Это У НАС так шутят. Здравствуйте, Гоша.
- Доброго здоровья, командир.
- Спасибо. Здоровья ТЕПЕРЬ хватает.
- Небось, без тела даже лучше? Ничего не болит...
- Не болит — это да. Но очень хочется, чтоб болело.
- Так что же, вернуться уже нельзя?
- Почему? Хоть сейчас. Было бы в кого. Но торопятся только дураки.
- Помню вашу поговорку. Но разве ТАМ есть дураки?
- Э-э... Вы думали, ЗДЕСЬ — только умные? Вспомните, как мы плевали через левое плечо.
- Так ведь... суеверие...
- А суеверие что же — дым без огня? Мы порхаем, наблюдаем за вами, даём советы. Вы их понимаете как собственные идеи. А какую идею осуществить — дурную или добрую — зависит от вас.
- Так вы, командир, ОТТУДА за всеми нами, значит, наблюдаете?
- А как же, "Летун"! Команда — это навсегда. Помните, была песня: "Команда молодости нашей, команда, без которой нам не жить"? Может быть, это самое большое несчастье в жизни — не найти или потерять СВОЮ КОМАНДУ, правда? Вообще, Гоша, вы замечали, как нечутки люди к так называемым прописным истинам? "Знание — сила", "честь — смолоду", "что посеешь, то пожнёшь"... Почти каждый надеется, что он — исключение: и насчёт знаний, и насчёт чести, и насчёт посева... В зубах навязло, бён-ть. Но для прописных истин нет исключений. Они равны законам природы. Поверьте, я ЗДЕСЬ в этом убедился. Любой приговор обязательно сбывается. "Как верёвочке ни виться..." И, кстати, чем длиннее верёвочка, тем горше конец. Но я к вам не за этим...

Последовал долгий, до утра, и приятно подробный разговор о чём-то для меня важном. Осталось чувство благодарного понимания, даже прозрения. Но удержать это главное я не сумел. Едва утром открыл глаза, суть стёрлась начисто. Будто я уснул во сне, а когда проснулся, командир уже собрался уходить.

- Гоша! Назовите меня на прощанье по-нашему.
- С удовольствием. Удачи, "Кацо"! Бён-ть...
- Удачи, "Летун"! Пусть мы встретимся не скоро, зато — на Земле и в нашем прежнем качестве. Точно?

Наутро в редакции меня ждало письмо. "Лично в собственные руки". Плотный самодельный конверт, насмерть кустарно заклеенный. И обандероленный скотчем. Без почтовых знаков. Брошен ночью в ящик на стене редакции, для таких писем и приколотенный. Приписка по краешку: "Читать без свидетелей". Не хватало только, как на фотобумаге: "Вскрывать и обрабатывать при красном свете". Или, может, вообще: "Читать в полной темноте" — вроде расстрела с завязанными глазами. И в благородстве не откажешь: чтобы невинные товарищи не пострадали.

Ладно, пошёл в подвал, в курилку. Этот дом раньше принадлежал разным серьёзным заведениям, а построил его ещё при царе какой-то серьёзный купец, чьё имя не сохранилось. Я это к тому, что подвал очень уж капитальный: и под хранилище годится, и под застенки, и под убежище при осаде. У нас там в дальнем тупике за поворотом на столике был для таких вот случаев приспособлен фоторезак. Я вставил в него конверт, отошёл за угол и потянул верёвочку. Ничего — ни взрыва, ни газа, ни порошка. Просто ещё один плотный конверт. А в нём — после такого же вскрытия — записка печатными буквами: "Беги отсюда один, иначе тебе не жить".

Ну и как же сие понимать? Если бежать, то уж, конечно, одному. Не звать же с собой стариков-родителей. А больше не с кем. Значит, писавший этого не знает? Во-вторых, от кого бежать-то? Может, писавший этого не стоит? Что же касается "не жить", так это ведь тоже зависит от точки разглядывания: может, я давно уже и не живу...

Да и вообще — писал дурной психолог, совсем меня и таких, как я, не знающий. Нас можно взять только слабостью, просьбой. А вот так, приказом, да ещё без обратного адреса, из-за угла — мы только сильнее упрёмся. Хоть и не знаем, в чём. Во всём, стало быть, упрёмся. Словом, дилетантство на уровне вчерашней засады у подъезда: "Дяденька, дай закурить". Я дам...

Записку я на месте сжёг, пошёл в отдел, разобрался с текущей корреспонденцией и — убыл на тот самый новый базарчик, где директором приёмный папа моего нового приятеля Володи.

Вот рассказываю — и сравниваю своё с приключенческими фильмами, среди которых мы — волею дурной эпохи — выросли, как в неблагополучной семье. В поисках истины, а чаще — ради мести герой забирается всё выше по иерархической лестнице, приближается к решающей цели, к решающей схватке. На каждой новой ступени его встречают всё более совершенные драчуны, которых надо свалить, иначе не пропустят. А на самом верш — главный злодей-супермен, совершенно непобедимый. Но он всё равно погибнет — в электрическом разряде, в огне, на железном крюке или его застрелит прозревшая любовница. Главное, чтобы к концу приключения добро восторжествовало — закон жанра, закон спроса, поцелуй в диафрагму... Ну так вот: если бы так было в жизни, то на экране всё было бы как раз наоборот. Чем выше по ступеням, тем проще. Наверху надо только уметь разговаривать. А драться — это внизу. И то далеко не всегда. Драться любят лишь больные да дурачки, которых ещё не били как следует.

Короче, мой путь к истине не предполагался и не был "путём самурая". До самого конца ничем махать не пришлось. Правда, в самом конце... Но до него ещё дожить надо.

Итак, базарчик. Среди передвигающихся между прилавками и стоящих за ними я намётанным глазом выделил этих самых "рыночных самураев" и принял для них такой вид, будто я — обычный покупатель. Постоял у витрин, исконно интересных мужчинам, но ничего для себя не выбрал — у нас артель в основном непьющая. Купил банку кофе, пару лимонов, кусок патристического "Российского" сыра (хотя они со здешним "Голландским" — от одной коровки — бакчарской), сложил всё это в бедняцкий пластиковый пакет с надписью "Томскнефть", повертел в руках пару дорогих книжек, покачал головой и положил их обратно на складной столик, поразглядывал у соседних столиков видеокассеты и дешёвые однокассетные магнитолки, собранные где-то в Малайзии (наверно, на каком-нибудь рисовом поле) — вот и создал у "самураев" образ интеллигента с перестроенным достатком. А сам тем временем высмотрел дорожку к директорской двери и скользнул туда ненавязчиво, чтоб не запомнили — оно и не нужно, а при случае не помешает.

- Здравствуйте, Борис Михалыч! Володя разрешил обратиться к вам...

На "Володя разрешил" кирпичное лицо бывшего подполковника разгладилось, и скоро я узнал, что хотел.

- Сейчас ведь, куда ни плюнь, все президенты, директора и управляющие, - он едко ухмыльнулся, - их мать... Скажи там этим волкодавам на входе, что ты — вкладчик и акционер и имеешь очень деловое предложение к президенту банка. Назови его Валерием Викторовичем. Прозвонят на металл и пропустят наверх. Ну а там уж как сработает. Удачи, боец.

В мощной руке хрустнул моими косточками, и я приобрёл ещё одного приятеля. Ну, поменьше — доброго знакомого.

Но в банк сразу не пошёл, чтобы не перемешивать быстроту со спешкой. Следовало в уединении перелопатить разговор с этим симпатичным кирпичом, Борисом Михалычем. Остался там какой-то подтекст. Вот этого в нашем боевике с каждой ступенькой всё больше.

Мой откровенный рассказ о наездах он выслушал спокойно, как нечто привычное, через что и сам ходил. Позадавал вопросы. Проявил осведомлённость в делах фигурантов. Спросил, нет ли чего ещё, мною не названного. Я со всей искренностью заявил, что вот оно всё, как на духу: чем сильнее углубляюсь в криминальные раскопки, тем острее встаёт проблема полёта с восьмого этажа. Он, подумав, сказал, что своя логика тут есть, и он поможет поискать концы. Но пусть я всё же осмотрюсь как следует: уж больно разными ему кажутся почерки тех, кто против меня работает.

- Знаешь, - сказал, - обычно в делах этого уровня РУКА видна. С указующим перстом. А здесь — хвостики какие-то. Не могу объяснить, а только чую. Чего-то ты недоглядел, недоучёл. Осмотришь всё же, нет ли там кого-чего неожиданного...

Пока добирался до дому, думал над этим советом и под этим же углом пытался представить завтрашний разговор с президентом коммерческого банка, с этим Валерием Викторовичем: действовать с позиции силы сразу или попробовать прикоснуться к его совести. Всё же нитки покушений тянулись куда-то в его хозяйство. Но — к нему ли самому?

Ничего определённого не нарисовалось, пока не вошёл домой. А когда вошёл, стало ясно, что уже и не нарисует. Стол был накрыт на двоих. Тасамая встретила в прихожей.

- Моего опять куда-то отослали. Я — твоя!

- Да кто он у тебя?

- Ни слова о нём! Есть я и ты. Всё!

Всё так всё. Есть Ты, есть я, есть целый глобус капусты.

- Зачем капуста?

- О, я привезла её инкогнито, я её стащила и не попала. Я пришла к тебе до завтра. Сейчас вот этого — жест к накрытому, с рислингом, столу — поклём, а потом, после ВСЕГО, ты зажги мне духовку, и я всё жестоко сделаю. А сейчас давай скорее сядем и выпьем, а то у меня глаза физически закрываются, а нам ещё жить да жить...

Я из Неё черпаю, как из фразеологического словаря. Есть такие счастливые люди — стихийные носители фольклора: языка, сюжетов, образа мысли. На них держится любая национальная культура. И, значит, вся мировая. Вот я нашёл себе Такую и собираюсь бросить, как бросил многих до неё. И с каждой встречей всё больше в этом затрудняюсь. Всё большей ценностью она оказывается — не только для национальной и мировой культуры. Куда только муж смотрит... Была б незамужняя, может, на ней бы даже остановился. А так — жестокости не хватает. Парень-то передо мной не виноват. Преданный жених, преданный муж, предавшая леди, ляди...

Она тем временем сама наливает, сама накладывает:

- Ешь, ешь, ваше благолюбие. Жир костей не ломит.

- Он их ломает, - пытаюсь отшутиться. Она в ответ щебечет:

- Ничего, на гаечку накрутим, по методу профессора Илизарова. И собачку — для охраны. Лаечку... Я сегодня видела ходики... Представляешь, идёт пьяный — еле идёт! — и несёт в одной руке кисть винограда, осторожно, как хрустальный бокал с рислингом, а в другой — ходики! Маятник качается, дверца открывается, выглядывает собачка и тявкает шесть раз. Представляешь? А главное: пьян до невесомости, еле идёт, но идёт очень быстро и ни на кого не натывается. Можешь представить?

- Нет. Виноград в мае... Как твоя капуста.

- И я не могу. Сама видела и сама не верю. - И вдруг, без перехода: - Когда я особенно страдаю без тебя, это когда ты обо мне думаешь, да?

Я смотрю молча. В глазах у неё тоска, как у той чеховской героини, которая не могла бросить мужа, любила его друга и уехала от обоих... Она мне говорит: "Люблю", она беззащитна, а я молчу в ответ — и всё тут. Смотрю, как мне кажется, виновато и молчу. Нет у меня слов, у профессионального журналиста. Ни в голове, ни даже в кармане. И тут же, совсем не к месту, мысль: "Завтра вот так же тупо буду смотреть на президента банка". И в это время мне кажется, что Она видит в моих глазах и даже СЛЫШИТ эту циничную мысль. И я опускаю глаза и бормочу чепуху:

- Давай записывать время, когда нам особенно плохо друг без друга.

Бред. Ей это не нужно. Однако срабатывает как-то. Она покорно отвечает:

- Я уже записываю.

- А я не догадался. Теперь буду.

Инцидент погашен. Дальше всё штатно. А после ВСЕГО я вызываю у Неё восторг тем, что бестрепетно, одной спичкой зажигаю обе горелки в духовке — без всяких там лучин. А Она вызывает мой восторг блюдом, которое так и называется — "Блю-у-у-удо!", готовится сорок минут и, подобно сладкому торту типа "Наполеон", сооружается многослойным, только из овощей, фруктов и мяса. Сочетание странноватое, но вкусно. Ещё один шанс за то, чтобы отбить Её у мужа.

Ах, любви! Сплошное, непрерывное, осознанное, восхитительное предательство! Нас предают, мы предаём, всем плохо и хорошо, все счастливы и несчастны, все просят самого малого, пытаются получить невозможное, мечтают о пылающих созвездиях, удовлетворяются коробком отсыревших спичек и лишь к старости понимают, что поджигать надо было совсем с другой стороны, но ОНО почему-то всё-таки горело и неплохо... Пропади оно пропадом — и мы посмотрим, что от нас останется.

Видно, устал. Опынел от бутылки рислинга, был любовником не с самой большой буквы. Но пылкую леди, кажется, не обидел.

Утром мы несколько проспали, и Она помчалась на службу без завтрака. Служила где-то переводчицей. Ей, не то что мне, явка вовремя предписывалась строго.

Утро не полночь, провожать не надо. Я только проследил Её глазами с балкона, махнул рукой. Видел, как уехала троллейбусом. А когда собрался вернуться, чтобы доест холодное "Блю-у-у-удо!", взглядом задел у газетного киоска немного напряжённую мужскую фигурку с вниманием на мой балкон. Ну и ладно. Она уехала, а меня, в худшем случае, встретят в подъезде.

Ничего, не встретят. Второй этаж — это не высоко.

Позавтракал, вышел тихонько на балкон, огляделся, спрыгнул без шума и — в редакцию. Пусть у поджидателей пропадёт день. А завтра — суббота, завтра будет новая схема...

В редакции я сказал своему заму, пому и единственной сотруднице Ларочке, что пора ей готовиться в заву, а потому ей сегодня доверяется вся ответственность по первичной обработке корреспонденции и даже реклама.

- ВСЯ реклама? - она пришла в понятный ужас.

- А-а-а... да. Не вся. Таких-то и таких-то, - я назвал предполагаемых охотников за моей головой, - оставь на послеобеда. Приду — займусь.

Ответственные дела получаются только на свежую голову. Я прибыл в банк без контрольного звонка, зато ровно в десять: это время, когда у медиков заканчивается так называемая пятиминутка, у журналистов — летучка, у правоохраны — рапорт, а у остальных — планёрка. Момент приблизительный, но максимально проходимый.

И всё было так, как сказал кирпичный подполковник. И я предстал перед президентом банка. Точнее, предсел в очень удобном кресле. И не молчал, как с Тойсамой, а очень складно врал, что я их старинный вкладчик и начинающий писатель, а предложение моё в том, чтобы мне дали ссуду на издание моего приключенческого романа, на обложке которого будет банку-спонсору реклама, а деньги — после продажи тиража (книгу расхватают, конечно) — вернутся в банк, даже с половинкой нашей общей прибыли, минус налоги пополам... Он задавал вопросы литературного характера и присматривался ко мне. Я вдохновенно трепался и присматривался к нему. Через короткое время финансовая акула кратко, но исчерпывающе обрисовала возможности и вероятности сотрудничества банка с начинающим писателем, а затем кротко, но без заискивающего виляния хвостом выплюнула в меня все удочки, которые я забросил:

- Какова истинная цель вашего визита?

Бён-ть, вот это да! Я ответил предположением:

- Вы, Валерий Викторович, поди, уже догадались?

- Знаете, Егор...э-э-э...

- Васильевич.

- Знаете, Егор Васильевич, время в самом деле дорого. Не до ребусов, поверьте. Ценю вашу проходную силу, считайте, что вы уже на восьмой горизонтали ("Пешкой, прохвост, обозвал!"), можете выкладывать напрямую.

И улыбнулся вполне дружелюбно. Как, скажем, акула улыбнулась бы дельфину. Пришлось улыбнуться по-дельфиньи и выкладывать всё предельно сжато и предельно жёстко, почти не заботясь о подборе слов. Поэтому употреблены были термины "охота", "убрать", "засветиться" и в этом роде.

Акула слушала с лицом сфинкса и лишних вопросов не задавала. А ответ срезал меня так, что стало приличным сразу встать и откланяться. Но я не мог подняться с кресла и думал: "Не мог Борис Михалыч позвонить Валерию Викторовичу, потому что в этом случае Валерий Викторович не стал бы отвечать точно теми же словами, что Борис Михалыч!" Вот что сказала акула:

- Егор Васильич, всё у вас вроде логично, однако в делах такого уровня всегда видна РУКА. Это не бравада, а просто ХОРОШИЙ ТОН чтоб клиент видел, что к чему. А я, например, вижу одни хвостики. Вам стоит осмотреться повнимательнее. При всей вашей способности к анализу...

В общем, из кресла я таки встал и ушёл потрясённый. А из подозреваемых никого с собой не унёс. Не отдал мне их Валерий Викторович, не поверил в убедительность моей версии.

Бён-ть.

- За что же мои охотнички-исполнители идут на риск? Да что на риск — на верную гибель! Хоть и не убил ещё, кажется, ни одного, но должно же им быть понятно, что не бесконечно моё душелюбие... За что? Не за Родину, не за Сталина и, как мне уже кажется, не за деньги. Не могу пока самому себе объяснить, но по их действиям да после бесед с серьёзными людьми чую в себе что-то, их притягивающее, как чую любую опасность. Но вот что это? Что им надо? Почему они летят, как мошки на лампочку, как зомби — без ума и страха?.. Впору всерьёз испугаться.

Так я говорил Аркадию (прозвище "Аркан", естественно), томскому художнику-универсалу, другу столь же близкому, как Илья.

Уже было рассказано и про восьмой этаж, и про моё хождение по "крышам", и про все покушения, и про любые мои подозрения. Всё серьёзное оказывалось мимо. Оставался спорт какой-то. Но охота ради охоты может вестись только на каких-нибудь диких животных. Да и то можно выделить цель: шкура там, мясо, рога, череп какой-нибудь зубастый. Но до подобной охоты на своих человечество ещё не дошло. Да и не дойдёт, я думаю. Фантастику такого сорта не читаю и кино не смотрю. Рога у нас — чисто символические, зубы у большинства черепов — искусственные. Татуировок на шкуре у меня нет, разве что номерок "сигмовский" между пальцами. Да и мясо — слишком уж деликатно: один запах чего стоит, не говоря уж о мелких осколках от итальянской мины.

В общем, всё было мною сказано, рассказано, предположено, а друг не проронил ни слова. Он и в команде всегда молчал. Вполне отвечал своему прозвищу. И я, признаться, не ждал от него советов. Я просто опасался беседовать вслух с самим собой, чтобы не подвинуться умом, вот и пришёл к Аркадию в мастерскую. Если оценивать только по умению слушать, то собеседник он был отменный. И остановить чужие словоизлияния тоже умел своевременно. Когда всё моё понял, то встал и выключил "Сороковую" Моцарта. Для него беседа без музыки — что для нас, остальных, без чая.

У Аркадия обманчивая внешность. Он совершенно не производит впечатление молчуна. Подвижен, улыбчив, живо реагирует на твою речь яркими синими глазами, и всё время ждёшь, что вот сейчас перебьёт, вмешается. А он — ни звука. Ну, кивнёт, пожмёт плечами, махнёт рукой, поднимет брови. Но этого почти всегда бывает и довольно.

Сменив "Сороковую" на Высоцкого, друг посмотрел на меня коротко и хитро, отошёл к занавешенному подрамнику, выждал, чтобы поэт пропел: "Мы ползём, к ромашкам припадая", и поднял ткань.

- Вот... Между делами... Вроде так мы хотели?

Да-да, ТАМ мы хотели, чтобы он нарисовал именно так. (Второе прозвище у него было — "Леонардо"). Солдатское лицо под кромочкой стального шлема, задёрнутого пятнистым капюшоном. Перед лицом — кустик ромашек, какие-то травки. Вся эта растительность отбрасывает на чумазое лицо резкие тени, а солдат зло щурится на прямой, в лицо, прожекторный луч. В луче этом висит ночная мошара, которую не смахнуть, не сморгнуть, потому что надо замереть и притвориться глубоко неодушевлённым ландшафтом. И в сощуренных глазах вопрос: "Будут ли стрелять?"

- Ну, чего молчишь, "Летун"? Похоже?

Я могу только кивнуть.

- Узнаёшь, "Кукрыникс"? - это уже спрашивает художник художника.

Как не узнать самого себя... Как не помнить ту ночь... Илья полз правее, а Аркадий слева как раз повернулся ко мне, чтобы передать команду Ионыча, и нас зацепил прожектор... И пуль своих этот солдат дождался... Впрочем, тогда мы никого по "двухсотке" не потеряли и задачу выполнили...

- Мне, небось, первому кажешь?

Он кивает и улыбается. Спрашивает про Илью.

И я перед этой картиной, как перед иконой, рассказываю про Илью, про Ленку и не задаю вопросов о себе, потому что знаю: во весь разговор друг будет напряжённо обдумывать мои проблемы и в конце концов что-нибудь скажет без понуканий.

После Ильи вспоминаем других: тех, кто из "Сигмы", как мы, и тех, кто ещё в "Сигме", и тех кто уже в лучшем мире. Это — только наше, оно всегда при нас, нам от этого теплее и думается сподручнее...

Затем Аркадий возвращает разговор ко мне, но издали:

- Рисовать не бросил?

Очень своевременный вопрос. Портрет того Виктора, что я показывал Илье, остался в блокноте, и я предъявляю его Аркадию.

- Ну-ка, маэстро, тряхни памятью: встречал? Вроде наш.

Аркадий разглядывает лицо долго, прикрывает то снизу, то сверху. Наконец качает головой.

- Или не из наших или не встречал.

Ну и ладно. Сам когда-нибудь найдётся, как потерянная вещь. И нечего о нём думать. Скорее забуду — скорее найдётся, бён-ть... Как навязчивый мотив. Я взял фломастер и сделал шарж на Аркадия: подняв меч, он бежит в атаку, а щитом ему служит мой портрет, весь в ромашках...

Итак, ещё день долой. Мой утончённый друг, молчаливый Аркадий, внимая равелевскому "Болеро", подал на прощанье совсем уж безумную версию:

- А пошуршать ты не пробовал?

- Прости, не понял, - в тупиковых умственных ситуациях юмор во мне заметно слабеет.

- Да я — в смысле "шурши ля фам".

Странно и совершенно неожиданно: зная мои амурные похождения, он вдруг представил нечто совершенно фантастическое, даже сказочное. За всех недолюбленных (или перелюбленных?) мною дам взялись одновременно отомстить сразу все их кавалеры. Сговорились и охотятся, как умеют... Он не шутил! Он предлагал это как рабочую версию, чтобы я сам её развил предметно.

- "Аркан", братишка, - я вздохнул, - чудесные твои мысли, но мы с тобой в разных мирах обитаем. Я сейчас пожалел, что тоже не стал художником. Твои мысли — нормальные мысли именно художника да ещё счастливого в браке однолюба. Но развить их предметно можно только одним способом. - Тут я ободряюще улыбнулся, потому что Аркадий по ходу моей речи заметно приуныл. - Напиши жанровое полотно под названием "Мстители любви". Пусть будет то же самое лицо, которое вот тут припадает к ромашкам, только искази его ужасом, а сзади пусть гонится толпа обманутых мужчин.

Шутка не удалась. Аркадий не улыбнулся. Он сказал:

- Всё же подумай.

И покачал головой.

Пророк хренов. Мне даже на миг стало не по себе: до чего человек упрощается, когда у него всё благополучно. Может быть, стоит пожалеть, что нас тогда всех не накрыло ТАМ? Ведь сказано: счастливые умирают молодыми.

Теперь я легко забыл все второстепенные отвлечения: и лицо этого Виктора, и чудесную фантазию Аркадия, и лепет Тойсамой о невыносимости без меня, и даже — на короткое время — болезнь Ильи. Я даже о работе мог забыть, потому что Ларочка провела свой первый самостоятельный день с блеском. Даже с опасными для меня клиентами управилась, медицински говоря, "леги артис" — по законам искусства. Она горела азартом продолжения и пришла в восторг, когда я пообещал всю будущую неделю вообще не появляться в редакции. Высоким стилем говоря, мои думы совпали с её чаяниями.

А дело в том, что в поведении нового знакомого, директора рынка Бориса Михалыча, я уловил возможность неких дополнительных вариантов — взамен президента коммерческого банка. Вероятно даже, он преследовал какую-то свою цель, отправляя меня к президенту — скажем, разведать для себя нечто, лежащее в плоскости моих поисков. Озарение на эту тему посетило меня следующим утром, и я тут же, на свободе, поспешил на рынок. И обнаружил уже при входе, что недалёк от истины: "самураи" в мою сторону подчёркнуто не глядели, а Борис Михалыч поднялся навстречу с таким видом, будто единственно из-за моей персоны скучал в одиночестве.

Последовал — естественно, без всяких подталкиваний — подробный рассказ о моём визите в банк. Несколько очень точных, но ненавязчивых вопросов убедили меня, что интерес к банку у моего нового друга действительно небескорыстный. Что ж, на то мы и деловые люди, чтобы из помощи ближнему извлекать свой интерес.

- С вами, Гоша, можно иметь дело, - мне выставили оценку не ниже "хорошо". - И не расстраивайтесь из-за маленькой неудачи с банком. Попробуем вариант посложнее. В том смысле посложнее, что подобраться к Генералу более хлопотно. Но ваша профессия тут может быть на пользу.

И осталось ощущение, что он имеет в виду не только мою нынешнюю профессию, но и ту, прошлую, о которой, конечно, догадался после беседы с приёмным сыном Володей.

Ну, положим, догадался очень приблизительно, не глубже спецназа. Военкомам тоже не всё разрешено знать.

Генералом оказался настоящий, без кавычек, штатский генерал — генеральный директор самой массивной в Томске организации — "Запсибнедра". Она включала в себя несколько внушительных подразделений — и не только в Томске — по разведке и добыче нефти и газа и ещё, кажется, всё трубопроводное хозяйство и пару нефтехимических комбинатов. Но этим мои знания и ограничивались.

По всем писаным и неписаным правилам журналистики полагалось потратить хотя бы пару дней на изучение предмета, ибо сказано: "Главное в профессии журналиста — умение грамотно удивляться". У меня столько времени не было: Генерал вылетал по срочным делам на север сегодня, через три часа, на собственном самолёте, а до аэропорта чистой езды — двадцать пять вёрст, плюс визит домой, за дорожной сумой.

Если считать эту ступеньку лестницы последней, то хлопот на её преодоление ушло меньше всего. Смутно представляя задачу, я просто приехал в аэропорт и не стал бродить по зданию аэровокзала, а убежал через посёлок и огороды, вокруг наземных служб аж в самый конец бетонной полосы, перемахнул там через бетонный же забор и оказался на краю самолётной стоянки, которую давно изучил из взлетающих и садящихся самолётов, когда летал в командировки. Мимо стареньких, но заботливо сохраняемых "Ан-вторых", мимо списанных иностранцев "Л-410", именуемых у нас "элками", уверенно добрался до единственного здесь "Боинга", о котором болтали, что это бывший американский штурмовик, только в пассажирском варианте. Машина была приземистая, как "элка", но реактивная, слегка похожая на наш "Як-40" и с крупным курсивом по борту — "ЗАПСИБНЕДРА". Там уже заканчивали предполётное обслуживание. Я уверенно подошёл и, даже не показывая редакционного удостоверения, заявил технарям, что лечу с Генералом от такой-то газеты. Они не возражали. Сразу нашлось, о чём поговорить. Например, выяснилось, что даже для машины главного нефтедобытчика с трудом нацедили горючего, потому что бастующие шахтёры Кузбасса не пропускают в нашу сторону составы из Ачинска, где делают для нас керосин и бензин. К тому же все кругом в долгах друг перед другом, в том числе и Томский авиаотряд. Тут вообще на уровне анекдота: чтобы запустить самолёт нефтяников, надо заплатить этим нефтяникам за керосин, а платить нечем, потому что платить надо живыми деньгами, а нефтяники норовят рассчитаться керосином, но им это не разрешает налоговая инспекция, а живых денег у них нет даже на собственную зарплату, потому что нефть подорожала на мировом рынке из-за напряжённости в Ираке, созданной с помощью нашего оружия... Нонсенс полный.

- Словом, - сказали, - теоретически ты это и сам знаешь, а практически сейчас вы на этом аппарате улетите на север, а обратно можете пойти пешком. Грант-политик, как говорят французы.

Теперь-то я вполне представлял официальную задачу своей командировки, о которой, правда, в редакции никто ещё не знал: позвонить туда я не успел, а поручить оказалось некому. Ну и ладно, главное — улететь. Позвоним из Стрежевого, Пионерного, Кедрового — откуда удастся: "Привет, шеф, я в командировке, у нефтяного генерала, по его приглашению..."

А сейчас некогда: вон он, генерал, идёт впереди свиты, самый рослый среди них, как Пётр Первый на известной картине. Неужели не пригласит?

- Здравствуйте, Алексей Иванович! - Имя-то его вся область знает. - Я вынужден лететь с вами!

В нашем деле важно не только грамотно удивляться, но и удивлять. Удивил, хоть и не сильно.

- Вынужден? А вы кто?

Я ответил, что представляю областную газету, в которой заведу отделом, что о нефтяниках ещё не писал, но тем более буду стараться, что причина ВОТ ТАКОЙ моей настойчивости — дружное требование читателей (а следовательно, и жизни), извлечённое из многочисленных последних писем, а также приказ редактора и моё совершенно неодолимое желание, которое, конечно, видно невооружённым глазом, не правда ли.

Рассмешил. Это ещё одно условие успеха, ибо рассмешенный человек — беззащитен.

- Место для неодолимой прессы найдём? - Генерал обернулся к свите. Там, конечно, закивали. Он повернулся ко мне. - Мы летим на три дня. Устроит?

Я тоже кивнул.

Через три дня на этом же самом месте мы выбрались из "Боинга" — только тут пешком — дошли от самолётной стоянки до автомобильной. Там ждало несколько машин. Мне нашлось место в микроавтобусе. Короткий кортеж помчался в город.

Томская область расположена как раз на стыке великой Западно-Сибирской равнины и Енисейского горного кряжа. В восточной своей части, где находится Томск, она уже заметно всхолмлена, и окрестности города более живописны, чем новосибирские или омские. Езда из аэропорта в Томск напоминает эволюции пассажирского самолёта перед посадкой в плохую погоду: не очень крутые, но всё же изрядные виражи, спуски-подъёмы, как воздушные ямы, а к площади Южной, на въезде в город — пологая прямая посадочная глиссада... Об этом я в микроавтобусе не думал, это вспомнилось сейчас. А тогда, в тесноте среди плечистой свиты, я обрывками вспоминал посадки, взлёты и виражи своей самовольной командировки и уже не опасался, что сейчас стукнут по затылку и выбросят за борт. Мужики у Генерала все правильные и озабоченные делом, не интригами.

А поначалу было напряжение, потому что ждал. Раз ниточка моего расследования привела к Генералу, никакой гарантии не было, что катаюсь по небесам в полной безопасности. Вокруг свита, может, потому и кивала, что радовалась: сам явился, конец охоте! И все три дня — то в "Боинге", то в каком-нибудь вертолёте — грешен, ждал покушения. Даже на нефтяных "кустах", среди качалок — был готов: хлопнут и утопят плечистые в "амбаре", в мутной глубокоземной сеноманской воде, подёрнутой нефтью. Даже на совещаниях не расслаблялся, когда ходил в сортир. А уж спал — только последнюю ночь, после разговора напрямую с Генералом. Во сне опять приходил Ионыч, теперь уже без адмиральных шуток, в пустынном камуфляже без погон. Был грустен. Напомнил о том, зачем приходил первый раз, и я снова обещал исполнить, а едва проснулся — опять всё начисто забыл! Это из-за Генерала.

- Ты прав, Егор, - сказал он в последний вечер, когда сидели в его номере наедине. - Свежий ум, при душевном старании, может разобраться в проблеме как минимум не хуже профессионала. Была бы информация. Уже верю, что от твоей писанины может быть толк. Ну, во всяком случае, для просветления, как ты выражаешься, читательских представлений. Главная же работа возможна только здесь, - он постучал себя по лбу. - И там, чёрт бы их побрал, - ткнул большим пальцем вверх, слегка осканился, как мы в рукопашной, и заговорил с необычной для себя горячностью. - Нас всех, эксплуататоров, можно поделить на два вида. Одни — СВОИ, которые давят из народа соки, чтобы державу поднять и укрепить. А другие, - он даже позволил себе замысловатое ругательство, - на сторону растаскивают Россию, за рубеж, через эти оф-иху-мать-шорные зоны, через норы свои крысиные!.. Быстрое обогащение... А какой ценой? Чьим потом? Чьим голодом? Чьей кровью?.. Каждый из них говорит — "моё". Слишком быстро забыли про НАШЕ! А ведь ТОГДА это было главное, и правильно было... Ну, ладно. Что главное здесь и сейчас, ты понял: чтобы регион никуда не гнал сырьё, а все силы клал на то, чтобы добытое полностью перерабатывать дома, обеспечить своих, а уж потом — продавать ОСТАТКИ продукции — пластмасс, горючего, тканей... Помнишь, как у Пушкина: "Не нужно золота ему, когда ПРОСТОЙ ПРОДУКТ имеет"! Мудрейший был сырьевик!.. Ну, а твоя личная проблема... Она, знаешь, где-то не в этих сферах. Пустяки всё это. Само устанет. Для начала знаешь, что предложу? Голова у тебя варит — переходи к нам. Хоть по линии прессы, хоть по организационной. Не бойся, что в свите. Я тебя понимаю. Главное сейчас — не личный статус, а задача всенародная: вырвать Россию из иностранных когтей, пока не увязли они... Дело Столыпина, Потанина,

Колчака, если угодно. Подумай на свободе. Если решишься, приходи. Назовёшься на вахте — сразу ко мне проведут. Мой кабинет — под самым символом нашей бесхозности.

Он имел в виду народное прозвище мачты с семилучевой звездой на крыше своей конторы. Композиция официально называлась — "Звезда над тайгой", но очень уж напоминала газовый факел над нефтепромыслом.

Разговор этот вспоминался в общем ряду первым. А потом шли картины остановленных буровых, неподвижных качалок на полуживых промыслах, мрачных лиц на собраниях, где объявлялось о "временном сокращении объемов работ". Генерал рисовал увольняемым картины возможного будущего процветания, цена которому была, как всегда в России, одна — жизнь впроголодь. Я готов был это понять. Я готов был сочувственно написать об этом в газете. (Там меня простили за самоволку и зарезервировали на первой полосе место под очерк). Но душа моя никогда не приняла бы жизни в генеральском режиме. Бегать в стае эксплуататоров, даже "своих", я не приспособлен природой. Для всего на свете нужны природные данные, и не пытайся, брат "Летун", чего-то желать, где ничего не можешь.

В общем, я тогда изобразил Генералу умного собеседника и обещал подумать над предложением, хотя уже знал, что принять не смогу. Все спасают Россию, а она всё равно стоит, не рушится. Стало быть, нечего мне суетиться у кормила, мешать занятым людям: пускай они сожрут друг друга, а мы постараемся проскочить у них меж зубов. Ибо, как нам внушают по радио, "Россия — это мы". Природа не глупее человека. Маркс вон тоже: "Философы лишь различным образом объясняли мир, а задача состоит в том, чтобы изменить его". Что, изменил? Кто поставил нам такую задачу? Бог? Он, что же, глупее нас? Или сам не справляется?.. Или правы всё же те философы, которых ругал Маркс: не изменять, а понимать мир — наша задача?..

Осталось выйти из дружелюбного, но чужого микроавтобуса, отправиться прямо домой и там, в тиши и уединении, быстренько — в номер! — создать очерк под заголовком "Генеральное сражение под ковром" или — ещё позабойнее — "Могущество российское — не продаётся".

Вышел. Отправился. И попал в объятия Тойсамой.

- Я снова безмужняя. Опять уехал. Вот возьму и уйду к тебе навовсе.

- Да я и сам только что из командировки. Ночь на ночь менять — только время терять.

Мне было несколько не до неё. Очерк уже стучался. Я уже знал в нём главное — последние две фразы: "То, что сказано когда-то Ломоносовым о российском могуществе, было справедливо до тех пор, пока Сибирь состояла полноправной частью России. Сегодня среди хозяйственников нашей колонии всё громче слышен вопрос об обратном: "Достойна ли так называемая Россия того, чтобы состоять в равном единстве с Сибирью?"

В объятиях Тойсамой — да ещё после трёхдневной разлуки — я довольно быстро терял эту имперскую (то ли областническую?) бравладу. Однако терять её было жалко. Мне хотелось сделать хотя бы набросок. Ну, хотя бы записать несколько опорных фраз.

Однако нет такого разума, который устоял бы против страсти. Устоявший — это не разум, а механизм. И то — довольно примитивный. Даже не электронная схема, а так, колебательный контур.

А потом надо было отдохнуть. А после этого всегда ужасно хочется есть. А еда была уже на столе...

В общем, когда раздался звонок в дверь, из-за стола поднялся уже не тот я, который ещё чего-то стоил эти три дня, а жалкий мешок, выжатый страстями и набитый недопереваренными продуктами. Так что описывать мою последнюю драку в этой охоте просто нечем.

Тасамая с кровати махала руками, чтоб молчал, не двигался и не вздумал открывать. В дверь позвонили ещё пару минут, после чего открыли собственным ключом.

- Виктор?!

Это произнесли мы с Тойсамой нестройным дуэтом, но в совершенно одной тональности.

- Виктор, Виктор, - он захлопнул за собой дверь и бросил ключ на стол. - Ну, здравствуй, "Летун".

На Тусамую он не смотрел, а она с таким видом затаилась на подушке, что мне не понадобилось выяснять, кем они друг другу доводятся.

- Ты не там искал, "Кукрыникс", - Виктор отодвинул разделяющий нас стол, упала бутылка рилинга, потекло недопитое вино нашего позора. - Это мои ученики тебя доставали. По собственной инициативе. Я поздно узнал. Только на вокзале смог тебя подстраховать.

- Кого обучаешь? - я не глядя положил вилку на стол и шагнул в сторону.

- Школа телохранителей, - он шагнул туда же. - Не всему, конечно, учу, ты видел.

- Значит, уважают тебя, - я подтянул трусы, единственную свою одежду. - Ох, как они мне врали...

- Жалеют, - он сделал ко мне тигриный шаг. - Кончать с этим пора.

В туфлях против меня босого он имел, конечно, преимущество. Признав это, я заранее проиграл схватку.

Тасамая оценила, наконец, весь ужас и пролепетала: "Не надо!" Потом выкрикнула это погромче. Потом — во всю силу. А я к тому времени уже пропустил решающий удар и оседал к твёрдым подошвам обманутого мужа.

Существовать оставалось мне совсем немного. И ведь просьбу Ионыча не только не выполнил, но даже не смог вспомнить. С чем явлюсь?..

Но тут грохнула выбитая дверь.

Виктор оставил меня и занял позицию в нейтральном пространстве.

Массируя ушибленное плечо, ввалился Илья со своей огромной тростью. Торопясь его обойти, в комнату скользнул Аркадий и сходу оценил ситуацию.

- Все живы!

- Вы-ы-ы, - выдохнул Виктор. - Успели же...

- Уж ты прости, Витюша, - Илья улыбнулся. - Привычка.

- Садись, "Таран", - Аркадий пододвинул Виктору стул. И кивнул на меня. - С него хватит, он понятливый.

Потом сидели впятером. Доедали. Допивали. Конечно, оказалось мало. Виктора, как самого молодого, отправили в магазин за подкреплением. Пока он ходил, Тасамая сделала недоушибенному восстановительный массаж, а друзья поведали, что к чему.

- Виктор пришёл в "Сигму" из спецназа ВДВ через два года после твоего ухода. А ещё через год заслуженно стал "Тараном". Способный был паренёк. За то его потом и отчислили — за излишнюю крутость. Оказался жестковат для деликатных операций. А деликатность тогда сильно лезла в уставную моду.

- Что же вы мне сразу не сказали?

- Да ведь намекали, согласись, - ответил Илья.

- Было, было, не спорь, - ответил Аркадий.

- Я за тебя боялась, - ответила Тасамая.

В общем, хороша деликатность: ещё бы миг...

- На то мы и "Сигма", - ответил Илья.

Вернулся Виктор. Принёс всего гораздо больше, чем планировалось. Объяснил:

- Не так уж часто ТАК сидим.

Посидели. Потом — для отдыха — кое-как отремонтировали мою дверь. Опять сели.

Единственная женщина к тому времени уже давно находилась за столом между "Арканом" и "Объективом" и только благодаря им не падала со стула, потому что надралась до полного изумления. В этом изумлении она оглядывала и разглядывала нас по очереди угрюмыми умными слипающимися глазами и так ничего и не сказала, пока не свалилась без памяти.

А мы — продолжали. Сиживаем ТАК действительно редко, а тостов у "Сигмы" — что ни год, то больше.

Утром, когда пришла пора расходиться, у всех наполнились глаза.

- А ведь, ребята, - сказал Илья, - мы ведь жили, правда?

- Спокойно, - сказал Аркадий. - Мы и сейчас ишшо живые.

- Живые, - Илья вздохнул, - а разве живём?

Мы с Виктором посмотрели друг на друга и промолчали. Когда все по очереди обнялись на прощанье, он кивнул мне на спящую женщину:

- Вы с ней решите что-нибудь... определённое... ладно?

И было видно, что ему, несмотря ни на что, хотелось бы не искать себе другую...

До позднего вечера я писал в редакции свой очерк, сдавал его редактору и принимал редакторские поздравления: "Хоть сейчас — на "Доску лучших!" Потом бесцельно бродил по городу, и спине — впервые за год — было спокойно. Никто не выслеживал меня, не охотился, не мстил. Высокие задачи — как спасти Россию или уж хотя бы Сибирь! — белели впереди, как Малый Кавказский хребет из Майкопа, из Долины Яблок, где одно время была у нас база подготовки, где очень мирно жилось — как раз накануне моего ухода из команды. Но команда осталась, и я в ней остался, и мы — по-прежнему Сумма. Вчерашняя размолвка ничего не разрушила, даже кое-что укрепила. Но и поставила перед таким выбором, что за ромашками не отлежишься. Впору досрочно — своей волей — отправляться к капитан-лейтенанту Чинчарадзе...

Наконец я обнаружил перед собой дверь собственной квартиры и не без трепета вошёл.

В квартире было чисто и уютно. Даже — первые цветы в вазочке на пустом столе. Кандыки, не ромашки. А за столом — Тасамая, тихая и торжественная.

Она сказала, что уходит от Виктора ко мне.

А его куда же? В любовники?

Была бурная половина ночи, после чего Она крепко заснула. А я — ни в одном глазу до утра. Боялся, что во сне буду убивать "Тарана". Или он всё же добьёт меня — и не проснусь. Да и вообще не мог заснуть, хоть и провёл напряжённые сутки, достойные сна.

Не было сна, потому что не было ответа.

Я спрашивал себя: "Как жить с Женщиной, если не веришь женщинам?" Тут ответ был, вполне философский, из разряда объясняющих мир: "А как жить вообще, если известно, что обязательно умрёшь?" Но на следующий вопрос у меня ответа не было: "А как жить **ВООБЩЕ**, если Её муж — мой товарищ по "Сигме"?"

Неужели решить ТАКУЮ проблему под силу только женщине? Или дело не в силе?..

Очень рано утром я тихонько сварил кофе, и хорошо, что на двоих. Тасамая вплыла в кухню как раз на самый сильный запах. Протянула руки, пришлось её обнять. И пришлось признаться себе, что Она абсолютно не напоминает Ту, из-за Которой... Да я попросту, оказывается, забыл Ту.

За кофе она сообщила:

- Был странный гость. Имя не назвал, с виду — кавказец. В военной форме, погоны капитанские, только чёрные, с жёлтой полоской. Он сказал буквально так: "Напомните Гоше, что в своё время мне так и не удалось преуспеть в личной жизни. Некогда было, он знает. Так вот, я прошу его сделать это за меня"... Гоша!!!

И потянулась за тряпкой, чтобы вытереть мой пролитый кофе.

- Гоша! Что с тобой?

- Когда, где он к тебе приходил?

- Да только что. Я из-за него проснулась.

7. ЛУЧШИЙ ВРАГ

(Рыцарский роман в двух частях)

I.

Ты, наверно, сейчас там, дома, не можешь спать. Ты всегда чувствуешь, когда мне опасно. Вот встретимся, сверим день и час - и всё совпадёт. Как всегда. Как на Саланге, как под Кандагаром, как в Баку, как под Тирасполем, как в Веденском ущелье, как мало ли... Ну, потерпи ещё разок, я снова уцелею. Теперь даже с гарантией, потому что сложатся сразу два вечных (тьфу,тьфу,тьфу) везения - моё и Его. Вот этого Ты наверняка сейчас не чувствуешь, потому что Его, этого мерзавца, Ты давно вычеркнула.

Может, вычеркни Ты Его пораньше, Он бы и не стал мерзавцем? Ну, это не важно, это сослагательно. Важно, что сейчас я буду Его спасать. И спасу непременно. Не для Него, не для Тебя и не для себя. Даже не для Родины. Ей на нас, в принципе, плевать. Она нам никогда ничего не должна.

Я спасу этого гада ради простого, как дуэльный пистолет, понятия - Честь. Это важно для всех, кто летит сейчас со мной. Они все были свидетелями...

Расскажу, если успею, пока летим.

...Тяжело ранили Пашку. Того самого, с которым мы прошли всё. Тоже был везучий, но ведь и это - до поры. Мы донесли его до базы чуть тёплого. Нужен был срочно вертолёт. А генерал не дал. Велел пилотам не отлучаться "из-за одного капитана", потому что ждал какого-то важного сообщения. К утру Пашка выпустил мою руку. А генерал улетел через час после этого. Он всю ночь, оказывается, ждал сведений о своём сыне, которого тоже готовил в полководцы. И дождался: убили бедного лейтенанта, в такой же операции, как нашего Пашку. И генерал умчался хоронить сына. А мы похоронили Пашку. "Одного капитана".

Ему, сироте, было всё равно, где зароят тело. Ты помнишь, какое роскошное тело было у Пашки, как млели девки на пляже?..

Пашка погиб два месяца назад. А сегодня ваххабиты подловили штурмовую группу, в которой ходил этот наш мерзавец. Подослали подлинную информацию об оружии, спрятанном в мечети, и перехватили наших на подходе. Уцелеть повезло одному Ему. Закрылся в мечети и отстреливался из всех окон сразу, а рацию заклинил на передачу, чтобы я слышал, как героически Он погибает. Наш доблестный генерал, как нарочно, опять оказался рядом и снова запретил поднимать вертолёт "из-за одного наёмника". Я при всех сказал, кто он есть. Он пообещал разжаловать "на все пять званий". Тогда я достал пистолет и ответил, что отправлю его вслед за сыном и за Пашкой, если помешает. А вернусь - сам уйду в отставку к чёртовой матери. Впрочем, не к ней, конечно, а к Тебе. И чтоб больше никому не подчиняться.

Надоело быть народом. Надоело быть нацией. Не хочу быть ни этносом, ни суперэтносом. Все они стреляют, взрывают, режут, давят друг друга - во имя какого-то собственного достоинства, какой-то высокой нарицательной своей оптовой стоимости, какой-то веры, отличной от других, кото-

рая лучше всех и всех гуманнее... Хочу быть просто населением. Чтобы просто населять ландшафт и ни в кого не стрелять...

Но через несколько минут стрелять обязательно придётся. Уже сдвинута дверь, откинута все иллюминаторы и выставлены все стволы. Авось ничем серьёзным в нас не пальнут, а против пуль эта машина вполне устоит. Ветер нынче такой, что ни один гражданский вертолётчик даже сам не решился бы лететь, хоть они все головорезы. Однако вот летим с преступившими приказ военными, ревет сквозняк, а хвостовая балка ходит из стороны в сторону, как хвост у крокодила. Впрочем, этот вертолёт так по-крокодильи и называется - "Аллигатор". Зверь-машина.

Пилоты выходят по пеленгу Его рации прямо на мечеть и издали накрывают огнём атакующих. В сумерках видны вспышки на минарете - вот куда Его загнали. Держись, враг, мы уже здесь.

Командую: "Штурмтрап - за борт! Подавить всё, что движется!" Вот чем хорош сквозняк: сразу выносит пороховую вонь. Шесть автоматов и ручной пулемёт почти не слышны из-за наружного рёва и свиста. Летаящая преисподняя. С доставкой прямо к храму. На малом ходу подплываем к минарету, и мой враг, стреляя, повисает на штурмтрапе. Настоящий "дикий гусь", без единой крапинки "пёс войны", "солдат удачи", то есть наёмник, вежливее - контрактник.

Отплёвываясь огнём, наш Змей-Горыныч пятится назад, и похоже, нам в самом деле удаётся подавить всё, что там двигалось.

Пока скорость мала, Он взбирается на борт, выхватывает из кармана пульт, кричит: "Аллах - не Яшка, знает, кому тяжко!" и нажимает кнопку. Осквернённая насилием мечеть подпрыгивает и разваливается. Склад там действительно был серьёзный. Во дворе горят три грузовика, на которых банда собиралась вывезти оружие. Браво, враг. Смотрим друг на друга. Точнее, враг на врага. Я никогда не прощу Его, а Он - меня. Спасибо за это Тебе. В школе мы были друзьями.

В школе мы были друзьями и учились в одном классе с Тобой. Хорошо учились: нельзя же было уступать Тебе, круглой отличнице. А спортом, чтобы не пересекаться на соревнованиях, занимались разным: Он - стрельбой, а я - рукопашным боем. И в домашних условиях обучали друг друга - каждый своему виду. Так что в военкомат пришли почти одинаково подготовленными к воздушному десанту. Когда в ноябре команда отбывала к месту службы, Ты пропустила лекции и пришла на вокзал. Провожала обоих, но каждый тайно надеялся, что главным образом - его. Ты спросила, почему не поступали в университет - ведь могли бы запросто. Мы хором ответили, что мужчиной без армии не станешь, а поступить и потом сумеем, будь пока умнее нас.

Ты ничем ни одному не выразила предпочтения. Обоим сказала: "Возвращайтесь". Мы оба восприняли это как призыв к соперничеству: Ты достанешься лучшему. В боевой и политической подготовке. Всё было тогда мирно и славно.

Афганская война случилась "как раз на заказ" - Он любил рифмованные прибаутки. Только что закончив "Курс молодого бойца", мы сразу попали на передовую - она там была везде. В бесконечных горных операциях нам везло одинаково, но мне всё же немного больше. За полгода до демобилизации Его контузило и посекло осколками, и был Он за ту операцию награждён и досрочно отправлен домой - долечиваться. Тут Он и не устоял перед подлостью. Может быть, из-за контузии. Мы оба не писали Тебе писем и не сообщали своего адреса - так условились между собой. Но вернувшись домой, Он сказал Тебе, что я перебежал на сторону неприятеля. И Ты вышла за Него. Когда я вернулся, ложь открылась, но в Тебе уже был Его ребёнок, на что Он и рассчитывал.

Я уехал в Рязань и через положенное время прибыл оттуда в ВДВ лейтенантом. За эти годы у Тебя с Ним всё разладилось. Ребёнок родился мёртвым, будто в наказание за обман, и Ты ушла от Него. Он не захотел поступать в моё училище, но вернулся в армию, в спецназ, стал прапорщиком, инструктором, и вот мы встретились здесь, заочно зная друг о друге всё и не простив: я Ему - предательства, Он мне - Тебя. Оставив Его, Ты нашла меня и стала делить со мной трудности офицерской жизни. С детьми, правда, не помогла и моя удачливость: после той передраги с выкидышем Ты больше родить не могла. Это я тоже поставил в вину Ему.

Мы служили в, так сказать, параллельно действующих частях и при редких встречах ограничивались формальным прикладыванием руки к козырьку или берету. Боевого взаимодействия не случилось, и я был этим доволен. Как, вероятно, и Он.

Но вот мы сидим в броневом чреве "Аллигатора" и - некуда деться - смотрим в глаза через проход. И молча беседуем: когда-то понимали по взгляду.

"Как там Она?"

"Вашими молитвами. Не женился?"

"Глупый вопрос. Дети есть?"

"Нет. По твоей, гад, вине".

"Ну, так уж... Хотя, конечно... Как служба?"

"Завтра выгонят из армии. И опять из-за тебя".

"Так уж из-за меня... Просто по жене скучаешь. Сплошные командировки..."

"И это есть".

"Уж тебя-то, героя, не выгонят, товарищ майор".

"Не выгонят - сам уйду".

"Кто же будет Родину защищать?"

"Да вот такие, как ты".

"Ну, мне здесь тоже приелось. Удача - она дороже стоит".

Я отвёл глаза и спросил себя: "Может, прав был генерал, когда запрещал мне спасать этого наёмника?" И ответил: "Нет. Честь дороже удачи. Она подобна собаке: всегда с тобой, пока ты верен ей. А удача - это кошка..."

На базе мы с Ним сразу пошли в разные стороны. Как обоим казалось - насовсем.

2.

А теперь удивись. Я ведь всё всегда Тебе рассказывал, верно? Но есть одна тайна, которую Ты узнаешь только сейчас, Помнишь, что я сказал Тебе о Нём, когда уволился из армии? Дескать, этот наш "дикий гусь" по-прежнему удачливо сражается и в ус не дует. Это была не совсем правда. Он порвал контракт одновременно со мной, будто хотел продолжать наше бессмысленное соперничество на выбранном мною поле. Только в другой команде. Кем Он стал, я не мог тебе сказать, сам не знал. Но однажды узнал, притом на собственной шкуре. Вот об этом я Тебе до сих пор и не рассказывал.

...Случилось это год назад. Помнишь, было у меня две командировки подряд? Его я встретил в первой. И поединок между нами всё-таки произошёл.

Ты хорошо помнишь то время, когда учителям долго не платили. Вы начали грозить забастовкой, потом забастовали, ваши действия местная власть пыталась объявить незаконными, вмешался мой комитет по правозащите, был в суде победный процесс, и вам выдали ваши жалкие кровные копейки - за всё прекрасное, доброе и вечное. Конечно, Ты могла не заметить тогда, что параллельно шёл другой процесс, куда более грязный. Там касалось тихого убийства из-за наркотиков, а денег, из-за которых убили, всем учителям Твоей школы хватило бы на десять лет. Я в том процессе участвовал в качестве независимого эксперта, потому что почерк был мне доподлинно знаком по "горячим точкам". Ты же помнишь, наш "солдат удачи" стрелял получше меня и попадал всегда, куда хотел.

Моё положение оказалось малопочтенным. Негодяй убил негодяя, но требовалось назвать имя, а это я расценил для себя как сведение счётов. И за ложь, и за Тебя. Такая расправа была не по мне. Хоть уже и знали этот почерк, и сами вычислили имя, но от меня требовалось решающее подтверждение, потому что наша долгая и верная боевая дружба разглядывалась следствием без тех подробностей, которые известны только нам. Я должен был ПРОСТО, как честный гражданин, отказаться от друга, поправшего человечность и вставшего вне закона, в ряды самых гнусных преступников, превративших всю страну в "горячую точку", отравляющих героином мирное население.

Я тоже был населением, как и мечтал. Более того, я защищал права населения от всех посягательств, с любой стороны. Мой долг перед самим собой не оставлял ничего другого, как сдать убийцу, независимо от того, кем он мне доводится. Вот тут и начиналась шизофрения. Не мог я Его назвать, вот и всё. Я шёл на судебное заседание и всё ещё не знал, как буду себя вести. Была возможность просто не явиться, послать их всех - и дело с концом. Но я шёл и всё больше раздваивался, чем ближе было здание суда. На высоком крыльце я рассеянно замешкался, пропуская девицу, которая истерически хохотала и размахивала руками. В руке у неё оказался баллончик с сильным газом. Я очнулся в машине. Мы мчались уже за городом, лес был близко. Там меня и заруют. И руки-ноги не развяжут, потому что Он знает о моих рукопашных способностях. Рядом, правда, сидит не Он, но и не девица, а двое дюжих братков. Но и Он, как я понимал, был где-то недалеко.

Он догнал нас на безлюдной лесной дороге и столкнул тяжёлым джипом с высокой насыпи, не сомневаясь, что я не пострадаю. Я не пострадал. Он застрелил водителя и братков, а меня, связанного, втащил в джип и повёз дальше в лес.

-Что же ты, убил бы сразу...

Он ответил, что это в задачу не входит.

- Но раз своих шлёпнул, значит и мне скоро следом. Чтобы все концы - в одну воду.

Он повторил, что это в задачу не входит. Но раз не захотел развязать, я Ему не поверил. От меня хотят получить какое-то знание, потом обязательно убьют. Будут что-то сулить и вербовать, хотя и знают, что это - пусто. Следующая процедура - пристрастие: огонь, химия, что-нибудь острое, верёвка, электричество, да мало ли. Но и это - пусто: когда я в деле, у меня сильно повышается болевой порог, до полного бесчувствия. Не справятся, конец один, так хоть без позора.

Выехали на квадратную вырубку. За крепким забором - кирпичная вилла в три этажа, под зелёным железом.

- Вот они, героиновые денежки...

Он ответил, что героиновые крутятся за рубежом, в офшорах, а вилла построена на учительские, пенсионерские и другие, из местных. Новые братки, ну просто двойники только что убитых, вежливо затащили меня на третий этаж. Он поднялся следом, и нас оставили одних. Я понял, что первый этап поручен Ему. Доверен, да?

- Кто ж твой хозяин? Скажи покойнику.

Он ответил, что это государственная тайна. Именно государственная, хотя и криминальная. Так бывает, когда государство не справляется даже само с собой. Но пусть меня это не заботит. Не надо ничего хотеть там, где ничего не можешь. У нас теперь другая забота - как обоим уцелеть. Он запер дверь, достал из своей сумки два "стечкина", две коробки патронов, четыре мощных оборонительных гранаты и сложил всё это на столе в две кучки.

- Пистолеты заряжены в ствол и сняты с предохранителя. Сейчас нам с тобой либо прорываться либо палить друг в друга.

Я спросил, от чего это зависит, хотя и догадался сразу.

Он раскрыл нож и срезал с меня все шнуры. Потом убрал нож, достал блокнот и золотое стилlo, положил их передо мной, сел рядом и сказал:

- Сделаем то же, что я тогда, только по-честному. Напиши Ей, что уходишь к неприятелю, уезжаешь из страны и освобождаешь место для меня. Будто из-за того, что у вас нет детей. И уедешь, когда прорвёмся.

Я сказал, что это белая горячка, что Ты никогда ничему такому не поверишь, потому что ЗНАЕШЬ меня. И что Он меня тоже знает.

- Ты прав, - оказал Он. - Это у меня затмение... Чёрт с тобой. Не буду тебя вербовать, не буду убивать и не дам пытать. Я хотел с тобой стреляться, но это будет всё равно убийство: ты ведь в меня не попадёшь, не успеешь. Мы будем прорываться. Только учти: Она достанется тому, кто уцелеет. Если же повезёт обоим, надо будет придумать что-то такое, чтобы остался один. Нельзя ведь так дальше...

Я сказал, что нельзя, мы разобрали оружие и пошли прорываться.

Вилла оказалась покрепче той мечети, над которой мы встречались последний раз, но окна уцелели только на третьем этаже, а пожар, полагаю, оставил целыми только стены да покоробленное железо на чердаке. Точнее сказать не могу, мы почти сразу уехали на той же машине, только не по дороге, а по какой-то широкой лесной тропе, слегка подзаросшей тонкими берёзками, осинками и крапивой.

Из этой Его машины я позвонил Тебе и сообщил, что отбываю в срочную командировку. Ты почувствовала, конечно, опасность и, как всегда, закричала, чтобы сам не рисковал. Я, конечно, поклялся, и Он всё это слышал. И обратил моё внимание на Твою последнюю фразу: "Вы там - повнимательнее!"

- Как думаешь, почему Она сказала: "Вы"?

Я объяснил: Ты расслышала, что разговор идёт из машины, поэтому проявила беспокойство обо всех, кто со мной. Он кивнул, потом сказал:

- Если уцелею я, Она меня не примет.

Я ответил, что уцелеем оба. Он промолчал.

Он здорово умел водить машину - хоть по горам, хоть по песку, хоть по лесу. Но по болоту нужно не мастерство, а плавающая гусеничная техника. Поэтому пришлось потерять целый час, чтобы вытащить на сухое тяжёлый иноземный внедорожник. Потребовались все наши армейские навыки, вся мощность его мотора и трос - в ключья. На шоссе выехали в темноте. Он сказал:

- Это хорошо. На заправках нас уже не ищут, а ожидают на выезде из области. Заправимся и снова нырнём в лес.

Я спросил, каковы поисковые возможности неприятеля. Он ответил:

- Государственные. Плюс хорошо оплаченный энтузиазм.

Когда отъезжали от бензоколонки, одна заправщица наблюдала за нами через окно, а другая звонила по телефону.

Мы оба хорошо знали загородные сосняки. В тамошней сети грунтовых дорог легко было на какое-то время затеряться. Мы без хлопот продержались там двое суток, на ягодах и грибах - для местных да ещё из спецназа - дело привычное. За это время связались с кем надо и узнали всё, что надо.

Помехой нам был только один человек, который нуждался в знании, имеющемся у меня. Обезглавить эту стаю охотников, потом ненадолго затаиться - и мы вне опасности. Так принято. В конечном счёте, каждый член такой стаи - сам за себя. Моя первая командировка закончилась тем, что в нужное время вечером мы вернулись в город, нашли нужное кафе и через служебный вход проникли туда к самому разгару застольной беседы. Стрелять пришлось много, потому что охрана успела среагировать и, хоть с опозданием, начала отрабатывать свой опасный хлеб. Последний бедолага - хитрец или трус - высунулся, когда другие уже лежали, и дал очередь из автомата. Уцелел я один.

Мы прибыли на эту сходку пешком, поэтому тело моего лучшего врага пришлось оставить там. Честно говоря, это стоило мне больших слёз. Давно не ожидал, что смогу когда-нибудь столько их пролить. Да ещё за один раз. Дело в том, что я не мог даже в бреду предположить, что человек, жаждущий моей жены, закроет меня собой. Примет за меня десяток пуль да ещё успеет выстрелить в ответ. Он Тебя действительно любил.

Перед прорывом в город, пока ещё не село в Его телефоне питание, мы решили позвонить Тебе. Сделать вид, что встретились в соседнем областном городе, выпиваем за Твоё здоровье и хотим вместе приехать, так не приготовишь ли Ты стол...

Едва услышав мой голос, Ты закричала, что уже ждала похоронки, что больше никуда меня не отпустишь, и что никто-никто другой никогда - слышу ли я: НИКОГДА! - не зайдёт моё место, пусть я твёрдо это усвою... Я с трудом засмеялся в ответ и пообещал сейчас же начать движение домой.

Видимо, эта Твоя вспышка и утолила Его жажду. Допускаю даже, что Он нарочно помедлил долю секунды, которая стоила Ему жизни. Чудовищно: я с полным самообладанием протёр свой "стечкин", вложил пистолет в Его тёплую руку и быстро вышел, никем не замеченный. Только через два квартала, в темноте за какими-то гаражами, слезы прорвались и не дали мне двигаться минут десять. Тут я и отправил себя во вторую командировку. Поехал в психушку, и Ванька по старой дружбе уложил меня в курортное отделение. Вообще-то оно называется реабилитационным. За эти пять дней я немного пришёл в себя. А Тебе позвонил оттуда: мол, срочное дело, совсем безопасное. И Ты поверила.

Я знаю, Ты не спросишь, зачем я это рассказал. Ты знаешь, что это не месть Ему. Ты видела, как я поседел за этот год. Ты разделишь это со мной, чтобы я уцелел по-настоящему. Нас осталось только двое, это горько и неуютно. Уже НИКОГДА не будет человека, который относился бы к нам ТАК. И вот о чём я теперь думаю в нашем странном одиночестве.

Сначала я честно был народом и нацией, защищал их высокие химеры и считал, что иначе быть не может. Потом я стал населением. Но и это состояние тоже невозможно без драки, хотя и по другому поводу. Потом я вдруг понял, что повод-то один - и у тех, и у других, у каких угодно: взобраться выше всех и управлять. Это и есть жизнь, именуемая борьбой и без борьбы невозможная. Но я так не желаю. Я хочу жизни, которая была бы только любовью. Такой любовью, ради которой не надо драться и убивать, а только угадывать потребности другого и помогать ему - без лести, без корысти и по взаимности. Все религии к этому призывают, но каждая утверждает, что умеет это лучше остальных. Вот поэтому люди, проповедующие любовь, оказываются вовсе к ней не приспособлены и непривычны. На деле им скучна такая любовь, в которой нет борьбы. В борьбе все они видят своё счастье, хотя не все способны в этом сознаться. И потому они всегда будут мешать нам с Тобой.

Если людей действительно создал какой-нибудь бог, то он, пожалуй, был изрядный выдумщик. Только не от хорошей жизни...

8. БЕЛАЯ ЛЕДИ

Майкоп - по-адыгейски - "Долина яблок". Я был там в гостях. Яблоки, как ни странно, в той же цене, что и на рынках Томска. Я там, хоть и родина, долго, находиться не могу. И на этот раз ездил не ради яблок, не ради школьных воспоминаний сладких и не чтобы выпить с друзьями-туристами. Я давно предпочитаю проводить отпуск в Сибири - мне там легче дышится. Но тут надо было обязательно посетить одну пещеру. Затем и вызвали да ещё в странной, таинственной форме.

Рассказали только вот что. В девяти километрах от Хаджуха, на обратной стороне небольшого лесистого плато есть пещера Шакалья. А чуть левее и ниже, сказали, сам увидишь другой вход. Одна группа, сказали, туда ходила. Поверху с самолёта кто-то обнаружил очаговую радиоактивность, и надо было проверить подробнее. Спустились, отсняли сотню метров доступного пространства и никакой радиоактивности не отыскали. Зато нашли признаки древней стоянки. Мало, но убедительные: рисунки на стене. Много странного в них, есть сомнения в подлинности, поэтому решили пока молчать, чтобы не попасть на розыгрыш. Друзья-спелеологи сказали: "Если хочешь - тебе ведь по специальности - исследуй на достоверность". Однако идти со мной никто не захотел. Сказали, что надо идти одному, именно мне, а почему - объяснить отказались: "Сам увидишь. Там безопасно". Как тут не пойти...

К тому же насчёт Хаджуха всегда была странность: туда меня постоянно тянуло, даже из Томска. И при этом ни разу в жизни так не сложилось, чтобы там побывать. Когда учился в школе, весь класс туда ездил дважды. Но я в первый раз болел, во второй ездил на краевые соревнования по боксу - такое не пропускают, а это - в другую сторону.

Друзья помогли экипироваться, проводили до вокзала и уже на посадке вдруг спросили: "Ты действительно там ни разу не бывал?" Я даже удивился: "До флота я всю жизнь - у вас на виду, а теперь из Томска вас не минуешь: прямо до Хаджуха оттуда нет ни самолётов, ни поездов" "Тогда смотри, - сказали, - не упади там". На это я, как принято, пообещал: "Обязательно", и все посмеялись, даже локомотив.

Горным туризмом, в том числе и спелеологией, мы занимались много, но Хаджух в наши маршруты никогда не попадал, потому что серьёзной спортивной ценности для нас, настоящих горцев, нэ имэл.

В поезде мне было грустно: знакомое чувство для каждого, кто подъезжает к осуществлению детской мечты. Слишком поздно подъезжает, и флёр сползает с обыкновенных невысоких гор, заросших мелким лесом, неделовым, но пушистым, очень густым, неудобным для прогулок, интересным разве какому фотолюбителю с телеобъективом, прибывшему с севера, но ничем не привлекательным в июне для аборигена: дикие плоды ещё зелёные, ни фундука, ни ажины, ни алычи или дикой груши, ни даже терновника не сорвёшь, а лазить по кручам в одиночку, без прямого толку, неинтересно даже пацану, играющему в войнушку.

Сам же Хаджох на вид ничем не отличается от прочих адыгейских аулов. Деревня и деревня, только горская. Я прошёл его насквозь, поглядывая по сторонам как свой, без любопытства, по улице, совпадающей с моим компасным курсом. Дальше дорога, как и было обещано, пошла полого в гору, потом свернула куда-то, и мой компас совпал с тропинкой. Давно утоптанной и вполне удобной. Я шагал и ничему не удивлялся: знакомыми были горы и лес, знакомой казалась даже тропинка. Так нередко в сибирской тайге вдруг кажется знакомым какое-то сочетание кедров, ёлок и берёз или выход на болото, а сами болота, по-моему, там все на одно лицо: зелёный и рыжий мох, клюква и багульник, малорослые неустойчивые деревца на кочках... Ну, ладно.

Всё совпадало с устным абрисом, я не блукал в родных горах и мог удивляться только одному: до чего обыденно выглядит осуществлённая мечта. В Майкопе сходил бы за гору на Курджипс, искупался и получил бы больше впечатлений.

Правда, с приближением к цели стало корябать душу простое и традиционное пожелание друзей: "Не упади". Определённо негде было тут падать. Может быть, острые ощущения возникли бы у начинающих туристочек из степной зоны, из Омской хотя бы области: и деревья для них экзотические, и жасмином пахнет, и местность эта для них - определённо крутые горы. Я же проскучал все эти девять километров и развлекался лишь тем, что припоминал местные словечки, которыми в Сибири давно перестал пользоваться, но, оказывается, не забыл: "корябать" - это "царапать", "жменя" - "горсть", "тыква" - "кабак", "свекла" - "буряк", вместо "беги" я когда-то говорил "бежи"... Тропинка таяла и уже на полпути исчезла вовсе, но скальные породы не уступали городским мостовым, а чаще под ногами была трава на плотном дёрне, ещё не высохшая и с разными мелкими цветочками - я всегда был слаб в ботанике.

Обещанное плато в конце пути действительно было небольшим и обрывалось в ущелье, и было там действительно круто, и десятью метрами ниже меня ждала обещанная площадка перед Шакальской пещерой.

Нет, подумал я, определённо "не упади" касалось чего-то другого. Надо теперь быть внимательнее.

Глубина ущелья доходила метров до трёхсот, крутые склоны заросли буковым лесом. Внизу слабо слышался какой-то ручей, а вблизи воды не было - вот и неудобство. Но у меня с собой была пустая пластмассовая канистра на два литра. Она и чайник - это вода на два дня. А больше мне едва ли потребуется. Вниз по ручью ущелье становилось тесниной, опасной для вертолётки, и заворачивало куда-то вбок от Хаджоха. Вверх, в горы, оно расширялось до круглой, с километр, глубокой долины, а дальше горы громоздились всё выше. В общем, вид с плато был таков, будто ущелье с ручьём вытекает из этой долины, как из озера.

Спустился к ручью, принёс воды. Порыскал рядом в лесу, набрал сушняка, запалил костерок, подвесил над ним чайник, довольно быстро приготовил снаряжение, и делать стало нечего. Грусть не проходила, а от безделья усилилась. Была она, конечно, не о достигнутом Хаджохе и не об ушедшем детстве. Тебе ясно, о чём единственном я могу грустить всерьёз. Огонь костра одинаков — что в горах, что в тайге. В нём я с детства различал Твоё лицо, даже когда не знал Тебя. В первый раз это удивило. Я даже поделился тогда с одним из друзей, даже нарисовал и показал ему: вот такая смотрела на меня из костра. Я рисовал всегда неплохо, и портрет произвёл на друга впечатление. А поскольку тот походный костёр был у нас с ним последним, он в шутку предложил продолжить свидания с Тобой в домашних условиях: костерок во дворе, свеча, примус, паяльная лампа, пожар, наконец. А мне было уже не до шуток: в возрасте первой любви такими вещами не играют. Едва уединившись после похода в своей комнате, я кое-как зажал парой книг бабушкину свечку и уставился на огонь. И сразу в нём явилось Твоё лицо. И я испугался. Не оттого, что всё происходило в темноте и одиночестве, я ведь спелеолог и водолаз. СУДЬБА смотрела из огня. Почувствовать это не составило для меня ни малейшего труда. Есть на свете несколько вещей, которые происходят легко и окончательно: талант, любовь, смерть.

С другом я о Тебе не говорил больше. Вообще ни с кем. Страх прошёл быстро - он перерос в страсть. Я почувствовал, что меня ПОВЕЛО к Тебе, но пока не понимал, куда направляться. Когда призывали служить, повезло: попал на флот, ходил по Тихому океану на крейсере, никакие костры меня не беспокоили. Сам я никогда не курил, а если зажигали спичку другие - отворачивался или закрывал глаза. На лампочки же, прожектора, корабельные огни и небесные светила виденье не распространялось. В общем, я отдохнул от Тебя на ТОФе. Даже думал, что избавился. Я хотел этого, потому что не верил — по молодости — в отношения с призраками.

Чтобы убедиться в победе, я в первый же свой штатский день, еще не сняв бушлата, развёл на морском берегу костерок. И сразу увидел Тебя. Никуда не делась. Дождалась и сразу подала взглядом знак, где Тебя найти. Тут же налетел гарнизонный патруль, задержали меня за мелкое хулиганство — костер на причале. Но только завели в комендатуру и сразу отпустили: нельзя же портить дембельному воину первый день свободы. Даже не пожурили: старлей похлопал по плечу и сказал, что всё понимает. Даже подвезли на дежурной машине к вокзалу, потому что до поезда оставалось совсем чуть, впору догонять намётом. Я не сомневался, что все эти мелкие удачи были подстроены Тобой. Так случилось и позже.

Ты меня ВЕЛА. Это подтвердилось в Тайге, когда я вышел из вагона с вещами и вместо Москвы свернул на Томск. И там ВЕЛО и везло направо, направо: сразу работа и жильё, потом институт, аспирантура, снова институт, а в нём - Ты.

Я ни разу Тебе этого не говорил. Почему?

Теперь, у входа в пещеру, я ждал, когда закипит вода, поглядывал на Тебя, всегда безмолвную, и потихоньку размышлял над словами друзей, всё не дававшими покоя: "Не уподи там". И еще; я опять чувствовал ВЕДЕНИЕ. Но не в Томск, где осталась Ты и откуда я в очередной раз ненадолго бежал, а в эту пещеру, которая имела вход левее и пониже Шакальей.

Пока устраивался, стемнело. Дров хватало, можно было долго смотреть на Тебя.

Игра в гляделки с призраком. С доктором Фаустом его призрак говорил. И с принцем Гамлетом. Но мужчинам всегда есть что сказать друг другу. Беседовать же ночью с дамой, если сам ты не дама — извращение. Или изыск. Одно другого не лучше. В общем, скоро меня сморило, спрятался в спальник и стал слушать, как внизу беседуют между собой шакалы. У кого-то эти вопли вызывают жуть, а у меня - жалость. Ночь, голод, дискомфорт. Слышен запах человека, но от него только страх. У шакалов жизнь хуже собачьей. Однако баллончик с газом и нож я всё же держал под рукой. Ведь не зря эта сплюснутая щель в горе называется Шакальей. И следы на песке - по всей ширине. Я выселил хозяев своим костром под открытое небо. Могут вернуться, чёрт их ведаёт.

Высыпаться в таких условиях быстро. Я встал перед рассветом. Шакальих песен не было. Проснулся от тишины. И с чувством приближения. Меня уже отчётливо ВЕЛО в пещеру: там что-то ждало. То самое, от чего я должен не упасть.

Спешить в таких случаях не разрешается. И я нарочно себя тормозил. Тщательно и крепко заваривал чай (специально взял юньнаньский), спустил рюкзак со всеми вещами ко входу, обследовал передний зал, втащил рюкзак туда (вход - только для тела, пришлось перепаковывать), пристроил его в тесном углу и завалил от шакалов крупными камнями, проверил снаряжение на себе и в сумке, определился по компасу и - пополз.

По пещерам ведь чаще всего не ходят, а ползют.

И этажи в пещерах считаются в обратном порядке: самый первый - выше всех, как мороз на градуснике.

Этот первый этаж для спелеолога обычно ценности не представляет. Все сталактиты, сталагмиты, геликтиты, разные брчки и прочие скульптурно-карстовые образования любят второй этаж. Там же ищут и следы жизни - животной и человеческой. На третьем и ниже - царство морфологии: террасы, площадки, аккумуляции, озёра, кристаллы на стенах. Везде по-своему красиво, нужна только привычка. Или, наоборот, непривычка.

Сравнительно легко я "обошёл" на четвереньках четыре зала первого этажа и без удивления остановился перед большим камнем с вырубленным на нём подобием колеса не то штурвала. Этот камень явно следовало переместить из угла в единственно возможном направлении. Он откатился без особых моих усилий и в самом деле оказался дверью. Это сочетание вращаемого камня и овальной дыры напомнило мне люк в корабельной переборке, который задраивается при опасности затопления. Такое действие на корабле именуется борьбой за живучесть, и я слегка вздрогнул, когда подумал, что делаю обратное: "отдраиваю" вход в чужой отсек. Что там ждет меня? Что станет с отсеком? Ждало необычное и неожиданное. В этом последнем зале первого этажа было светло. Самые что ни на есть прямые солнечные лучи били из длинной и очень узкой горизонтальной щели, в которую не пролезла бы и рука. Щель не была искусственной, это было то самое непроходимое сужение, которым заканчивалась Шакалья пещера. Звери как бы охраняли человеческое жилище и своим беспокойством могли дать знак о внешней опасности. Я погасил фонарь и для начала сверил свои предположения по компасу. Всё совпадало. Я заглянул в щель, как в бинокль. Дымок моего костра ещё стелился на фоне знакомых деревьев. За ними угадывалось ущелье, из которого прямо в щель бил утреннее солнце. Единственный яркий час в этой пещере. Потом на весь день останется полумрак.

Все эти обязательные действия я выполнил машинально, чтобы потом к ним не возвращаться, поскольку предстояли два дела посерьёзнее. Во-первых, сфотографировать "взятые" как раз солнечным лучом рисунки, а во-вторых, найти выход на второй этаж. Или вход? Или спуск? Для съёмки на скальной графике фотовспышка не понадобилась. Даже пришлось диафрагмировать объектив. Так что в качестве будущих снимков я мог не сомневаться.

В горизонтальном солнечном луче, порезанном тенями деревьев на квадраты, мне предстала портретная галерея. То были суровые физиономии мужчин и женщин, без признаков национальности

- просто евроазиатского, усреднённого типа. Это особенно бывает заметно у киноартистов, играющих то кавказца, то еврея, то немца, то иранца или индуса, то американского индейца - и всё без грима. Так и эти полудикие лица могли быть чьими угодно, только не жёлтой и не чёрной расы. Впрочем, волосы у них были тёмными, а кожа — смуглой, скорее всего — обветренной. Их глаза были отважны, потому что видели много опасностей. Все лица выражали полное доверие к художнику, даже, пожалуй, любовь. Особенно у мужчин. У женщин — больше достоинства, что заставляло с удивлением предположить: рисовала женщина. И рисовала профессионально, теми скупыми штрихами и лишь необходимыми растушёвками, из которых складывается законченный образ, притом не на бумаге или, как здесь, на стене, а в воображении зрителя, додуманный до одушевления. Я сам этому учился по гениальным иллюстрациям Сетон-Томпсона к его рассказам о животных.

Авторская рука во всех рисунках была одна. Она одушевила двенадцать портретов. Каждому я выделил по кадру — благо их в моей "Чайке" семьдесят два.

Выше и ниже портретов располагались примитивные рисунки того типа, какие найдены в Африке. Они были до того похожи по стилю, что хотелось заподозрить автора в плагиате, в современном розыгрыше или в способности быстро — в его-то время! — перемещаться из Африки на Кавказ. Или наоборот. Те же фигурки, где все конечности из палочек, те же палочки-копья в руках, те же торчащие гениталии у фигурок, обозначающих мужчин. Похожие и звери: олени, кабаны, медведи. И даже — вот это и вызывало подозрение — белая женская фигурка среди прочих чёрных. И местом в композиции, и позой - она всю эту нарисованную жизнь возглавляла.

Так от этого, что ли, я должен был "не упасть"? От африканского сходства? Что-то не верилось. И что-то уже корябалось: надо всмотреться в портреты.

И я всмотрелся. И узнал одного из персонажей. Которого знаю уже скоро тридцать лет. Самого себя.

Сначала - по взгляду. МОИ глаза и МОЙ взгляд. Бесовская рука у этого мастера. Нет, мастер — мало. Художник! Этот МОЙ взгляд шёл не от поверхности сизой мергелевой стены, а из глубины, из толщи, из души нарисованного. Я сразу понял, о чём он думает и что видит. Потому что ЕГО взгляд шёл из глубины МОЕЙ души, спрятанной там, в толще отшлифованной стены. И я сразу узнал, что этот портрет - не сегодняшняя чья-то шутка и не рисунок по памяти. Это был не сегодняшний я, а я - очень давний. Нарисованному было - тысячи лет от роду. Это он звал меня сюда. А нарисовали его более молодым, чем я сейчас. Лет двадцати с очень небольшим. Но очень взрослого, как сейчас выражаются, "по жизни".

Мы с ним смотрели друг на друга долго. Мне мерещились вопросы и ответы без слов; его - ко мне, мои - к нему. И вскоре груз этого обмена превысил мои силы: захотелось присесть. Значит, об этом друзья и предупреждали? Ну конечно: "Не упади". Уже падаю.

Я присел на корточки под щелью и привалился спиной к стене. Мы с портретом не могли разнять взглядов.

До сих пор вижу всё, о чём шла беседа, но ни один из образов не поддаётся словам. Можно ли хоть как-то сформулировать целую — Впрочем, нет, не целую, а многократно оборванную и столько же раз начатую сначала — жизнь в несколько тысяч лет? Что-то между мистикой и сумасшествием. Чтобы не ВПАСТЬ в одно из двух, надо было прекратить гляделки и заняться делом. То-то и сказано было это "не упади" в южном произношении, от которого я отвык в Сибири: "Не впади".

Было ещё сказано: "Попробуй поискать другие этажи". Та группа, что исследовала эту сотню метров, найти входа не смогла, но ушла в странной уверенности, что второй этаж есть. Эта уверенность — по ходу движения — возникла и у меня. Были во всех залах узкие, непроходимые трещины, которые фонарь до конца не просвечивал. Такие входы для новорождённых младенцев. И такие примерно, как из Шакальской пещеры в этот вернисаж. На случай неудачи я заранее утешился находками в первом этаже и с лёгкой душой начал детальные поиски этой самой "лестничной площадки". Пока хватало съестного, беспокоиться было не о чем - отпуск только начинался.

Я медленно шёл по пещерной анфиладе, осматривал каждую щель под разными углами и пытался шевелить их края. Я рассуждал, что группа, работавшая до меня, на такую дотошность просто не имела времени, занимаясь поисками радиоактивности. Был, кстати, весьма чуткий радиометр и у меня. Разработка томских политехников, эксклюзив легендарного города, который сами томики в узком домашнем кругу ещё с пятидесятых годов называют Атомском. Но вёл себя смирно мой супер-прибор, не показал ни разу больше десятка микрорентген. Другие параметры меня не занимали, ведь это была просто экскурсия.

И в пору было думать: экскурсия - куда? В место или во время, хранимое этим местом, будто консерва?

Лестничную площадку я нашёл в третьем, среднем зале. С помощью титановой монтировки, без которой в походы не хожу: никакого веса, бесподобная прочность и все нужные изгибы для любого рычага — хоть под бревно, хоть под камень, хоть зверю в пасть.

Параллельно одной вертикальной амбразуре, в паре метров от неё, нашлась только под острым углом заметная трещина. Я представил себе одну из стеклянных вращающихся дверей в нашем

институтском вестибюле, отыскал внизу щербинку, вставил туда плоский конец монтировки и нажал. Глыба повернулась. Именно как институтская дверь. Гордись, кафедра прикладной механики.

Открылись два полуметровой ширины входа. Я отступил на шаг, потом ещё на два и почувствовал внезапное и неодолимое желание бежать отсюда на волю, и подальше, подальше. "Неодолимое — это, впрочем, для красного словца, но — сильное, очень сильное — совершенно точно. Как будто не я забрался в глубину собственной планеты, а какой-нибудь корабль пришельцев приземлился перед моим носом, и сразу, в непробойной стене, повернулась эта дверь. Притом на два входа. В одно помещение или сразу в два?

Я пересилил честный страх, приблизился и посветил в оба входа. Помещение за ними было одно, размером с большую лестничную площадку.

Я надел сумку обеими лямками на плечи, тронул нож на поясе и - с монтировкой наготове — вошёл.

Это была практически прямоугольная комнатка два на четыре метра, и в обе стороны от неё спускались широкими ступенями сланцевые плиты. Два входа на один этаж. Мелькнуло смешное сравнение со станцией метро. Вот сейчас сойду на несколько плит вниз, поверну направо или налево, а там - перрон, табло, рельсы и люди в шкурах, ждут поезда.

Я без колебаний двинулся налево: левой руке безразлично, куда светить, зато правая с монтировкой имеет замах. Такие вещи у осторожных людей происходят сами собой, даже если знаешь наверняка, что никто тебя в этой чёртовой темноте не подстерегает, а если кто и был, так давно удрал от ужасающей яркости светового луча.

Разве что следом кто крадётся. Но тут лучше всего быть фаталистом или уж не нарушать правило спелеологов и вовсе не соваться в пещеру одному. Как у Высоцкого: "Красиво здесь? Всё это — сказки..."

Ну и хватит, пожалуй. Можно бы накрутить подземных приключений с миражами, скелетами, змеями и тайниками. Но я и так расписался не в меру. Не обо мне ведь речь.

Был второй ярус. Со многими приметами примитивного жилья. Это неинтересно. Все такие описания одинаковы.

Тем же способом, что и в первый раз, я нашёл ещё одну поворотную плиту и проник в странное — не первобытное — жилище, где — ещё страннее — было светло, но источник света я обнаружить не смог и потому до сих пор пребываю в подозрении, что светло там было НЕ ОТ СВЕТА. Записывая эти три слова, я сам себе кажусь идиотом, но других слов просто нет. Там было светло, но не было света. Едва войдя, я обрёл там способность видеть в темноте - вот как ещё могу сказать. Когда включал фонарь, то на освещённых им местах возникало пятно непроницаемой пещерной темноты, которым можно было водить по стенам. В общем, я сберёг там свою электроэнергию на обратный путь, и это так же не имеет значения, как всё, что написано здесь до сих пор. В последнем помещении, которое надо бы называть кабинетом и убежищем одновременно, я прежде всего обнаружил точный Твой портрет. Он был выполнен на стене той же рукой и в той же манере, что остальные наверху. Только там рисовали чёрным по светло-серому, а здесь, по тому же фону — мелом.

Для начала, ничего больше вокруг не замечая, я снова впал в оцепенение: лицо было очень уж живым, глаза говорили всё, что я сам хотел бы сказать Тебе сегодняшней, в Томске. Ты смотрела на меня, сложив на чём-то руки и поместив на них подбородок. От Тебя исходило столько тепла, что я не решился потрогать даже пальцы на портрете, чтобы не остаться в этой пещере насовсем. Даже вспоминать жутковато, довольно об этом. Замирая в волнах Твоего тепла, я смотрел на рисунок, пока не понял, нет, пока не УСЛЫШАЛ, что надо делать.

Тот камень, на который Ты как будто опиралась, я без труда выдвинул из стены и в нише позади него обнаружил рулончик какого-то материала, похожего на бумагу. Он был исписан незнакомыми значками, строки шли горизонтально, белым по чёрному, как негатив. Я УСЛЫШАЛ, что выносить его на солнечный свет нельзя, и двое суток переписывал значки в блокнот. Иногда, кажется, что-то съедал и запивал водой. А может быть, и нет. Во всяком случае, из пещеры не выходил и никаких бытовых потребностей не испытывал. Со счастливыми это иногда бывает. Теперь даже посещает сожаление, что не остался там насовсем. Не так уж много прибавилось ума от этих новых знаний, а счастья, как известно, больше или меньше быть не может. Что оно, что любовь — понятия не количественные: или есть или нет.

Срисовав письмена, я попытался переснять (без вспышки!) Твой портрет, потом — для уверенности — срисовал и его, после чего вспомнил о радиометре и взглянул на цифровой индикатор. Стало не по себе: там не просто были одни девятки, а они ещё и мигали вразнобой, явно пытаясь выпрыгнуть из шкалы. Чёрт-те что: при этой радиации я в течение первого часа должен был отдать Богу душу, даже без мучений! Но раз уж такое дело, я быстренько выключил одуревший прибор, запер за собой все двери, чувствуя неловкость оттого, что оставил свет невыключенным, и вылез к своему кострищу. Рюкзак был не тронут, лесные санитары подобрали все мои объедки, немного разворошили головешки в костре, но по моим следам сунуться в пещеру не решились, ушли обратно к ручью. Ничего в мире не изменилось. И радиометр уgomонился до нормы.

Рулончик, с которого я срисовал текст, на солнечном свету оказался чёрным с обеих сторон, годился только в сувениры. Я очень быстро собрался и, удивляясь собственной выносливости, пошёл обратно.

К поезду опоздал, но удалось уехать в кузове попутного грузовика до самого Майкопа.

Там друзья уже слегка тревожились, потому что ожидали меня обратно минимум на сутки раньше.

Сразу же была проявлена плёнка из "Чайки". Радиация её не испортила, но Твой портрет не получился. Были отпечатаны снимки, было обсуждение, я настаивал на версии розыгрыша и называл имена вымышленных друзей-художников из Томска, которые могли бы одной левой за пару утренних часов набросать эту портретную галерею в пещере. Пообещал друзьям, что дома всё выясню и обязательно им сообщу.

Всё остальное осталось при мне.

Друзьям больше всего хотелось узнать о чём-нибудь невероятном. А мне меньше всего улыбалось показаться сдвинутым. Поэтому уже на второй день по возвращении я сделал вид, будто позвонил в Томск, и сообщил майкопчанам, что меня отзывают из отпуска: наука-де потребовала жертв.

Домой ехал не спеша, поездом, чтобы до дому успокоиться и исследовать рукопись Белой Девы (так я её стал называть) на холодную голову.

По дороге, конечно, много раз заглядывал в блокнот, всматривался в срисованные значки. Были они иероглифами или буквами, понять не удавалось. Каждый существовал будто сам по себе, но и с остальными имел безусловную связь — и по написанию, и по НАСТРОЕНИЮ, чего я в словах выразить опять не могу. Как живопись вызывает в душе праздник, ужас, гнев или умиротворённость, так система этих значков давала мне ощущение духовной тревоги, каких-то забот — это было ПОНИМАНИЕ, подобное тому, что я испытывал перед портретом Девы. Оно одинаково исходило из её взгляда и из текста, написанного единственно её рукой — в этом нельзя было сомневаться, а почему нельзя — мог понимать только я, но тоже не сумел бы объяснить. К концу дороги стал побаиваться этого текста. Казалось, ещё усилие — и я войду в него, да там и останусь, в тихом, празднично-тревожном помешательстве. Но вот поезд прибыл на станцию Тайга, а через два часа электричка доставила меня в Томск. Половина отпуска была ещё моя, а дома ждал приличный компьютер с хорошей лингвистической программой — он не боялся помешательства.

Хлопот с переводом оказалось больше, чем я ожидал. Готовые алгоритмы никак с пещерным текстом не коррелировали, приходилось что-то выдумывать на ходу, и только к концу отпуска плоды моего двухсуточного переписывания уместились на двух страничках удобочитаемой расшифровки. Привожу дословно. "Мне отсюда не выбраться. Бот утонул в озере. Сама еле спаслась. Попала в племя дикарей. Каменные инструменты. И костяные. Одеды в шкуры животных. Живут в пещере на берегу озера. Мне поклоняются. Я им богиня. Язык простой. Научилась быстро всему. Красивые люди. Очень дикие. Один хорошо рисует. Зовут его Рах. Самый сильный. Охраняет меня. Он один меня понял. Хочу его. Нельзя. Могу навредить населению. Бот не поднять из воды. Надо спустить озеро. Огромная работа. Надо заставить племя. Научить их копать землю. Они этого боятся. Горы каменные копать трудно. Не вижу выхода. Меня не дождутся. Связи нет. Подождут и оставят меня здесь. Глупо было принять воду за твердь. Они воду пьют. И убивают зверей для поедания. Мясо жарят на огне. Огонь здесь сильный. Хорошо и быстро насыщает. За это они мне и поклоняются. Звери тоже убивают их для поедания. Входят в пещеру и мало боятся огня. Загрызают детей. Я нашла второй ярус пещеры. Туда звери войти не могут. Племя благодарно. Все мужчины хотят меня. Им соблазнительно родить бога. Называют меня Белой Женщиной за мой костюм. Я его не снимаю. Мы устроены одинаково. Сильнее всех меня хочет Рах. Он один не пытается овладеть. Он меня оберегает. Хочет моей любви. Так они называют своё хотение. Любовь больше хотения. Моих объяснений он не понимает. Любви прощается все. Он лучше всех. Я должна его любить. Он согласен сделать для меня всё. Он первым научился копать землю. Он научился ломать камни. Он не хочет спускать озеро. Надо его убедить. Пусть захочет поднять бот. В боте моя любовь. Это убедительно. Племя должно его послушаться. Очень дикие люди. Удивляются его рисункам. Позируют неохотно. Он рисует очень быстро. Потом доводит без модели. Они всегда очень заняты. Охотятся и изготавливают инструменты. Поддерживают огонь и добывают дрова. Я нашла им уголь. Они рады такому топливу и ломают чёрный камень. Это поможет мне спустить озеро. Знает только Рах. Он это терпит и рисует углём. Меня он рисует только мелом. Себя рисует углём. Каждый день стираю со стены наши совокupлённые фигурки. Он смеётся и рисует снова. Племя этого не видит. Он рисует нас только в моей комнате. Я ныряла к боту и принесла генератор. Он для людей безвреден. Теперь в моей пещере светло. За это мне поклоняются. Я им нужна. Без обмана мне их не покинуть. Рах меня не выдаст. И не поможет. Он хочет от меня детей. Рисует нас с белыми детьми. Жалко их стирать. Он не возьмёт меня силой. Я его богиня. Я им всем богиня. Богов они не отпускают. Деревянных идолов они наказывают. За попытку бегства могут наказать и меня. Бежать надо только наверняка. Без генератора не убегу. Трудно будет вернуть генератор на бот. Они сразу всё поймут. Они видели моё приводнение. И всё остальное. Это озеро у них священное. Ему приносят в жертву пленных врагов. Богиню озеро отдало им. Они не решатся спустить священное озеро. Даже ради богини. Только обманом. Угольная шахта уходит под

озеро. Они пока не понимают. Копать еще много. Для своих я пропала бесследно. Они давно улетели. Мне некуда улетать на боте. Уровень развития здесь везде один. Бот может пригодиться только для развития моего дикого племени. Они довольно обучаемы. Я изобрела для них колесо и обучила основам рычаговой механики. Они теперь знают земледелие и пчеловодство. Женщины освоили шитье и консервирование маслом и мёдом. Для защиты от соседних племён пришлось изобрести метательное оружие. Воины и работники сменяют друг друга. С детьми занимаюсь только я. Они меня очень любят и лучше взрослых всему обучаются. Такое ускорение цивилизации дозволено Уставом. Не могу скрывать свою любовь к детям. Все видят. Рах становится более настойчивым. Они чувствуют своё приближение к уровню богов. Мне некуда деваться. За мной не прилетят. Я хочу родить и передать своим детям высшие знания. Всё неизбежное справедливо и дозволено Уставом. Это моё дополнение к Уставу. Однако Устав однозначен и толкования не подлежит. Абсолютная справедливость всегда за горизонтом. Моя справедливость в моей совести и в моей любви".

Подозреваю, что это далеко не весь текст, однако большего добиться от компьютера не удалось. Такое получилось странное и жутковатое послание. Без запятых и рассуждений, если не считать вопля дисциплинированной души насчёт справедливости за горизонтом и намёка на любовь. Послание — кому? Или отчёт — перед кем? Всё это — к совести. К собственной душе. Была ведь у Неё душа. И нарожала Она детей. Иначе я не был бы так похож на Раха, а Ты - на Неё. Может быть, поэтому я и не решаюсь подойти к Тебе?

Нонсенс, безумие! Между нами и этим племенем - тысячи лет. А сходство лиц — по реальной статистике — одно на полторы тысячи: отсчитай столько — и вот тебе двойник.

Правда, куда девать остальные совпадения? Наши с Тобой лица — в одной пещере, в одном времени. Я и Ты - в одном городе, в одном институте. А это ВЕДЕНИЕ в пещеру чего стоит, а моё понимание всего там...

Озеро Она таки спустила. Не ценой ли захлебнувшихся в шахте? Остался один ручей, его питавший. Свой бот пустила, конечно, на первичные серьёзные инструменты. А высшие знания племя, естественно, не сохранило - рано было. Только прикладные культурные навыки: земледелие, металлургия, какая-нибудь простая письменность... Ну и ладно, что ж теперь. Генератор неизвестной энергии до сих пор работает в пещере, но пусть он там и остаётся. Скоро сами изобретём, и нет у меня охоты ускорять неизбежное. Мне бы понять то, чего мы уже не избежали. И что неизбежно ДЛЯ НАС С ТОБОЙ? И почему я не решаюсь подойти к Тебе? Ведь подходят многие, я видел. И никто не отходит обиженным. Но отходят — все. Что до меня, то ведь, кажется, даже право имею. Подойду и скажу: "Знаете ли, что мы с Вами очень отдалённые потомки?.." И замолчу. Ты спросишь: "Чьи?" И я загадочно изреку: "Самих себя!" Дальнейшего не представляю и потому не подхожу. Страшно представлять. Обзовёшь идиотом? Потребуешь объяснений? Хорошо бы. Или просто пожмёшь плечами и посторонишься, как от крокодила?.. Почему мне вообще ни разу не удалось встретиться с Тобой взглядами? Ходишь будто сквозь меня, будто я существую в параллельном пространстве и потому невидим. И вот ещё мистика: меня парализует Твоё присутствие. Ты не смотришь на меня, но Ты видишь. Ты ни на миг не отпускаешь меня из своего внимания, поэтому в здании, где есть Ты, я постоянно ощущаю на себе какой-то гипноз, будто удавочку на шее, будто луч прицела. Всё время опасаясь что-то сделать не так и поэтому не делаю ничего, чтобы хоть как-то прояснить отношения. Может, быть, это суждено сделать Тебе, а я — обязан дожждаться?..

Дождался.

Настал день, когда Ты, едва появившись, наставила взгляд в упор и пошла на меня. Дело было в институтской столовой, в обед. Я только начал выгружать тарелки на стол, да тут и замер. Ты сказала: "Надо поговорить". Я забыл всё на столе и двинулся к выходу. Ты приняла это без малейшей деликатности, будто я и должен остаться без обеда.

Я молча шёл рядом и отворял перед Тобой двери, пока мы не оказались под дождём. Ты раскрыла зонтик и взяла меня под руку: "Прогуляем немного". И привела к себе домой. По пути сказала только, что прогуливать на работе — не в Твоих правилах, но дальше дожидаться от меня каких-то инициатив Ты считаешь бессмысленным, а ждать уже нет терпения. Обо мне речь шла, естественно, как о втором номере, и я, с полным осознанием своей первобытной ничтожности, так ни слова за всю дорогу и не сказал. Гипноз пропал только в кресле, куда Ты меня толкнула, уходя включать чайник. Я как будто содрал о головы мешок, в котором сюда был доставлен, и смог оглядеться.

Однокомнатная квартирка. Проживает один человек, совершенно не озабоченный, роскошью, но поклоняющийся комфорту. Можно производительно работать головой, можно в любой момент удобно вытянуть ноги и отдохнуть при любом удобном освещении, можно принять нескольких гостей, и до всего легко дотянуться. Но это мельком. Главное - стена, которая пустовала напротив моего кресла. Она была превращена в портретную галерею — двенадцать лиц, углём по штукатурке. Двенадцать знакомых полудиких лиц евроазиатского типа, среди которых и моё. Те же у всех отважные глаза, видевшие много опасностей, то же полное доверие к художнику. В общем, всё один к одному, даже в размерах, А располагались они на стене без симметрии. Явно просилось в ряд тринадцатое лицо — на будто нарочно оставленное место.

Ты вошла с чаем и бутербродами и вывела меня из столбняка. Сказала только: "А?!" и кивнула на стену. Добавила: "Чьей мордашки не хватает?" И мы стали обедать. Вернее, обедал я. А Ты — смотрела. Говорили на "ты" с самого начала, всё вокруг стало очень по-родственному.

Ты говорила, что портреты эти стали появляться на стене без чьей-либо помощи, сами собой. Пришлось поснимать пару магазинных репродукций, отодвинуть телевизор и совсем убрать шкаф.

- Когда это случилось?
- Сразу, как въехала.
- До Тебя тут жил кто-нибудь?
- Я первая. Новый же дом.
- Сколько лет?
- Да тысяч двадцать семь — двадцать шесть.

Произнося этот кошмар, Ты не улыбалась. Я решил поддержать шутку и серьёзно уточнил:

- Не тебе. Картинкам.
- А-а-а... Им — три года. Сам знаешь.

Ты вовсе не шутила. Ты разговаривала СО СВОИМ. Я спросил:

- Чьей же мордашки не хватает?
- Автору виднее.

Я всё СЛЫШАЛ сквозь эти слова. Те, пещерные, портреты сделала не женщина. Она просто сидела рядом. Рисовал — я. И теперь тот портрет из нижней комнаты я должен перенести на эту белую стену, на свободное место рядом со СВОИМ лицом. Ты раскрыла коробочку с мелками мергелевого цвета, села — в своём белом брючном костюме — верхом на стул и поместила подбородок на руки, сложенные на спинке. Точно как ТАМ. Где подглядела позу?

И я сделал этот портрет. Именно таким, как в пещере — белым на тёмном фоне.

Пока рисовал, Ты говорила.

Оказалось, Ты из Хаджоха. В школе занималась туризмом. Однажды побывала в ТОЙ пещере. Видела портреты, но значения не придавала: решила, что современные. И до сих пор в этом уверена. Считаешь виновником — меня: я когда-нибудь однажды Тебя увидел мельком - в Хаджохе или в Майкопе - и начал робко преследовать. Долго скрывался, пока не объявился открыто в институте. Узнал как-то, которая из квартир достанется Тебе, и успел — до вселения — каким-нибудь проявляющимся материалом нарисовать портреты. Они не соскрёбываются и не забеливаются, поэтому пускай останутся в том наборе, в каком задуманы мною.

Только вот что: домогательства мои — утомительны, а их смысл - тёмен. Ты ждёшь прояснения. Не сказала — "объяснения".

- Хорошо, — я закончил рисунок, получилось именно ТО, — но для этого Тебе надо побывать у меня. Сейчас пойдёшь?

- Я готова. - И повторила: - Прогуливать так прогуливать.

Моё жильё от Твоего — далеко. Пока ехали, всю дорогу болтали, как это называют, "легко и непринужденно" — ни о чём. Хоть и не было уже того столбняка, но и полная откровенность ещё не наступила. Сейчас я готов назвать эти полчаса пути самым счастливым временем нашего общения.

Дома я тоже усадил Тебя в кресло и тоже ушёл готовить чай, а перед Тобой выложил снимки из пещеры и хлопнутый блокнот с твоим портретом и нерасшифрованным текстом.

Когда вернулся, Ты была бледна и попросила кофе вместо чая. Руки над моим раскрытым блокнотом дрожали. Я сразу почуял беду и пошутил:

- Прочла — и вспомнила ещё больше?

Ты подняла на меня долгий отчаянный взгляд, потом опустила его к моим каракулям, нацарапанным при радиоактивном свете, и начала вслух читать:

- "Мне отсюда не выбраться. Бот утонул в озере. Сама еле спаслась. Попала в племя дикарей..."

Мне стало жарко, ноги ослабли, и я сел с банкой кофе в обеих руках. Я знал этот текст наизусть. Ты не сделала ни одной ошибки. Явилась тупая мысль: "Мой компьютер — молодец".

Ты дочитала до конца и спросила:

- Ты этого от меня хотел?
- Нет... Я уже сделал перевод... Но как - Ты?..
- Что? Как перевела? Просто прочла.
- А если я скажу, что всё просмотрено в моём компьютере?

Я говорил и понимал, что это — чушь. Мой домашний компьютер ни к какой сети не подключен, все входы наглухо закодированы, а о переводе вообще знаю один я. Знал, то есть. Даже самый гениальный хакер не вошёл бы в эту программу... Ты грустно подтвердила:

- Не могла я подсмотреть. Я в компьютерах принципиально ничего не смыслю... Я просто... знаю много языков.

- Значит, такая письменность существует?! Чья же она? Какое-нибудь Урарту? Шумер?
- Нет на Земле такой письменности.
- Значит, она - в Тебе? От рождения?

- Пожалуйста, не спрашивай больше ни о чём.
- Нет-нет, ещё один вопрос. Лёгкий... Ты веришь теперь, что не я изрисовал Тебе стену?
Ты молча покивала и стала сыпать растворимый кофе в чашку с кипятком. Ложечка, вторая... шестая... Это и мне, старому горцу, многовато.
Ты не поднимала глаз, я не решался заговорить: опять начался столбняк, будто Ты его включила.

Отпив глоток, Ты поставила чашку, извлекла из кармана зажигалку, выщелкнула маленький огонёк, открутила газ на полную мощность и стала смотреть на длинный язык пламени. Я стал смотреть тоже и не увидел там Твоего лица.

Когда огонь погас, Ты произнесла какое-то непонятное слово, тут же поправилась: "Спасибо" и встала. И велела не провожать. Так велела, как, наверно, повелевала дикарями 26 тысяч лет назад. Или двадцать семь? Давно, немудрено забыть.

Я спросил:
- В институт?
- Я - нет, - был ответ. - А ты еще успеешь поработать. Только выйди минут через пять. Чашки пока сполосни...
- Завтра увидимся?
- Обязательно!

Я провёл почти сутки в том же ощущении беды. Время до обеда убил кое-как и поспешил в столовую, где обычно и подсматривал за Тобой. Ты всегда обедала одним чаем, берегла фигуру. В столовую Ты не пришла. Значит, появишься после работы. Может быть, приедешь сразу ко мне. Или сейчас позвонишь и пригласишь... Я тешил себя вариантами, а беда уже ждала на моём рабочем столе, в подписанном Твоей рукой конверте.

Там была записка. Несколько строк теми самыми значками, которые мне без компьютера не расшифровать.

Моей надежде всё ещё мерещилась в этом Твоя шутка. Но беда уже знала: всё, конец.

Я ввёл записку в компьютер, и он подтвердил, что права беда. Ты написала:

"Мой милый Рах! У тебя очень сильные гены. Ты совершенно не меняешься. А я просто никак не могу умереть. Уже привыкла. За мной так и не летят. Мне трудно без тебя. Но с тобой ещё труднее. Прощай. Может быть, в том, что вы такие, есть моя заслуга. А может быть — вина. Устав оказался сильнее нас обоих. И справедливость опять за горизонтом. Найди силы уничтожить письма и простить меня. Прощай".

Я тупо смотрел на экран, и в чёрной космической пустоте, которая заполнила голову, одиноким голубем кружилось воспоминание об армейской службе: "Значит, вот почему я всегда так ненавидел уставы... Я терпеть их не мог - все эти 26803 года..."

9. ХЕППИ-ЭНД, или Издержки реализма

Всем кажется, что сюжеты, идеи, открытия — витают в воздухе. Всё, что открывают и изобретают умные головы сегодня, уже открыто и изобретено давным-давно и чуть позже забыто. А всё, что мы, писатели, способны сочинить, происходило на самом деле. Просто не могло не происходить. Писательский-де талант сродни таланту живописца: хоть с натуры, хоть с фотокарточки, хоть с технического описания, хоть просто из головы, а машина останется машиной, дом — домом, Эльбрус — Эльбрусом, и только почерк да настроение автора отличат его картину от всех остальных. Формалистика, не более.

Так считают все, и я, в основном, согласен. Даже более того: я именно потому и не пишу фантастики, что фантастика попросту не существует. Сколько бы вариантов ни перебрал так называемый фантаст, он неизбежно остановится на том, который соответствует действительности. Это проверено, это доказано, это — истина.

Всё вышесказанное я изложил молодому коллеге В., считающему себя фантастом. И добавил, что берусь привести к реализму любой сюжет, какой бы он ни предложил.

— Прекрасно! — заявил В. И тут же начал рассказывать.

Действие начинается на Земле. Несколько друзей, закончив музыкальное училище, приходят на биржу (пусть она называется хоть так, хоть иначе) и получают направления на работу. Престижно попасть в Галактическую Филармонию, в какую-нибудь Млечную музыку. Помельче — это ансамбли, работающие только на Земле. Совсем худо — для бездарей — учить музыку детей. Хотя, конечно, есть шанс прославиться в качестве педагога-воспитателя одного-двух гениев. А самое хуже некуда — «свободный диплом». Это значит: ты никому не интересен, устраивайся сам. А распределением занимается машина. На электронный мозг не действует никакое обаяние, и нигде его решение не обжаловать. Твой отказ от ОПТИМАЛЬНОГО распределения автоматически означает — «свободный

диплом». (Слушая эту преамбулу, я внутренне усмехнулся: «бродячий» сюжет — уже налицо. О машинном распределении чего только не написано!)

Итак, наши друзья-музыканты по очереди представляются машине посредством засовывания в её щель своей магнитокарты (что-либо оригинальное В. поленился придумать), и на экране монитора появляются пронумерованные варианты. Соискателю остаётся тронуть клавишу с подходящим номером, и на лоток выплунется желанная «путёвка в жизнь».

Все наши герои получают вполне приличные места, и вот остаётся последний, которому присвоено демоническое имя Амадей. Друзья смотрят на него с восхищённым ожиданием. Лидер группы, виртуозный пианист и скрипач, многообещающий композитор — вот он кто, этот Амадей. Да ещё любитель эффектов. Нарочно пропустил всех вперёд, чтобы произвести впечатление. «Где твоя карточка?» Но он и не думает предъявлять машине магнитокарту. Он не хочет «унижаться перед этой железкой». Он гордо и небрежно нажимает красную клавишу, на которой написано: «СВОБОДА». И ужас всех бездарных — «свободный диплом» — падает на лоток. (Что ж, навидался я и таких оригиналов. Пока ничего фантастического. Да и что в этом мире можно выдумать?! Только то, что видел, о чём слышал или читал. Я же говорю: любое изобретение — компиляция.)

Что ж, едем дальше. Разлетаются они кто куда, но продолжают поддерживать контакты. Амадей же исчезает так, что никто ничего о нём не знает. Через три, скажем, года они собираются вместе, чтобы отметить первое трёхлетие выпуска. Такой у них счёт времени — троичный... После первых охов и ахов, уже во время застолья (нигде никому без застолья не обойтись!) начинают озираться: кого же нет «среди здесь»? Не находят, как легко угадать, Амадея. И поскольку головы у всех уже немного кругом, решают найти его любой ценой, благо отпуск за три года только начинается.

Дальше должно последовать описание поисков. Биржевая машина — не в курсе, планетный Информаторий — не знает, в Галактической Консерватории — ничего не известно, Земконцерт, Млечмузыка, Союз композиторов, наконец, даже «Нотные ступеньки» — никто не осведомлён, даже имени не слышали. Искать больше негде. Друзья идут с горя в портовый кабак (куда же ещё?!) и там — разумеется, совершенно случайно — нападают на след. Из-за соседнего столика поднимается мрачный громила, подсаживается к ним со своей бутылкой и признаётся, что случайно подслушал, как они тут перебивают кости Амадею-музыканту. Нельзя ли узнать, кем он им доводится? «Мы — музыканты, его друзья. Три года не виделись». «Му-зы-ка-а-анты?! Что, серьёзно?» «Мы не шутим». «Вот в это верю. Кто не шутит, тому верю! И эта малышка — ТОЖЕ? Ну и ну-у-у-у! Дела-а-а... Ну ладно. Так вы его проведать хотите, что ли? И всё? Тогда полетели со мной. На субсвете крутанёмся в лучшем виде...» Ну и тому подобное, с элементами загадки и космической экзотики. Они ничего не знают о тех местах, куда зовёт громила, но по звёздному атласу представляют, что это не так уж далеко — отпускного времени хватит. И соглашаются лететь с этим странным человеком, который так почтительно и даже с опаской относится к музыкантам.

Трое, скажем, мужчин и одна женщина оказываются на полудикой планете, где царит, допустим, средневековые (ах, это излюбленное время фантастов!). Режим правления — авторитарный. Правитель гостям рад, а грубая солдатня при слове «музыкант» отшатывается и бледнеет. Особенно поражаются, что музыкантом может быть хрупкая дамочка.

Гостей проводят в массивную каменную башню (обязательный атрибут средневековья на любой обитаемой планете!), откуда слышится странная и страшная, просто дикая какая-то музыка. Но всё же что-то в этой музыке указывает опытному слуху на её связь с композиторским талантом Амадея.

В верхней комнате башни им раскрывает объятия свиноподобный мужик с заплывшими жиром глазами. Он счастлив их видеть, а они его не узнают.

Что с Амадеем?

Конечно, в первой беседе ничего не раскрывается.

Пора обедать. Гостей приглашают в пиршественный зал, где во время застолья кое-кто выражает сомнение в том, что они — действительно музыканты. В пылу двусмысленного спора возникает потасовка, гостям приходится прибегнуть к рукопашным приёмам повышенной эффективности, и это, как ни странно, снимает все сомнения хозяев.

После пира пятеро однокашников возвращаются наверх, и тут хозяин башни начинает демонстрировать своё искусство. Оказывается, он — заплечных дел мастер при местном правителе. «Музыкой» здесь называют крики истязуемых. Амадей же, будучи профессиональным и природным музыкантом, создаёт из этих воплей кантаты и оратории, замахнулся уже на симфонию. Названия отражают суть его сочинений: «Экстаз», «Вдохновение боли», «Путь сомнений», «Недоверие», «Находка», «Откровение», «Голос правды», ну и тому подобное. Лучше всего ему удаются увертюры.

Друзья до того потрясены, что не хотят верить. Тогда он, войдя в раж, напрямую говорит бывшей сокурснице, что с её неповторимым контральто можно за пару часов — прямо здесь и сегодня! — записать подлинный шедевр, который назывался бы... Ну, скажем, «Бесконечная гордость». (Пока В. расписывал садистские ужимки палача Амадея, мой искушенный ум фиксировал сходство сюжета с «Исправительной колонией» Кафки, и я уже готовился к знакомому финалу: изувер становится жертвой собственной изобретательности).

Конец возможен в двух вариантах, продолжал В. Либо все четверо героев погибают, либо в лихом хеппи-энде одерживают победу. У первого варианта возможны подварианты: 1) они гибнут молча, посрамляя врага; 2) он всё же записывает их хруст и потрескивание и создаёт «Бесконечную гордость» (вот, кстати, и вариант названия для рассказа); 3) они умирают с такими криками, что при составлении в гамму эти продуманные ими звуки убивают композитора (тогда просится название «Смертельный дикусилэнд» или «Гамма — убийца»). Второй вариант попроще. Там Амадея либо убивают, либо берут в плен. И либо с боем улетают, либо остаются перестраивать общество. С помощью, скажем, соседних стран.

— Всё? — спросил я замолкшего В.

— Всё.

— Что же здесь фантастического?

— Как что?! — В. поднял брови и окрутил глаза. — А психология? Человек, выросший в НАШЕ время НА ЗЕМЛЕ, физиологически неспособен ассимилировать сознание палача!

— Ты уже написал этот рассказ? — спросил я после короткого раздумья.

— Только собираюсь. Но если хотите...

— Хочу. Только почему ты так легко от него отказываешься?

Он улыбнулся.

— Во-первых, ради нашего спора. Очень уж хочется увидеть поражение реализма собственными глазами. А во-вторых... Этот сюжет для меня слишком прост, прозрачен... Как легко пришёл, так легко напишется. Но потом его легко прочтут и легко забудут. Заковыристости мало.

— Ты, наверно, не отказался бы поженить фантастику с детективом?

— Пожалуй.

— Это, по-твоему, и будет художественная литература?

— А по-вашему?

— По-моему, художественности в литературе столько же, сколько человечности...

— А мой сюжет — антигуманен... Понятно... Только эта концепция — вчерашний день! Ум сегодняшнего читателя быстр и математичен, ему нужен динамичный сюжет, множество опасных приключений, РЕЗКАЯ ЖИЗНЬ. Чем страшнее и фантастичнее, тем художественнее. А в этике он сам разберётся, его этому и так всю жизнь со всех сторон учат.

— Хорошо, — сказал я спокойно, — приходи завтра, к вечеру.

Он с сомнением хмыкнул и удалился.

Он зря сомневался: я несколько не переоценил свои силы. Его версия событий была достаточно убедительна, оставалось только записать по памяти да подчистить кое-что в деталях.

Режим на злодейской планете я сделал чисто диктаторским. И пропитал мозги тамошнего населения полным восторгом перед такой формой правления — что и требуется для реальной устойчивости любого режима. По этой причине и громила-субсветовик, и грубая (разумеется же, грубая!) солдатня вовсе не отшатываются и не бледнеют при слове «музыкант», а проникаются восхищением и завистью, ибо пример Амадея давно им внушил, что палач-музыкант — это хороший заработок за основную работу плюс ещё заработок и слава за всенародно любимую, вдохновляющую на труд и подвиги музыку. И никакой провокации и драки во время пира — по этой же причине — не было и быть не могло.

Кстати, если бы такая драка случилась, кое-что могло весьма насторожить этого садиста Амадея, ибо не простым палачом был он на планете, а диктатором. И — кстати же — выражение «на планете» выглядит фантастично до тех пор, пока не сообщено, что герои-музыканты имели дело с единственной страной на единственной материке: вот оно, раздолье для диктатуры! А необходимое пугало — космические пришельцы.

Ещё некоторые уточнения касались внешнего благополучия, обусловленного добровольно-рабским трудом. Были картинки вдохновенного крикливого искусства. Была расправа над инакомыслящими: группу «космических шпионов» из старшего класса гимназии подвергли коллективному сожжению в электропечи, а их крики записали для увертюры «Освобождение плазмы».

Был парад войск астроохраны с показательным сбиванием макетов, имитирующих межпланетную агрессию. И была, наконец, жуткая экскурсия, описание которой смею включить в список своих чисто формалистических удач, но здесь не привожу, чтобы не исказить сдержанную тональность повествования. Только вкратце: диктатор предлагает друзьям подняться в верхнюю залу башни не на внешнем лифте, а по винтовой лестнице, которой обёрнут стеклянный многоэтажник пыточных камер. Великолепная звукопроницаемость прозрачных стен и гениальная акустика общего объема башни создавали из рабочих звуков пыталница подлинную музыку, способную довести до истерики неподготовленного посетителя.

Последний штрих касался самого Амадея. Он вовсе не был «свиноподобным мужиком с заплывшими жиром глазками». За три года отсутствия он ничуть не изменился, только возмужал да обзавёлся несколькими сединками, которых не стыдился, а напротив — все время трогал ладонью

свою вороную гриву, будто желая убедиться, что красота на месте. Это был подтянутый атлет с мягкой походкой, тренированный боец, неудобный в поединке. К тому же у него была многочисленная и хорошо обученная охрана, так что бывшим его друзьям пришлось и круто, и туго, и даже совсем худо, ибо, если уж говорить честно, только одному удалось уцелеть и удержать башню со связанным преступником до подхода основных сил, которые высадились на другой, водной стороне планеты и наступали с двух океанских берегов.

Башню потом взорвали, Амадея вывезли на Землю, но в режим на планете вмешиваться не стали: сильнее фанатизма — одна смерть. Поэтому к стенке никого не ставили, а разоружили всех и убрались. Ни одного убитого — чем не фантастика? Но это как раз не фантастика: всем известны свойства инфразвука, сложность была лишь в том, чтобы отвлечь астроохрану и без пальбы проникнуть в атмосферу. Только невежественный простака остался бы после всего этого переделывать там общественные отношения, не посягая на трон диктатора и отказавшись от тоталитарных методов управления. Оставили им систему ретрансляционных спутников, которые пока нечем сбивать, пострасщали расправой в случае повторной милитаризации — ну не было для них другого языка! — и удалились.

Да, насчёт «ни одного убитого» я оговорился. Это касается только десанта. Погибли, как уже сказано, трое бывших музыкантов и вся охрана Амадея.

Вот такой реализм. Из-за одного талантливой злодея четверым мирным и приличным людям пришлось бросить любимую работу, потерять год на тренировки в Службе Космической Безопасности и, наконец, заплатить тремя жизнями за... Как это назвать — за что?

Вечером следующего дня явился В. и стал читать наш с ним реалистический рассказ. Прочел, хмыкнул по-вчерашнему и воззрился на меня с некоторым удивлением.

— А ведь и в самом деле: несколько уточнений — и реализм. Однако, кто же тогда Амадей? Психический больной? Или нормальный наш современник с необъяснимым хронорецидивом? Или просто слабодушный скрипач, прилетевший в странное общество и поддавшийся его законам?

— А вот пусть читатель гадает, — я заставил себя мудро усмехнуться. — Что это за литература, если не даёт пищи для ума?

— Тогда хоть написали бы, что Амадея до Земли не довезли!

Выпалив это, он уставился на меня в упор.

— Почему же не довезли? — осведомился я невозмутимо.

— Потому что — я точно знаю! — он покончил с собой!

— Как это — покончил?

— Перестал дышать — вот как! — Нервы моего В. всё же не выдержали. — Вы это отлично знаете, потому что это было ПРИ ВАС! У вас у всех не нервы, а тросы какие-то! В «Музыкальной башне» ни с кем из вас не случилось истерики, а через несколько минут после увертюры вы истребили полсотни ЛЮДЕЙ...

Мне стало совсем тошно, и я не выдержал тоже:

— Мы?... Это НАС истребляли! Карла, Марию, Гошу!.. Если бы ты слышал, какие это были музыканты... Если бы ты видел Марию... Если бы ты знал, чего стоило СКБ уговорить нас на эту операцию...

— Но вы-то после операции на всю жизнь остались в СКБ!

— И это ты знаешь... Остался... А понимаешь, зачем?

— Понравилось!

Вот оно, прославленное бессердечие молодости.

— Карапузик, — вздохнул я, остывая. — Что в ЭТОЙ работе может нравиться? Вот книги писать мне действительно нравится. А там...

— Что же там?

— А там я работал за троих, чтобы музыкантов больше не отвлекали.

— Не верю!

— А от тебя это и не требуется. Просто пища для ума.

Он ушёл, недовольный и мною, и собой, но рассказ унёс: «Подумать надо».

А я остался с моей тайной наедине.

Я стоял у окна и глядел в тёмное небо, с которого свет города стёр все звёзды. Я думал, что в моём возрасте уже не стоит так волноваться и, видимо, зря я напросился на этот спор о реализме и даже приоткрыл мальчишке правду о своей первой операции. Кому какое дело? Пока жила Мария, я мог быть музыкантом и вообще нормальным человеком. А не стало её — не стало и меня. Разве суперменство бывает от хорошей жизни?..

Из нас пятерых в верхней зале был вооружён только один, и он успел выстрелить — один раз — в Марию. Потом мы держали башню втроем и погибали постепенно, но его, связанного, всё же сохранили для суда. Что его ждало на Земле? Одиночество до естественной кончины. Ведь если бы и нашёлся желающий его казнить, он этим автоматически сам себя обрекал, по закону, на одиночество.

Если человек и рождается с задатками палача, то обязанность общества — развить в нём другие задатки.

А что Амадей не долетел ЖИВЫМ до Земли, так это его собственная вина. Дыхательный рефлекс, конечно, относится к разряду безусловных, но, может быть, при определённом настроении его и в самом деле возможно подавить?

Пусть ЛЮДИ считают, что это ему удалось.

КАРА

(эпилог)

Встреча с Ней состоялась неожиданно для меня и вовсе не моими усилиями. Позвонил Иван и в обычной своей грубоватой манере пригласил немедленно бросить все дела и мгновенно приехать к нему в кабинет. Объяснил кратко: "По поводу известного тебе телефонного инфаркта. Не забыл?" Я крикнул: "Еду!" и бросил трубку.

Она сидела в позе самой скромности, сжав коленки под лёгким платьем. На коленках покоилась простенькая кожаная сумочка. На сумочке Она сложила крупноватые, но вполне аристократические руки с длинными ногтями на длинных чувственных пальцах. Полные губы, замечательно голубые умные глаза, лёгкая пикантная скуластость, чуть подправленные пинцетом брови, нежные мочки аккуратных ушей под волнистыми русыми волосами, круглые плечи, в меру высокая, но не вызывающе подчёркнутая грудь — всё было так же чувственно, как эти живые пальцы на сумочке. Я отметил собственное удивление: почему первой деталью внешности бросились в глаза именно пальцы? И сразу всё понял, когда Она подала, знакомясь, руку. Пальцы обдавали каким-то загадочным теплом. Не простым инфракрасным жаром, а Жизнью... Она, впрочем, вся отдавала тепло — прикосновением, взглядом, любым движением, даже взмахом ресниц. Природное свойство. Так летнее море всю ночь отдаёт тепло, накопленное за день от Солнца. Я сразу понял и беднягу "фотокиллера": этим теплом хотелось обладать, неудержимо и с самого первого мгновения, им просто нельзя было не обладать, в обладании был весь его смысл, в него хотелось тут же броситься с разбега, как в парное летнее море, отражающее лучи звёзд.

— Получи гостинец, — сказал Иван. — Своё последнее произведение известный тебе автор сумел отправить — вот — Полине Михайловне, а она мне — помнишь? — позвонила. Я позвал его к телефону, а что вышло — ты знаешь. Теперь она приехала, привезла с собой эту тетрадку. Я прочёл при ней и попросил сразу не забирать, а сначала показать тебе, Фоме Неверующему. Она благородно согласилась, хоть ты того и не стоишь. Вот, договаривайся, как потом отдашь.

Полина Михайловна раскрыла сумочку и подала мне тонкую тетрадь.

— Там, на внутренней стороне обложки — мой телефон. Когда будет не нужна — позвоните, увидимся. Надеюсь, в убийцы меня не запишете?

В её голосе не было кокетства, он дополнял внешность, как мерцание звёзд в потревоженной воде украшает ночное море. Хотелось, чтоб всё это было всегда при мне. Или я — при всём этом. В общем, чудо природы, хотя на фотоснимке эта дама наверняка не произвела бы на меня никакого особого впечатления. Так прекрасный цветной голыш поражает глаз лишь в подвижной весёлой воде, и не стоит его оттуда извлекать: он быстро высохнет. Я проверил наличие телефона в тетрадке, дама тепло усмехнулась такой дотошности, простилась и вышла.

— Неужели не побежишь провожать? — Иван сощурился.

— Едва сию. А ты?

— А я побегу. Сиди, читай.

Он быстро вышел, я раскрыл тетрадь,

Когда Иван вернулся, я дочитал уже до половины.

— Что так быстро, доктор?

— У меня тоже сильная воля, — был ответ. И вопрос: — Ну? Она его убила?

— Похоже, уголовное дело не получается, — я постарался быть хоть немного ироничным. — Ты был прав, он сам...

— То-то же. Дочитывай с богом. Но только здесь. И мне оставишь. Я хочу с Ней увидеться еще.

— И ещё, и ещё?..

— Да. И никакому твоему обжалованию не подлежит. Читай, я занят.

И подчёркнуто углубился в свои скорбные больничные бумаги.

Вот что было в тетрадке. Несколько первых страниц занимали загадочные рисунки с загадочными стихами. Автор, вероятно, впервые и писал стихи, и рисовал, но находился в не менее загадочном вдохновении, которым слегка заразился и я. Вот эти стихи.

«Твой свет не грел его в пути и даже не был светом.

Он сам выдумывал Тебя и правила игры.

Он не просил Тебя играть, но сам играл при этом.

Он так хотел Тебя найти, что создавал миры.

Он дотянулся до любви и – заплатил по счёту,
хоть Ты была его звездой, светя, но не любя.
Ты проиграла эту роль – ненужную работу –
тому, кто не был игроком, но выиграл. Себя».

И вот эта исповедь.

"Я ещё жив телесно. Даже удивляюсь. Тело ходит, ест, делает тайные записи, иногда беседует с доктором, а дух - постоянно при Тебе, у правого плеча. Ты это чувствуешь? Живу вне себя и вне Тебя. И вне больницы.

Удивлена? Всему, что рассказал Тебе во снах, скоро конец. Тело моё доходит и скоро дойдёт. Эту последнюю, единственную запись я сумею передать Тебе наяву, на бумаге. Жаль, что не своими руками. И слава богу: мне больше нельзя Тебя видеть. Но вполне достаточно услышать Твой голос: это меня вполне успокоит. Когда дочитаешь, допускаю, что и тогда не поверишь. Но ведь можешь просто позвонить, и пусть меня позовут к телефону. Номер - на обложке, внутри. Доктор Ваня добрый, он позовёт.

Ты помнишь многое из снов, что я нашёптывал Тебе ночами.

А кое-что и днём, когда Ты бывала одна. Ты из-за этого чуть не отправилась к психиатру. Но я сумел отсоветовать. Почти подвиг. В борьбе с самим собой. Я обещал, что вскоре всё объясню, и вот - объясняю.

Только сначала вопрос. У женщины дух-хранитель какого пола? Думаешь, обязательно женского? Душка-хранительница? Будешь возражать: не душка, а ангелица? Не возражай: мне-то виднее. Это я - Твой дух-хранитель. Именно дух - не от боженьки, а от самого простого человека. Обычно этим занимаются, когда покинут тело насовсем, но я сумел поспешить, чтоб не перехватили. Я давно Тебя охраняю. Первое время просто молча отгонял от левого плеча дурных советчиц. Но очень хотелось быть с Тобой и в телесной жизни: начал подсказывать дорогу ко мне. Не пошла, как ни старался.

Тогда стал рассказывать о наших с Тобой несостоявшихся реальных отношениях. Это была попытка отчаяния, дальше падать хранителю некуда, только в злые духи. Но Ты засобиралась к психиатру, и я отступился. Но не отлетел.

Вообще существованию духа-хранителя не позавидуешь. Тебе это ещё предстоит узнать, в какое бы качество Ты потом ни перешла. Дух зла, который даёт дурные советы слева, живёт гораздо легче. Даже веселее. Во-первых, они действуют всегда целой стайкой, потому что их больше, чем нас. А в компании всякое дело спорится лучше. Во-вторых, если Ты их не слушаешься и ничего не натворишь, левые советчики не расстроятся: у них очень лёгкий, беспутный характер. Они толкнутся у Твоего левого уха, как комары, выдумывают всё новые пакости - каждый на свой вкус, и исчезают поодиночке, когда природа призовет к новому воплощению, для нового жизненного круга ошибок, злодейств, наказаний, покаяний - пока не вступят на путь добра. Путь этот долог, людей родится много больше, чем умирает, они живут коротко и не успевают в бытовой суете задуматься о высшем, а уж серьёзно исправиться - тем более. Я прожил множество дурных воплощений - порой беспутно, порой даже преступно. И вот - в миг просветления - сам себе выбрал новую посмертную кару, даже раньше смерти.

Помнишь того женатого парня, Твою вторую жертву? Он очень любил жену, они были одним целым, у них был замечательный сынишка. Я пропустил момент вашего знакомства, совсем немного опоздал. Вы уже прошли и первый взгляд, и первые слова, и первое прикосновение. Я появился перед первым, будто случайным, объятием. Он провожал Тебя до гостиницы, вы шли какими-то задними тёмными дворами. Пришлось перелезть через заборчик. Я шептал: "В обход!" Но Ты полезла следом за ним и спрыгнула к нему на руки. Потом вы нашли пустую танцевальную площадку, он запел вальс (Я запомнил - "Случайный"), Ты положила руки на его плечи. Правое его плечо было пустым, а у ваших левых плеч дружно ликовали две своры духов-злодеев, мужская и женская, обе похабничали, где ж мне было их перекричать. И всё же я не зря метался между вами, я кое-чего добился. Когда вы пошли через парк в гостиницу и чужой муж протянул руку к Твоей щеке, Ты шарахнулась в кусты. "Ломая лес!" - так он сказал со смехом. И Ты взяла его под руку. Но не более. И скоро была гостиница, а там порядок строгий: гостей на ночь нельзя. Но левые своё сделали. Они всю ночь не давали Тебе спать, потом весь день мешали работать, а вечером состоялся первый поцелуй.

Незачем вдаваться в детали: всё получилось очень естественно, почти с неизбежностью, будто случайно - мой поцелуй, а достался ему. Вы были сильной парой, двое сильных. Кто из вас кому достался - не вопрос. Но в паре один кто-то должен быть слабее, хоть даже поддаваться. А вы в поддавки не играли. На том и расстались. Только очень уж не скоро, успели наломать дров. Погибла его жена. Ты бросила институт. А он - бросил Тебя. Забрал сына и уехал. Рядовая трагедия. Но - моя. И странность, тоже не Твоя, а сугубо моя: тот, кто падает, порой не так страдает, как тот, кто не сумел спасти.

Твоей третьей жертвой снова оказался женатый. Опять Ты была студенткой, а он - на Твоём курсе. Опять беззащитная юная жена, студентка курсом младше, талантливая, жертвенная и прочее.

А он - опять Тебе под стать - лидер, умница, спортсмен, красавец и двужильный любовник. Вы познакомились на общественной работе, это позволяло встречаться будто бы по делу когда угодно, задерживаться вместе по общественным делам сколь угодно долго и где попало, а между делами у вас были диваны, кресла, столы, просто ковры на полу, чьи-то квартиры, лавки в парках, домики на детских площадках, купе в поезде и даже деревья - не будем уточнять, где и как: достаточно того, что во исполнение своей кары я присутствовал при всех Твоих половых оргиях со всеми Твоими мужчинами, даже левые духи отворачивались, а я шептал и шептал, будил Твою душу.

Эта история закончилась кроваво. Твой студент надорвал тело, а с ним и душу. Ребёнка у него не было, юную жену, которая всё узнала, он любить не перестал, но и от Тебя отказаться не мог: двоелюбие, синдром Джека Лондона. Он так же, как его любимый писатель, покончил с собой. Только не утопился, не отравился, не удавился и не застрелился. Завербовался на войну и дал застрелить себя другим. Из пушки. Очень лёгким был запаянный гроб. Ты участвовала в похоронах. Юная вдова была беременна и старалась Тебя не видеть. А я шептал: "Ну и всё, всё! Найди неженатого и выходи за него...." Помнишь? Теперь бы и спросить, а какого рожна я добивался? Всегда одного. Не был святым Твой дух-хранитель, для себя же и старался. Чтобы, пока сам в теле, отбить Тебя у всех и попользоваться. Однолюбство - тоже разновидность кары.

Пока мой дух нашёптывал Тебе спасительные советы, тело ненавязчиво старалось обратить на себя Твоё внимание. И Ты на какое-то время выбрала меня. Но не для вечности, а так, ради утешения. А когда утешилась, выбрала другого, тоже холостого, но всерьёз. И через ещё какое-то время стала ему изменять. В том числе и со мной. И во всех этих изменах я неотлучно присутствовал: или отговаривал или убеждал, что вот, наконец-то, но всегда страдал по полной программе. Даже когда Ты стонала в моих объятиях, бедный дух тоже страдал - по привычке. Казалось бы, чего логичнее - возненавидеть и бросить, а то и вовсе разогнать душек у Твоего левого плеча, поселиться там одному и загнать Тебя такую в геенну огненную, благо особых усилий и не надо, сама пойдёшь. Но ведь не в геенну этот путь, а всего лишь в лёгкое облачко злых комарих у чьего-нибудь левого уха. Жалко отдавать Тебя ТАКУЮ в эту бездарную долю. Большого стоишь.

И эта Твоя беспечность необоримая - тоже моя кара. За что же мне наказание, какие такие грехи отработываю любовью без просвета?

Не верю.

Ни в грехи, ни в кару, ни в карму, ни в высшие, разумные, наказующие силы.

Сами себя воспитываем, сами себя наказываем. Нам принадлежат и сегодняшнее тело, и вечная душа. И нет тут никакого стратегического дальнего замысла насчёт каждого из нас, а есть какой-то необъятный вселенский Разум, который состоит из всех нас, грешных, мудрых, бестолковых, неуправляемых, и потому не может сам себя понять и этим обречён на вечные счастливые страдания. А счастливые они всего лишь потому, что вечные. И несчастны - по той же причине. В этом - гармония Природы, эстетика Её вечной незавершенности. Об этом мы с Тобой поговорим, когда оба станем только духами. Я уйду первым и подожду совсем рядом, когда Ты нарежвишься и освободишься от этого прекрасного грешного тела. И не будем мы никого хранить или ронять, пока не насытимся общением. Может быть, даже сольёмся в одну душу - ведь нет в Природе ничего невозможного.

Дочитала? Благодарю. Теперь позвони мне.

Услышать Твой голос и умереть.

Не медли. Я жду".

И дождался...

Свидание окончено. Иван, конечно, захочет встретить их обоих - ТАМ. На то он и психиатр. Боюсь даже, что поспешит.

Так же, как бедный автор письма, позвонит Ей, услышит Её голос - и упадёт. Вот вам и медик: похвалялся своим цинизмом и так бездарно готовится погибнуть.

А я?

Подумать надо.

Может быть, сумею набраться мужества и опережу друга, чтобы спасти его...

Какой, бишь, у Неё телефон?

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Фотокиллер
2. Авель
3. Гоблины
4. Каин
5. Гость
6. Сумма
7. Лучший враг
8. Белая леди
9. Хеппи-энд
10. Кара (эпилог)